

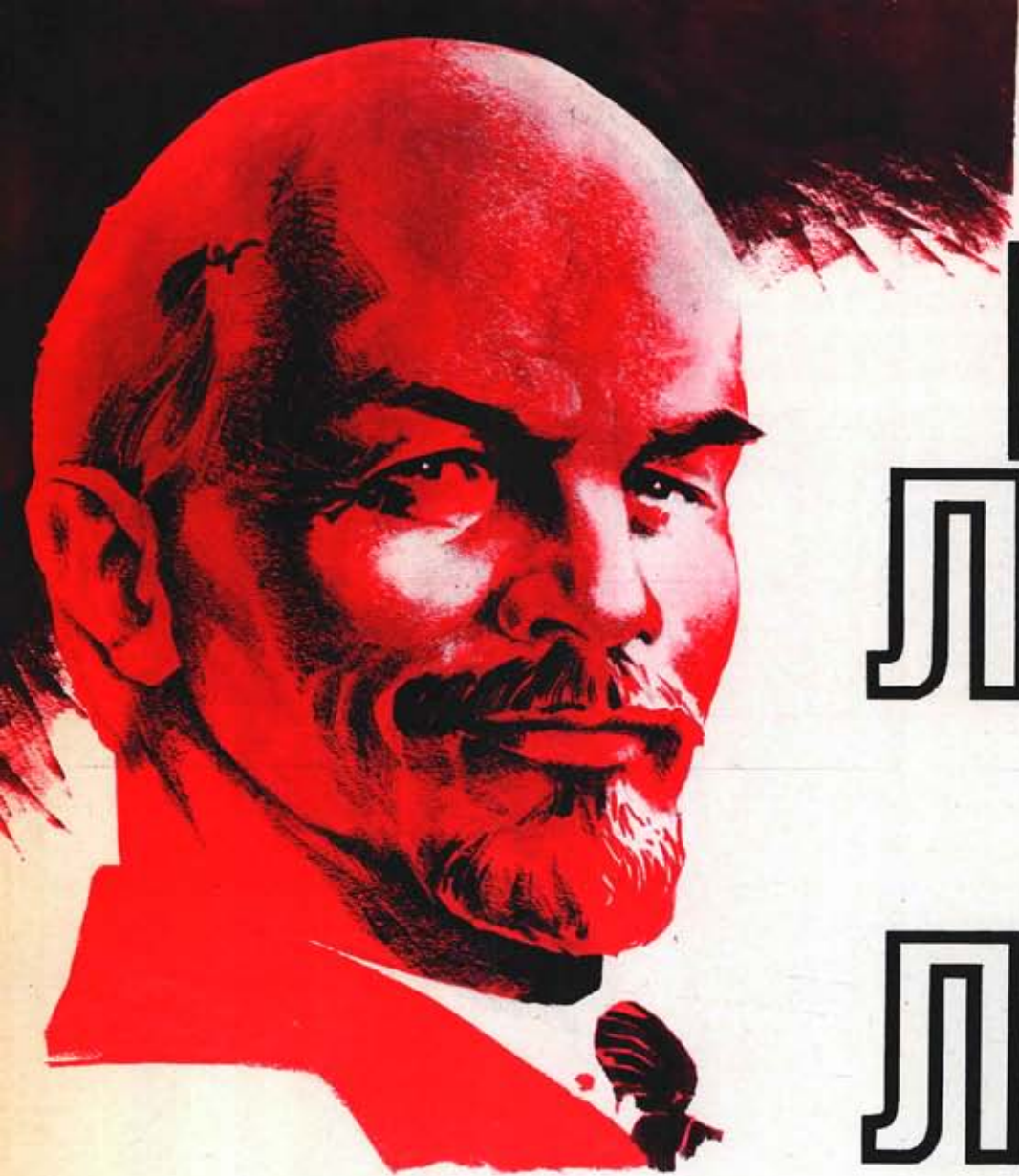

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1980

**ВРЕМЯ
ЛЕНИНА,
ЭРА
ЛЕНИНА**

Михаил ДУДИН,
поэт,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета РСФСР

ВРЕМЯ ЛЕНИНА, ЭРА ЛЕНИНА

Рисунок Олега ВУКОЛОВА

Человечество — едино, а каждый Человек в нем — Вселенная. И для меня мечта Пушкина о тех временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», и призыв Коммунистического Манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — есть поэзия одного — самого высокого — ряда, потому что она, эта поэзия, являет собой тот самый великий опыт, который может быть мостом в грядущий день Человечества.

Прошное.
Будущее.

Только Человек своей удивительной жизнью держит эти два конца Времени, наполняя это Время смыслом своего бытия, своего действия.

Семья Ульяновых — ее просвещенность, ее нравственный и духовный строй — и являлась, на мой взгляд, образцом конструкции той ячейки, которая могла вынести на своих плечах напор всех внутренних и внешних бурь — вынести, и не сломаться, не рассыпаться под их тяжестью.

Все члены этой удивительной семьи были очень разные, но каждый свою собственную Вселенную с полной ответственностью подчинял общей центрированной энергии практического приобщения ко Времени. Она, эта ячейка, словно корабль в ревущих широтах, обладающий абсолютной непотопляемостью, была как будто обусловлена и запрограммирована самим движением Времени. Сопротивляемость

общего характера этой ячейки и характера каждого из ее членов были нерасторжимо слитны. И эта слитность проецировалась каждым по-своему на Будущее.

В этой семье слово было действием, а действие мастерством, и каждый из ее членов, не произнося этой мысли вслух, знал, что все в этом мире держится на мастерах, на людях, умеющих в совершенстве делать свое дело.

И, наверное, именно поэтому в семье Ульяновых выше всего ценились знания, а сам Владимир Ильич, памятуя об этом всю жизнь как революционер, как вождь Октябрьской революции и создатель Коммунистической партии, всегда был на высоте именно благодаря огромным познаниям в самых разных областях науки и жизни.

Об этом так проникновенно и взволнованно написал мой друг балкарский поэт Кайсын Кулиев:

*За мир познания я в него влюблен,
Его идеи ревностный служитель.
А он был прост,
сердечен и умен,
Внимателен и мягок,
как учитель.*

*Он был в дерзание революций
смел,
Народы за собою поднимая.
И он умом мирья объять умел,
И был задумчив, как поэт,
мечтая.*

*Построить мост в грядущее
сумев,*

*Он строил планы, чей размах
огромен.
И слушал, от восторга онемев,
Как ликовал по клавишам
Бетховен.*

*Я всей душою в Ленина влюблен,
Он для меня всегда
орел в полете...*

И не зря молодости мира на все грядущие времена Владимир Ильич оставил первостепенный завет жизни — «учиться коммунизму» и овладевать всей суммой знаний, накопленных человечеством. Груз знания — самый ответственный и самый приятный груз. Это истина. И чем выше вершина — тем удивительнее мир, чем углубленнее знание — тем радостнее победа. Жизнеутверждающую силу и правоту ленинских заветов, готовность самоотверженно бороться за воплощение их в реальность находим мы сегодня в каждодневных делах и поступках наших молодых современников.

В семье Ульяновых было шестеро детей — три сына и три дочери. Три брата и три сестры. Это была дружная семья, где каждый понимал, что чужого горя не бывает, и каждый по-своему распахнул свою душу Времени.

Первый сын и старший брат погиб на виселице, и тогда средний сказал перед памятью старшего: «Нет, мы пойдем не таким путем». Эти слова стали для 17-летнего среднего сына клятвой перед павшим, паролем перед Грядущим. Они ста-

ли самой сутью характера среднего сына и брата.

Мать и отец знали об этих словах среднего сына. Потом об этих словах узнали сестры и младший брат. Мать благословила среднего сына, а сестры и младший брат согласились со средним братом и стали его верными помощниками.

Трагедия просветляет человеческую душу, особенно на пороге молодости. Просветляет и зовет к действию.

И когда Владимир Ульянов — еще не Ленин — вынужден был отправиться в свою первую ссылку в Сибирь, его мать Мария Александровна, как никто знавшая и понимавшая душу своего среднего сына, подарила ему на дорогу не что-нибудь, а томик стихотворений Федора Ивановича Тютчева. Она понимала, что именно надо подарить сыну на его дальнюю дорогу. Она чувствовала своим материнским сердцем, на что он идет. И она благословила его на этот путь.

Я когда-то давным-давно держал этот томик в руках. Я счастлив, что мне позволено было поддержать его. И я робко взял его в руки и наобум раскрыл страницы.

*Когда пробьет последний час
природы,
Состав частей разрушится
земных,
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них.*

Я прочел эти стихи и был ошеломлен их беспощадностью. Прочел и

подумал о том, что Владимир Ильич читал их тоже, да, наверное, и не один раз, не зря же книга сама в моих руках раскрылась именно на этом стихотворении. Он читал их и не боялся их.

Я осторожно сложил книгу, а потом, после некоторого раздумья, снова раскрыл ее и теперь прочел про себя уже известное мне на память:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Сколько раз эти стихи возникали в моей душе и просветляли ее, я не считал. Я знаю только одно — они всегда действовали на меня, как команда: сосредоточиться! И я представил себе, как их вспоминал, как их, может быть, шептал про себя, глядя в морозное окно через отодвинутую занавеску, Владимир Ильич. Я воображал себе:

*Свечи мерцающий огарок.
Морозной ночи кутерьма.
И томик Тютчева — подарок
Любимой матери... Тюрьма.*

*И крепостей старинных вроде
Снегов завалы и валы.
...А на Путиловском заводе
Еще куются кандалы.*

*Сибирь. Сибирь... И ветер в двери,
Как вестник бури у крыльца.
«В Россию можно только
верить».
Я тоже верю. До конца.*

Вера моей души в мою Россию шла параллельно этой ленинской, этой тютчевской вере. Она, наверное, началась с колыбельной песни, которую моя мама пела над младшей засыпающей сестренкой: «Все в мире перемелется — останется любовь».

Эта вера началась с моего первого учителя в Бибиревской сельской школе, Александра Николаевича Куракина, с его первого урока, на котором он прочел:

*Пока свободой горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.*

Потом эта вера моей души подкреплялась красным галстуком пионера в Каликинской школе колхозной молодежи и комсомольским билетом в кармане солдатской гимнастерки, в жестких снегах Карельского перешейка, в огненной крутоверти мерзлого вереска под Выборгом в 1940 году.

Владимир Ильич Ленин укоренился в нас, ровесниках революции, и великая победа над фашизмом в 1945 году стала на века этому свидетельством и подтверждением.

Мужеству этой веры я дивился в блокадном Ленинграде. Мне никогда не забыть, как январской ночью 1942 года я шел через кладбище Александровской лавры. Было тихо и пустынно. Снег. Луна. Тишина и иней. И в этой насквозь промерзлой тишине я услышал вдруг стук топора. Я пошел на этот стук и увидел странно закутанную фигуру, ударявшую топором по деревянно-

му кресту. Я подошел к ней. Окликнул ее и упрекнул. И услышал в ответ:

— Я не чужой рублю, а мужнин. А ты посильнее меня, взял бы да и помог.

И я помог этой старухе справиться с памятью о своем муже. Я срубил и расколол на щепки крест, погрузил все это на санки и отвез старухе на квартиру на улице Чайковского. Я помог ей растопить печку и разогреть чай. Потом я узнал, что у нее на этой войне погибли три сына. Погибли в боях, а три невестки с шестью внуками погибли вместе с баржой во время эвакуации через Ладогу. Она осталась одна. Она была портнихой-надомницей. Перед самой войной ей завезли из артели фланель — заказ на пошив детских распашонок. Вот она их и шила. И глядя на меня из-под очков, говорила:

— А ты не смейся надо мной. Вот погоди, победишь фашистов, домой вернешься, детей нарожаешь, и мои распашонки понадобятся, спасибо скажешь.

И еще мне не забыть одного ее откровения:

— Когда тебе плохо, ты попробуй сделать что-нибудь очень хорошее для того, кому хуже, чем тебе. И тебе самому после этого хорошо станет.

Позже эта моя вера в мою Россию и в моего Ленина утвердилась навсегда нашим Красным знаменем над рейхстагом и миллионами моих беззаветных соотечественников, навечно оставшихся в братских могилах под памятниками доблести и славы на своей, отеческой земле и на иных землях, народы которых пришлось освободить им от смерти и позора.

Вот что стоит за ней, моей и твоей Ленинской верой в бессмертную душу нашей с тобой России, нашего с тобой Ленинского братства. Нашей Ленинской семьи.

Дело Ленина, дело его жизни необратимо.

Он самый счастливый из всех великих мечтателей и борцов за счастье человечества, потому что он единственный, кому удалось увидеть Победу своего дела.

И эта Победа непобедима уже никем и никогда.

С этой Победой идем мы к бесконечной радости жизни, к бесконечному совершенству своей души.

Эту Победу мы сохраним во все времена.

Ибо Ленин — бессмертен. Он — в нас.

*Он среди нас всегда. Мы сами
Движение его судьбы —
Глядим на мир его глазами,
Живем судьбой его борьбы.*

*Он среди нас всегда. Он с нами —
Приказ и воля, смысл и страсть —
В том направлении, где Знамя
Сквозь ветер реет, накрепко.*

*Он среди нас всегда. Он взглядом
Своей души в полете лет,
И мысль, как молния разрядом,
В веках прокладывает след.*

Он был прекрасным сыном своей семьи. Он стал великим сыном Человечества. Его Надеждой и Верой — уже навсегда.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1270) АПРЕЛЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина художника
Игоря СИМОНОВА
«ВОЖДЬ».

- 1 Михаил ДУДИН.
поэт, Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета РСФСР.
«ВРЕМЯ ЛЕНИНА. ЭРА ЛЕНИНА».
- 2 ФЕСТИВАЛЬ ПОЗМЫ.
Сергей ПОЛИКАРПОВ. «АТАКУЮЩАЯ ЗАЩИТА».
- 3 «ПО СОВЕСТИ».
Репортаж о Ленинском уроке в комсомольской
организации Ленинградского метрополитена.
- 6 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»:
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ.
Анатолий АЛЕКСАНДРОВ, секретарь комитета ВЛКСМ
МВТУ имени Н. Э. Баумана. «ПАТЕНТ НА ТВОРЧЕСТВО».
- 8 Мария ПРИЛЕЖАЕВА, лауреат Государственной премии
РСФСР. «КАК В КАПЛЕ ВОДЫ».
- 10 С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН.
Валентин ЧИКИН. «ИДИ НЕПРЕМЕННО ДАЛЬШЕ».
- 14 Владимир ФРАНЮК.
«О СЕКРЕТАХ СО ВСЕЙ ОТКРОВЕННОСТЬЮ».
- 18 «ДУМАЮ, ЗНАЮ, МЕЧТАЮ».
Всесоюзный творческий конкурс сочинений учащихся ПТУ.
- 22 «ПРИКАСАЯСЬ СЕРДЦЕМ К ПРАВДЕ».
- 26 РАССКАЗЫ О СОВЕТСКОЙ АРМИИ.
«БОИ СЕРЖАНТА ПАВЛОВА».
- 28 НАШИ ПУБЛИКАЦИИ. 20-е годы: невыдуманные истории.
Анна КАРАВАЕВА. «АРСЕНИЙ ИЗ ТРУДБАТА».
- 29 Рассказ Виктора СУГЛОВОВА
«ВЕСЕННЯЯ КОМАНДИРОВКА».
- 32 «ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС В ШАХМАТАХ — БОРЬБА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Г. Сорокин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1980 г.

Фестиваль поэмы

30 января 1892 года общее собрание Самарского окружного суда особым определением зачислило Ленина в корпорацию адвокатов.

Гудит торговая Самара,
Будто осиное гнездо,
Задета вестью с пылу, с жару:
Купец Арефьев
Под судом!..
Гуляют толки:
— Видно, козни
Чинил таким, как сам,
В делах?..
— Нет,
На своем на перевозе,
При всех на то
Его правах,—
Перехватить чужую лодку
Он с пассажирами велел.
А те—
До мирового ходко:
Мол, произвол!
Де, как посмел!..
— А как же поступать прикажешь
Со всяким,
Смевающим посягнуть
На собственность?
Хозяин каждый
Не церемонился б ничуть!..
— Не лодочник—
Чиновных двое,
Просившихся перевезти,
Купца за поимство лихое
Под суд решили подвести.
Видать, им,
Петухам цивилильным,
Еще не била в гребень жизнь—
Научит:
Не тягайся с сильным,
Как и с богатым
Не судись!..

...Июньский день плескался рьяно
В прохладных струях волжских волн.
Самарский адвокат Ульянов,
Задора молодого полн,
Рядился с лодочником
В мятом
Картузике и армяке:
— Перевезете?
Двое с зятем...
Нет, без вещей,
Мы налегке...

Уже почти у стержня лодка,
Уже тот берег недалек,
И вдруг, наперерез им,
Ходко—
Арефьевский паровичок!
Чуть не подмяв кораблик хрупкий,
Хозяйский штурман,
Впавший в раж
Угоднический,
Взял скорлупку
Под парусом
На абордаж!..

С богатым не судись!..
Умеет
Зло припугнуть забитый люд.
И безнаказанность наглеет,
Когда повадку ей дают,
И ходит пьяной распояской
По жизни,
Точно по избе
По собственной,
Не испытав острастки
За шрамы на чужой судьбе.
Околичность людской природы!
Чем больше зол прощают ей,
Тем к ним—
Так повелось отроду!—
Ее пристрастие сильней!..

Мать, провожая в суд Володю,
Тепло заметила ему:
— Судейских ты познал породу,
А вновь к их сердцу и уму
Теперь надеешься пробиться.
Оставь ты этого купца!..
— Нет, мама,
Этак не годится,
Влез в драку—
Бейся до конца!

АТАКУЮЩАЯ ЗАЩИТА

Сергей ПОЛИКАРПОВ

ПОЭМА

Я знаю,
Наши толстосумы
Злы на меня—
Не липну к ним!
Но мне куда отрадней думать,
Что я полезнее другим—
И утешняемым
И темным,
В то верить
Им помочь долг мой,
Что все равны перед законом:
Купец,
Извозчик ломовой...
Что «право сильного»—
Не право,
А потаканье власти лишь
Торгашей
Денежной ораве,—
Обоим сторонам барыш!..
Нет, мама,
Если впрягся в дело,
Тяни поклажу до конца!..

В присутствии
Юлил умело
Лощеный адвокат купца:
«В том, что стряслось,
Самих матросов
Почин усматривать должно...»
Пленили лодку, мол, без спросу
Купца,
Мол, так велось давно:
Купец—
Хозяин монополярный,

Весь перевоз откуплен им,
И всякий промысл своевольный
Им пресекается самим!..

«Вот чем и будете вы биты!»—
Решил Ульянов,
Вслух сказав:
— Но самовольная защита
Своих «законных» даже прав
Самоуправство есть,
А это
Суть преступление!
И он
Быть должен привлечен к ответу
Как преступающий закон!..

...Лишен я пламенного дара
Судебник
Переплавить в стих.
И есть ли прок в стихах таких?..
Гудит торговая Самара
В лабазах и домах своих:
— Арефьев за самоуправство
В тюрьму на месяц водворен!..
— Не помогло купцу богатство,
Знать, богом был оставлен он...
— Кто б знал,
Что так ославить может
Купчину юный правовец!

Теперь,
События те итожа
С мостков высоких наших лет,
Не удивляемся нимало

Мы светлой ленинской звездой,
Светившей с самого начала
Народу, слепшему в нужде,
Сиявшей над орлом двуглавым
И в залах сумрачных судов,
И в ссыльном крае одичалом,
И со страниц его трудов...
На всем пути ее к зениту
С былинных волжских берегов
Прав человеческих защита
Была основой основ,
Заглавной в начинаньях всяких
На благо трудовых людей—
Защита
Яростной атакой
Гнетущих душу крепостей!

Неужто ж не было доселе
В губернском старом далеке
Таких,
Чтоб разглядеть сумели
В разбое наглom на реке
Его преступную природу?
Вот угнетателя мурло!
«Со злом судиться—
Знаем сроду—
Высуживать себе же зло!..»
Затерт судебной волокитой,
Любой,
Что углый челн во льдах,
Жизнь доверстает, как побитый,
Живя с душой на костылях...
Боец недюжинный
Тут нужен—
Ума и воли твердый сплав!..

Отважно
И во всеоружье
В защиту человеческих прав
Повел атаку юный Ленин
На служек денежной мошны,
На сытых чад духовной лени
Губернской сонной стороны.
И слышно:
— За самоуправство
В тюрьму купчишка водворен,
Не помогло ему богатство...
Пал судный царский бастион!
Но он
Не первая победа
На славном ленинском счету:
Не раз им отвращались беды
От подзащитных!..

В пору ту
Еще присяжного помощник,
Еще не вождь рабочих масс,
Ума уж удивлял он мощью
И верой в пролетарский класс.
Еще Ульянов он—
Не Ленин,
Кому бессмертье суждено,
Но в каждом деле
Вдохновенен,
Как будто главное оно.
Стратег лишь зреет в нем,
Однако
Уже черты его ясны:
В борьбе—
Упорная атака,
Как ни были б враги грозны!
Еще им поиски ведутся
Путей
К вершине дел его—
К Октябрьской светлой революции,
Явившей правды торжество,
Но он уже
Того предтеча,
Прослышит вся Земля о ком,—
Борца за счастье человешь,—
Кого мы Лениным зовем!..

...Мир юных дум
Высок, но хрупок
И в постижении не прост...
К поступкам доблестным—
Поступок,—
Героя образ в полный рост!
Каков он есть?
Мы знаем сыладу:
Он в том запечатлен навеки,
Что, сокрушая все преграды,
Советский создал человек,
На жизнь отставив право,
На мирный труд в краю своем,
Что мы
Советскою державой
С сыновней гордостью зовем!

ПО СОВЕСТИ

О ДИСЦИПЛИНЕ, СОЗНАТЕЛЬНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ ГОВОРЯТ НА ЛЕНИНСКОМ УРОКЕ МОЛОДЫЕ ЛЕНИНГРАДСКИЕ МЕТРОПОЛИТЕНОВЦЫ.

Метро — это чудо, к которому мы все давно уже привыкли. Привыкли настолько, что, входя в вагон голубой электрички, не задумываемся, как это метро стало сегодня и самым удобным, и самым приятным, и самым безопасным и надежным транспортом. Просто садимся в вагон и едем, куда хотим. Зная, что метро довезет нас с комфортом, точно и в срок. А ведь для того, чтобы подобные мысли настолько укрепились в нашем сознании, что мы перестали уже об этом задумываться, люди, обслуживающие этот очень сложный вид транспорта, трудятся ежедневно и еженощно с полной отдачей сил.

Среди всех служб метрополитена одна из самых главных — служба сигнализации и связи, обеспечивающая точный график и безопасность движения поездов. 103 комсомолец трудятся в этой службе, и потому в ней много комсомольско-молодежных смен. Все рабочие этих смен — молодые, но уже опытные специалисты с высоким уровнем образования — от среднетехнического до высшего.

Труд их специфичен, потому что основные работы им приходится выполнять ночью, причем в те три часа — с 2 до 5 утра, когда по всем линиям снимается напряжение и подземные тоннели заполняются людьми: линейными механиками, путейцами, сантехниками. Идут к своим многочисленным приборам, установленным в тоннелях, и электромеханики со своими напарниками — электромонтерами, как правило, недавними выпускниками ПТУ. Именно от их знаний, их собранности, сознательности и дисциплины зависит в первую очередь, как будет выполнять свои функции автоматика, — на ней сегодня работает весь метрополитен.

Вот почему две комсомольско-молодежные смены этой службы решили провести Ленинский урок, посвященный отношению к трудовой дисциплине. Когда бюро ВЛКСМ службы обсуждало, как лучше подготовиться к уроку, некоторые засомневались: почему разговор должен идти именно о дисциплине, если нарушителей ее в службе мало? Тогда-то секретарь комитета ВЛКСМ метрополитена Сергей Романов и внес ясность:

— Главное, — подчеркнул он, — не ограничиться обычным разговором о прогутах и опозданиях, не рапортовать о звонких успехах, а еще раз строго сверить свои дела, свою жизнь и работу с ленинской строкой, с его заветами.

Проходил Ленинский урок в зале, где обычно проводятся важные совещания с руководящим составом метрополитена. Ребята пришли принаряженными, торжественными, расселись все дружно — локоть к локтю — вокруг большого стола, во главе которого посадили почетных гостей: делегата исторического III съезда РКСМ, председателя совета ветеранов комсомола при Ленинградском обкоме ВЛКСМ Александра Никитича Панова и ветерана Ленметрополитена, кавалера ордена Ленина, депутата Ленгорсовета Николая Васильевича Гаранина.

Открыть урок ребята попросили А. Н. Панова — представителя того поколения, которому почастливилось лично видеть и слышать Владимира Ильича Ленина.

— В годы рождения комсомола, когда он делал только первые свои шаги, Владимир Ильич Ленин напутствовал его такими словами:

«Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

Эти ленинские слова с тех пор стали заветом комсомольцам, всей советской молодежи. И очень хорошо, что в канун юбилея вождя вы, метрополитеновцы, стремитесь пристальнее всмотреться в его жизнь, глубже вдуматься в оставленные им заветы.

Сегодня я особенно хочу подчеркнуть, что Ленин призывал молодежь к строительству коммунизма, к активному процессу труда. При этом он часто упоминал о дисциплинированном труде. Это один из важнейших заветов Ленина. Ибо строить коммунизм могут люди, только всесторонне подготовленные, полные сознания того, что они делают дело не только для себя, а для всего общества.

Недавнее постановление партии и правительства о дальнейшем укреплении трудовой дисциплины

Уже не первый год проходит в комсомольских организациях страны Ленинские уроки. В этом, юбилейном для нас году, когда мы отмечаем 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, урок стал одним из этапов Всесоюзной Ленинской проверки и проходит под девизом «По-ленински учимся коммунизму, строим коммунизм!».

Как и всегда, комсомольцы, молодежь берут урок у Ленина, сверяя свою жизнь и работу с важнейшими положениями его революционной науки — науки построения коммунистического общества, соизмеряя свои поступки и дела с его великими заветами.

Именно таким — самокритичным, острым, проблемным — стал Ленинский урок, который накануне юбилея вождя провел журнал «Смена» совместно с Ленинградским горкомом ВЛКСМ в одной из комсомольских организаций Ленинградского метрополитена, четверть века носившего имя Владимира Ильича Ленина.

побуждает нас снова обратиться к ленинскому наказу: всемерно развивать и укреплять сознательную социалистическую дисциплину.

Вспомним сегодня бессмертные слова Владимира Ильича:

«Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий.

Это — благодарнейшая и благороднейшая работа».

Вот она — острая ленинская мысль: строить новые формы и приемы привлечения людей к труду!

Разве мало сегодня, отмечали многие выступавшие на уроке, примеров того, как на метрополитене воспитывают кадры, как приобщают молодых, только пришедших из техникумов и ПТУ, ребят к трудовой и общественной деятельности. Они, совсем молодые ребята, и на уроке вели себя активно, интересно, с задором выступали, частенько полемизировали с более опытными товарищами. Как, например, Женя Смирнов, 18-летний паренек, первые месяцы работающий электромонтером. Его особенно задела произнесенная кем-то слова о том, что «большинство нарушений трудовой дисциплины приходится на выпускников ПТУ». Значит, говорили ребята, не все обстоит благополучно с воспитательной работой в базовом училище метрополитена, ибо основной приток молодых кадров именно оттуда.

— Это неверное утверждение, что в ПТУ с нами плохо работали мастера и воспитатели, — буквально встал на защиту чести родного училища Женя. — Если мы еще в чем-то и проявляем свою недисциплинированность, то это качество не приобретенное, а скорее возрастное.

И Женя с большой искренностью и любовью рассказал о мастере Любови Александровне Ивановой, которую все ребята звали «вторая мама». Она могла быть и строгой, и ласковой, и постоянно прививала своим питомцам мысль о том, что метрополитеновец — профессия особая, требующая не только хороших знаний, но и внутренней культуры и самодисциплины.

Вот так, без раскачки и длинных предисловий участники урока подошли к одному из самых больших вопросов: почему же все-таки слабо приживаются и адаптируются в коллективе выпускники ПТУ?

Аркадий Лебедев, зам. секретаря комитета ВЛКСМ. У нас, как, наверное, и на других предприятиях, существует серьезная проблема: ребята, проработав по специальности год, призываются в армию и, как правило, после службы на прежнее место работы не возвращаются. Почему? Давайте об этом задумаемся.

Взоры участников урока обращаются к самым молодым метрополитеновцам. Они сидят своей, тесной группкой, внимательно слушают старших товарищей. Снова встает Женя Смирнов:

— Нам по окончании училища присваивают 4-й, иногда 5-й разряд электромонтера. Ясно, что пона-

чалу мы для коллектива «сырой материал». Теории у нас в голове сколько хочешь, а практического умения в руках не хватает. Потому нас все время на разные работы, не связанные с нашей специальностью, и отвлекают: пойдешь туда-то, принеси то-то. Короче, больше на подхвате, чем при деле...

Вячеслав Ларюшкин, бригадир того участка, где работает Смирнов. К сожалению, Женя прав: у нас часто случается такая беготня. Сегодня надо кого-то на овощную базу послать, завтра на завод за материалами, послезавтра еще что-нибудь... Оборачивается это часто тем, что молодому рабочему становится неинтересно работать. Вот он и начинает сначала дисциплину нарушать, а потом и вовсе ищет другую, более интересную для себя работу. Только хочу сказать, что все это к Жене не относится — он трудолюбивый, сознательный работник.

Аркадий Лебедев. В комитете комсомола мы постоянно ведем сводку нарушений трудовой дисциплины и должны констатировать, что из каждых трех нарушений два приходится на комсомольца или на молодого рабочего не старше 23 лет, а это, как правило, выпускники ПТУ. Именно им как раз и не хватает той самой сознательности, которая сдерживает человека, дисциплинирует его...

Н. В. Гаранин. А мне кажется, ребята, что причины «неприживаемости» выпускников не только в том, что их куда-то все время отвлекают. Делается это, как правило, в случаях крайней производственной необходимости. Я вот членов комитета комсомола хочу спросить: что хорошего сделала комсомольская организация для тех ребят, которые уходят в армию? Хотя раз проводы торжественные, чтоб запомнились на все время службы, устроили? Или торжественную встречу уже отслужившим?

Сергей Романов, секретарь комитета ВЛКСМ. Упрек ваш справедлив, Николай Васильевич, этот участок работы с молодыми мы пока недооцениваем. Будем после этого урока сообща думать, как исправить такое положение. Но я хотел бы еще сказать, что дисциплина молодых рабочих зависит в первую очередь от микроклимата коллектива, создаваемого всей совокупностью отношений.

Здесь прервем выступление Сергея Романова, чтобы подкрепить его слова мнением самих участников урока. Накануне им была роздана анкета нашего журнала, один из вопросов которой как раз и касался «влияния отношений в коллективе на дисциплину».

Ответы на этот вопрос были единодушны: дисциплина на целый порядок выше обычной в том коллективе, где сами рабочие удовлетворены отношениями между собой и с администрацией. (Заметим, кстати, что сегодня, как считают социологи, именно в этой удовлетворенности надо искать немаловажный источник повышения производительности труда, улучшения качества продукции.)

Вот такой дисциплиной, основанной на доверии и дружбе всех членов, славится на метрополитене комсомольско-молодежный участок Вячеслава Ларюшкина. Не случайно этот участок в течение нескольких кварталов подряд показывает лучшие в сравнении с другими комсомольско-молодежными сменами результаты в соревновании под девизом «100-процентному графику движения поездов — рабочую гарантию».

О себе и о своих жизненных планах ребята на уроке не говорили, но я узнал об этом позже, когда пошел к ним на участок, чтобы поближе познакомиться с их работой и с ними самими.

Встретили меня приветливо, обстоятельно показали свое сложное подземное хозяйство — располагается оно как раз под перроном станции «Ломоносовская». Для человека, который, подобно мне, впервые спускается ниже того уровня, на котором идет поезд метро, здесь все удивительно. Ибо если мы привыкли говорить, что метро — это подземный город, то немногие знают, что сердце его, так сказать, двигательные установки располагаются как раз под теми перронами, по которым мы так спокойно и порой безучастно ходим или стоим в ожидании электрички.

Здесь настоящее царство полупроводниковой автоматики, которая требует от механиков, как пояснил бригадир, широкого, инженерного мышления и глубоких знаний. Ведь чтобы определить неисправность какого-либо прибора или причину

задержки сигнала светофора, ему отпускаются считанные секунды. Именно секунды, иначе они обернутся минутами простоя поездов, а это ЧП, страшнее которого в метро не бывает.

На Ленинском уроке комсомольцы этого участка выступали чаще других, и потому познакомимся с ними поближе. Их восемь человек: шесть электромехаников и два монтера — уже знакомый нам Женя Смирнов и Наташа Лебедева, которая на уроке не присутствовала, так как только что стала мамой.

Самый опытный из электромехаников — **Вацлав Матулис**. Всего семь минут вместо отпущенных по норме сорока понадобилось ему, чтобы сначала определить, а потом и устранить серьезное повреждение переключателя стрелочного привода. Просто интуиция на всякие неполадки у человека!

Александр Санжак — молодой специалист, пришедший в бригаду год назад, окончив институт железнодорожного транспорта. Ему недавно предлагали инженерную должность в дирекции — отказался, потому что только здесь, на участке, нашел прекрасную возможность заниматься рационализаторской работой. Заместитель секретаря бюро ВЛКСМ службы и наставник Жени Смирнова.

Владимир Соскин — веселый, добродушный парень, заканчивает в этом году институт. Недавно стал коммунистом и первое свое партийное поручение связал с работой в комсомоле: является членом штаба «КП» службы.

А самый главный на участке человек — бригадир **Вячеслав Ларюшкин**. Хотя он всего на несколько лет старше своих ребят, обращаются к нему только по имени-отчеству. И не потому, что чтят служебную субординацию, нет. Просто уважают его за энергию, увлеченность и эрудицию. За умение сплести коллектив в единое целое, создать тот самый благоприятный микроклимат, о котором заговорил на уроке Сергей Романов и в котором действия и поступки одного человека всегда оказываются полезны и ему самому и его товарищам.

Урок продолжается. Снова к его участникам обращается **Александр Никитич Панов**.

— Я человек уже пожилой, много на своем веку поработал и потому хорошо знаю, что такое и производственная и комсомольская дисциплина.

Раньше производственная дисциплина поддерживалась страхом рабочих перед предпринимателем. Российские буржуи насаждали унизительное, холодное повиновение.

Сегодня мы боремся за сознательную дисциплину рабочих. Я помню, Ленин в своей речи на III съезде РКСМ много раз употреблял это слово — «дисциплина». «...Требуется от тебя железная дисциплина...», «...для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине...», «...с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде...», «...заменив... сознательной дисциплиной...». Обратите внимание, Владимир Ильич настоятельно рекомендует комсомольцам выработать в себе именно такую дисциплину, которая бы стала для каждого человека внутренне осознанным побуждением искоренять в себе вредные привычки, ценить свое и чужое время.

Свое и чужое время... Для них, молодых работников метрополитена, эти понятия особенно важны, ибо «чужое» время здесь — это время многих миллионов пассажиров, которые пользуются услугами метро, «свое» же время — это время, отпущенное им на то, чтобы безукоризненно четко обеспечить график движения поездов. И они, надо отдать им должное, научились ценить и то и другое.

Потому на уроке и шел больше разговор не о прогульщиках и лентяях, которых тут единицы, а о дисциплине с точки зрения самой высокой, пока еще не достигнутой организации труда.

В этот момент урока Николай Васильевич Гарагин взял том Сочинений В. И. Ленина и процитировал подчеркнутое красным карандашом:

«Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные...»

— Давайте поговорим об этом ленинском тезисе. Одним из таких «ростков нового» у нас в службе стало внедрение бригадного метода обслуживания устройств. Но почему-то пока очень немногие смены и участки перешли на этот метод...

Слава Соловьев, электромеханик 2-й дистанции пути. На техобслуживание устройств нам дается три ночных часа. Остальное время — на оперативное дежурство. Раньше мы с напарником, чтобы успеть за три часа осмотреть свои приборы, должны были все дневное время тратить на подготовку инструмента, проверку схем, монтажа. Крутились, как белка в колесе: знали, что за нас никто эту работу не сделает. Теперь, перейдя на бригадный метод обслуживания, я готовлю фронт работ для сменщика, он — для меня. При этом я даю ему свою гарантию точной работы, он мне — свою.

УРОК У ЛЕНИНА БЕРУТ МОЛОДЫЕ МЕТРОПОЛИТЕНОВЦЫ ГОРОДА НА НЕВЕ.

А. Н. ПАНОВ, ветеран партии и комсомола: «Очень хорошо, что в канун юбилея В. И. Ленина вы, комсомольцы, стремитесь пристальнее всмотреться в его замечательную жизнь, глубже вдуматься в оставленные им заветы».

Владимир СОСКИН: «Мы с бригадой решили обратиться ко всем комсомольцам метрополитена с призывом — жить, трудиться и учиться под девизом «Каждый отвечает за коллектив и коллектив отвечает за каждого».

Слава СОЛОВЬЕВ: «Теперь вся ответственность на нашей сознательности и совести покоится».

Н. В. Гарагин. Значит, и ответственность делите пополам?

Слава Соловьев. Почему «пополам»? Теперь вся ответственность на нашей сознательности и совести покоится...

Александр Логунов, старший инженер отдела труда. А самое главное — бригадой легче решать любые производственные задачи, потому что у каждого работника значительно повысилась производительность труда. Но хочу обратить ваше внимание, что у Ленина сказано: «Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового...» Понимаете: в поддержке! А у нас бригадный метод почему-то застрял на полпути к иным сменам. Хотя преимущества его видны всем: и администрации — с кадрами трудно, а метод позволяет обслуживать устройства меньшим числом рабочих, и самим рабочим — у тех, кто уже работает по-новому, высвободились и вечерние часы, и выходные дни. Почему же не видно вашей, комсомольской поддержки нового метода?

Участники урока, до того проходившего в спокойной, деловой атмосфере, зашумели. Упрек оказался ребятам незаслуженным, стали говорить о роли администрации, которая-де сама затягивает переход всех служб на бригадный метод, не создает для этого перехода соответствующих условий. Правда, вскоре, немного поостыев, комсомольцы приняли критику и в свой адрес.

Разговор о бригадном методе, основанном на гарантийном обслуживании устройств, и вытекающей из этого личной ответственности каждого неожиданно образом продолжил **Володя Соскин**:

— Выписал я недавно одну поразившую меня мысль В. И. Ленина: «...Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд».

Мы говорили об этом с ребятами. Сейчас, с позиций приобретенного уже опыта работы по созданию коллектива, эта мысль нам особенно близка и понятна. И потому мы решили на нашем Ленинском уроке обратиться ко всем комсомольцам метрополитена с призывом жить, трудиться и учиться под девизом «Каждый отвечает за коллектив, и коллектив отвечает за каждого».

— У меня есть к вам вопрос, — обратился к

Володе Н. В. Гарагину. — У вас на участке еще недавно работал Анатолий Скубай. Механик был хороший, просто «золотые руки», а вот с дисциплиной не ладил: и опаздывал на смену минут на 5—10 и с запашком, бывало, являлся. Знаю, что вы долго с ним возились, пытались перевоспитать, но в конце концов, чтобы не портить общей хорошей картины, он ушел от вас. Вот мне и хочется спросить: а если бы Анатолий по-прежнему оставался на участке, приняли бы вы этот лозунг?

В. Соскин. Конечно, приняли бы.

Н. В. Гарагин. Но ведь тогда вы не имели бы морального права отпустить его от себя. А то он пришел в другой коллектив и там продолжает на работу опаздывать, в нетрезвом виде появляться. Значит, спихнули его от себя, чтобы хорошими оставались.

В. Соскин. Я не согласен, что мы его «спихнули». Он не выдержал наших требований к нему, обстановки нетерпимости к его поступкам и сам пошел искать, где ему будут все прощать.

Н. В. Гарагин. Но вы хоть раз после того, как он в депо от вас ушел, встречались с ним, интересовались его жизнью, поведением?

А. Санжак. А как же! Мы его даже звали обратно на участок, говорили: «У тебя же семья, дети, возьми себя в руки, это в твоих же интересах». Нет, не захотел вернуться.

С. Соловьев. Анатолий работает у нас в депо «Московская». Кстати, почему-то именно к нам чаще всего посылают на перевоспитание недисциплинированных людей, и мы возмемся с ними.

Н. В. Гарагин. Видимо, ваша комсомольская организация в этом смысле сильнее других. И что же Скубай теперь, перевоспитался у вас?

С. Соловьев. Во всяком случае, нетрезвым мы его на работе не видели ни разу. Коллектив наш его принял хорошо, и он уже успел показать себя неплохим бригадиром: недавно так здорово организовал в депо погрузку механизмов, что никто из рабочих ничего на себе не таскал.

А. Санжак. Раньше мы как-то не замечали у него организаторских качеств...

С. Соловьев. Анатолий — прекрасный специалист и может быть хорошим работником, ему не хватает всего лишь самодисциплины.

А. Лебедев. Самодисциплина — это не «всего лишь». Она главное для работника метрополитена. Вспомним еще раз слова В. И. Ленина: «...работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и

самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости...

Это Владимир Ильич писал, а теперь давайте послушаем, что он говорил о трудовой дисциплине.

Когда были произнесены эти слова, в зале установилась полная тишина: многие из присутствующих впервые слушали записанный на пластинку живой голос Ильича.

«Почему мы победили Юденича, Колчака и Деникина, хотя им помогали капиталисты всего мира? Почему мы уверены, что победим теперь разруху, восстановим промышленность и земледелие?»

Мы победили помещиков и капиталистов потому, что красноармейцы, рабочие и крестьяне знали, что они борются за свое кровное дело. Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой, изгоняли беспощадно шкурников и трусов.

И теперь мы уверены, что победим разруху, потому что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства так же сознательно, с такой же твердостью, с таким же героизмом поднимаются на борьбу. А когда миллионы трудящихся объединяются, как один человек, идя за лучшими людьми своего класса, — тогда победа обесечена.

Из армии прогнали шкурников. Все мы скажем теперь: «Долой шкурников, долой тех, кто думает о своей выгоде и спекуляции, об отлынивании от работы, кто боится необходимых для победы жертв!»

Да здравствует трудовая дисциплина, рвение в труде, преданность рабочему и крестьянскому делу!»

Тишина, стоявшая в зале, разорвалась бурными аплодисментами. Ребята только что слышали, как говорил Ленин. Говорил прямо и сурово. С бесконечной верой в творческий разум и решимость народных масс искоренить недостатки и причины, их порождающие.

Это было одним из сокровенных желаний Владимира Ильича — чтобы каждый советский человек решительно шел на борьбу с беспорядками, проявлял заботу об общем деле, болел за производство, чтобы эта забота стала чертой его характера.

Проявили ли эту черту характера участники Ленинского урока? Проявили, и еще как! Особенно когда речь зашла о работе «Комсомольского про-

жектора». Начальник его штаба Слава Соловьев, один из активных участников урока, рассказал, что в поле зрения «прожектористов» постоянно находятся и вопросы производственной санитарии, и экономия электроэнергии, и расход материалов.

— А почему мы еще так много теряем рабочего времени — эти вопросы «КП» рассматривает? — спросил его Александр Логунов. — Ведь в прошлом году потери составили только по вашей службе 4460 человеко-дней.

С. Соловьев. Да, мы проводим рейды с целью выяснить причины этих потерь. Оказалось, основная причина — частая заболеваемость рабочих именно тех участков, где условия труда способствуют возникновению гриппозных заболеваний, где плохо поставлена физкультурная и оздоровительная работа.

А. Логунов. И какова же действительность ваших рейдов? Можете ли вы с чистой совестью сказать, что всякий раз добивались устранения выявленных вами недостатков?

С. Соловьев. Нет.

А. Логунов. Почему?

С. Соловьев. Я думаю, из-за нехватки опыта работы. И еще потому, что не всегда добиваемся, чтобы руководители служб обратили внимание на наши сигналы. Например, у нас в депо под открытым небом лежат бухты с кабелем, дорогое оборудование. Все это, конечно, постепенно портится. Наши «прожектористы» не раз поднимали вопрос о том, что нужно сделать навес. Но пока руководство службы отмахливается.

А. Н. Панов. По-моему, друзья, вы просто боитесь администрации. А я вот вспоминаю, как в 30-е годы действовали комсомольцы из отрядов «легкой кавалерии». Чтобы обратить внимание начальника депо на то, что охрана буквально спит, тем самым потворствуя всяким безобразиям, они однажды взяли и угнали паровоз из депо. Вот когда начальство зашевелилось!

Реплика из зала. Но это же хулиганство!

А. Н. Панов. А вот товарищ Орджоникидзе решительно поддержал такие действия комсомольцев, назвав их смелым, эффективным средством борьбы с бюрократизмом некоторых руководителей. Я, конечно, не призываю вас угонять поезд из вашего депо, но думаю, что добиваться ответов на огонь вашей критики вы должны решительнее и смелее.

Подводится итог: «прожектористы» службы должны работать в тесном контакте со штабом «КП» метрополитена, неуклонно добиваться дей-

ственности рейдов и проверок, а для этого объединить свои усилия с народными контролерами.

Уже четвертый час идет урок, а выступающие все смеются и смеются один другого. Но так или иначе пульс разговора держится на главном — на дисциплине, которую ребята понимают не как свод элементарных требований — «не опаздывай, не ленись, не хулигань», — а гораздо глубже — как уважение к делу рук своих и ответственность за него, как обязанность постоянно думать о качестве своего труда, как творческую инициативу и участие в общественной жизни. Говорилось даже о такой закономерности: чем больше общественных нагрузок и поручений у членов одного коллектива, тем крепче в нем дисциплина труда, тем выше производственные показатели.

И урок в который уже раз обращается к Ленину, который в речи на III съезде настоятельно рекомендовал комсомольцам каждый свободный час посвящать общественной работе.

Сегодня на метрополитене активных комсомольцев-общественников большинство. На Ленинском уроке присутствовал Саша Сизов, электромеханик 3-й дистанции пути. На последних выборах ленинградцы оказали ему большое доверие — избрали депутатом Ленгорсовета. А электромонтер Таня Кукушкина стала депутатом районного Совета. Ответственные и многогранные обязанности депутата, но они не мешают Саше по-прежнему выполнять давнее комсомольское поручение — возиться с «трудными» подростками. Вот уж для кого вопрос дисциплины — и на работе, и на улице, и в быту — труднее не придумаешь! И он со всей присущей ему старательностью и добросовестностью вот уже четыре года чуть ли не за ручку ведет по жизни пятерых подростков, стоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Как-то незаметно получилось, что урок, начавшись разговором об адаптации и труддисциплине выпускников ПТУ, им и заканчивался. Они, еще недавно учащиеся, а сегодня уже самостоятельные рабочие, вовлеченные в орбиту заинтересованного разговора об их судьбе, не дали обойти молчанием очень волнующий их вопрос: почему так долго — 3—5 лет — надо дожидаться выпускникам ПТУ повышения разряда? Уходит парень в армию, говорили они, и думает: вернуться на прежнее место — еще несколько лет буду «киснуть» со старым разрядом. Нет, пойду-ка лучше на завод, там текучесть большая, кадры нужнее, авось, выскочу. Ему же высоты, творческого размаха хочется, знания-то позволяют!

И пока урок шумел, обсуждая, законны или незаконны претензии самых молодых рабочих, Н. В. Гаранин сходил в дирекцию и принес оттуда недавно принятое, почти тепленькое, распоряжение начальника Ленметрополитена «об организации курсов для бывших учащихся ПТУ, желающих повысить свою квалификацию до 6-го разряда и стать электромеханиками». С отрывком от производства. И со стипендией в 90 рублей.

«Вот это уже реальная перспектива роста!» — таково было единодушное мнение всех присутствующих.

Коллективный совет с Ильичем заканчивался. Четыре с лишним часа продолжался он, и никто ни разу не вспомнил о перерыве, не высказался в том духе, что, мол, хватит, пора подводить итоги. Даже по тому, как расходились ребята — не сразу, скопом, а постепенно, продолжая и вне зала взвешивать и анализировать состоявшийся разговор, — было видно, что «предмет» урока усвоен ими, и то понятие, которое вкладывал в слово «дисциплина» В. И. Ленин, дошло до них, захватило и уже властвует, живет, пробуждая жажду действия в каждом. Жажда того действия, смысл которого заключается в том, чтобы отныне подходить к своему труду с более высоких — ЛЕНИНСКИХ — мерок требовательности, организованности, дисциплинированности.

Конкретные же предложения, высказанные в ходе Ленинского урока его участниками, легли в сжатой и лаконичной форме в резолюцию:

— поддержать инициативу молодых рабочих Днепропетровщины, выступивших с призывом развернуть среди комсомольско-молодежных коллективов соревнование под девизом «От образцовой бригады к образцовому участку»;

— ввести в строй устройства диспетчерской централизации на станции «Приморская» к 22 марта, то есть на месяц раньше намеченного срока;

— всем комсомольцам Ленметрополитена поддерживать предложение комсомольско-молодежного участка В. Ларюшкина — жить, трудиться и учиться под девизом «Каждый отвечает за коллектив, и коллектив отвечает за каждого».

Борис ДАНОШЕВСКИЙ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.

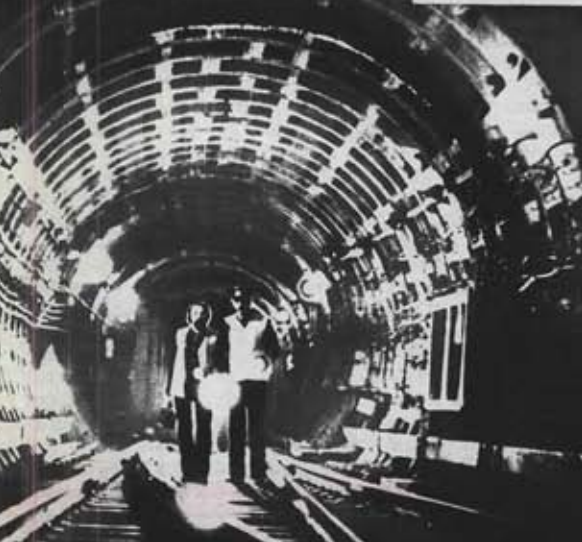
Специальные корреспонденты «Смены»

Сергей РОМАНОВ:
«Дисциплина зависит в первую очередь от микроклимата коллектива, создаваемого всей совокупностью отношений между его членами».

Александр ЛОГУНОВ: «Какова действительность рейдов и проверок, которые проводит «КП»?»

Женя СМЕРНОВ:
«Я думаю, что если мы еще в чем-то и проявляем свою недисциплинированность и неосознанность, то это качества не приобретенные, а скорее врожденные».

КОГДА В МЕТРО НЕТ ПАССАЖИРОВ...

Если заглянуть в училище в эти апрельские дни, пройтись по аудиториям, лабораториям, то увидишь обычную жизнь: идут лекции, семинары, практические работы. Будни. Но все же в них какой-то особый настрой. Он чем-то напоминает предсессионный период. Собранность, деловитость и, я бы подчеркнул, ответственность. Вот что, пожалуй, следует выделить. И это естественно, как и весь Союз молодежи — пятнадцатитысячный отряд комсомольцев-бауманцев на Ленинской поверке.

Ленинская поверка. Как ее лучше провести? Об этом мы еще в прошлом году толковали в комитете комсомола, спорили и размышляли. Было предложено много интересных дел. Мы исходили из требований к высшей школе, требований, которые сегодня предъявляет партия к ней. А они велики. Питомец нашего прославленного училища, отмечающего в этом году 150-летие, должен успешно решать постоянно усложняющиеся задачи научно-технического и социального прогресса. Жизнь требует, чтобы каждый наш выпускник имел широкую марксистско-ленинскую и профессиональную теоретическую подготовку, навыки практической работы, высокую политическую и нравственную культуру, уметь принимать и осуществлять на современном уровне научные, инженерные и организационные решения, владеть искусством управления коллективом.

Именно с этих позиций мы подходили к организации Ленинской поверки в нашем вузе. В учебных группах, на курсах, факультетах творчеством студентов рождено немало интересного. Сотни студентов принимают участие в научно-исследовательских разработках, стремятся быть на переднем крае научного поиска, а комсомольские организации делают все, чтобы направить энтузиазм молодежи на достижение общественно значимых целей.

Партия призывает нас, партийные и комсомольские организации вузов, всех работников высшей школы развернуть массовое движение научно-технического творчества среди студентов, которое бы по своему размаху, по эффективности своего воздействия на будущее специалиста, не уступало тому эффекту, который, например, дает деятельность студенческих строительных отрядов.

Об одном из таких дел хочется рассказать подробнее. Речь пойдет о шефстве комсомольцев-бауманцев над освоением Уренгойского газоконденсатного месторождения, которое началось еще в 1972 году.

О ВОЗДУШНЫХ ПОДУШКАХ И ВОЗДУШНЫХ ЗАМКАХ

Пока АН-2 не пошел на посадку, ребятам, жадно прильнувшим к иллюминаторам, расстилавшаяся внизу зимняя тундра казалась такой же гладкой, как на школьном атласе. Лишь по скудной смене цветов и контуров можно было судить о характере ландшафта: желтизна едва припорошенных снегом болот, темная зелень редкой тайги, голубовато-стальной цвет заледевшей цепочки озер. И вот посадка. Не на аэродром, что им, москвичам, было бы не в диковинку, а прямо на неподготовленную снежную поляну. Трянуло их самолетик, как салазки на трамплине. «Ничего, студенты, держись, — подбодрили летчики. — Если бы на болоте приземлились, там, на кочках, и вовсе бы душу вытрясло». И они принялись выгружать своих пассажиров, из-за огромных ватных штанов и курток враз приобрели сходство с неуклюжими бурями медведями. Однако 50 градусов ниже нуля по вкусу разве что белым медведям, подумалось москвичам, которых мороз, не теряя ни минуты, цапнул за носы и щеки. Но мерзнуть было некогда, и, натянув шарфы до самых глаз, они принялись за ту работу, ради которой их, пятерых участников студенческого проектно-конструкторского бюро МВТУ имени Н. Э. Баумана, командировали зимой 1972 года в таежный поселок газонефтеразведчиков Уренгой.

Собственно, больше всего тогда интересовал наших студентов именно тот малоприятный момент посадки, которым так негостеприимно встретила их тундра. По просьбе «Главтюменгеологии» студенты еще в Москве взялись за тему «Морж» — стали разрабатывать взлетно-посадочное устройство для самолета тройной амфибийности. Проще говоря,

для самолета, умеющего совершать посадки и взлеты со снега на грунт, со льда на воду, с воды на грунт, а также во всех остальных ситуациях, которые тундра весьма изобретательно уготовила для летчиков. Но в лабораторных условиях, без подлинных знаний местных природных условий проектировать ВПУ было просто нереально.

Насколько легко ломаются самолетные лыжи, наскочив на заснеженную кочку, совершенно неразличимую с высоты, ребята убедились лично. Из-за лютых зимних ветров здесь нет ни сантиметра ровной поверхности. Все сплошь в снежных барханах и оврагах — они, правда, не больше полуметра, но этого вполне хватает, чтобы превратить посадку в сущее наказание. Летние «сюрпризы», по словам бывалых летчиков, были не слаще. Ведь для аварии достаточно, чтобы одно колесо машины попало в болотную трясицу, а другое — на твердую кочку. Да и поляны лесотундры, столь безобидные издали, таят в себе больше неприятности. При местном бездорожье и, следовательно, частых полетах взлетно-посадочные неудобства становились серьезнейшей проблемой, к решению которой надо было приступать немедленно.

Почему же выбор пал именно на студентов-бауманцев? Чем объяснить такое доверие к совсем молодым, начинающим конструкторам, среди которых диплом инженера имел только технический руководитель СКБ С. Костиков?

Напомню, что было это восемь лет назад. И на карте значился не город, а поселок Уренгой, где велась еще только разведка газовых и нефтяных богатств. Но уже тогда, в те годы, сейчас кажущиеся такими далекими, между организациями Тюменской области и МВТУ установились деловые отношения, переросшие ныне в поистине творческое сотрудничество.

В апреле 1970 года в Московском Высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана отмечался двойной юбилей — 25-летие студенческого научно-технического общества и 60-летие первого воздухоплавательного кружка имени Н. Е. Жуковского. В поздравительном письме, направленном в училище Тюменским обкомом партии, были такие слова: «Начиная с мая 1968 года студенческое проектно-конструкторское бюро вашего училища работало в тесном контакте с организациями г. Тюмени над проблемами освоения Западной Сибири. СПКБ являлось первой студенческой проектной организацией, которая откликнулась на призыв ЦК ВЛКСМ «Молодежь — Тюмени». Среди работ, выполненных СПКБ, наиболее интересны «Разработка металлоконструкции буровой вышки облегченного типа», «Исследование режимов движения аппаратов на воздушной подушке», «Проектирование промыслового дебитометра», а также создание аванпроекта «Транспортной базы высокой проходимости». Решение сложных вопросов подкупает смелостью и оригинальностью. Некоторые из предложенных решений будут внедрены в производство».

Даже не искушенному в технике человеку, запутавшемуся в сложных названиях перечисленных работ, совершенно ясно, насколько разнообразны должны быть знания студентов, чтобы справиться со столь далекими друг от друга задачами. Действительно, на пяти факультетах училища столько профессиональных профилей, что наиболее горячие патриоты МВТУ предлагают расшифровывать его последнюю букву не как «училище», а как «университет». В этом находит свое отражение гордость за старейший технический вуз, из кафедр которого выросли и отпочковались целые институты, такие, к примеру, как МАИ, МЭИ, МИСИ.

Пожалуй, если бы два профессора, читающие лекции на соседних кафедрах, вдруг поменялись местами, они вряд ли смогли бы разобрать замысловатые формулы, начертанные коллегой: уж очень специализированы области современной науки. Однако, несмотря на обилие профилей, в МВТУ издавна практикуется единый рецепт для подготовки хороших специалистов. Формулируется он весьма лаконично: «связь науки с производством». «Одно из самых больших зол и бедствий... — это полный разрыв теории с практикой», — утверждал В. И. Ленин в своей речи на III съезде комсомола. Этот ленинский принцип неразрывности теории с практикой был взят на вооружение бауманцами и с успехом применялся на деле.

Еще в середине 30-х годов в училище возникли хозрасчетные студенческие бригады, выполнявшие заказы индустрии. Движение студенческих бригад, продолженное в годы войны на предприятиях обо-

ронной промышленности, получило в начале пятидесятых годов свое дальнейшее развитие в виде студенческих конструкторских бюро. А уже на их базе были организованы первые студенческие конструкторские отряды, подхватившие эстафету помощи народному хозяйству.

Отдавая дань хронологии, отметим, что первый СКО в МВТУ да и вообще в стране возник лишь через несколько месяцев после поздравительного письма тюменцев, летом 1970 года. Неудивительно, что все деловые предложения, которыми письмо заканчивалось, были адресованы студенческому конструкторскому бюро: «...мы верим, что сотрудничество СПКБ МВТУ с организациями Тюменской области не только не ослабеет, а будет крепнуть день ото дня, ибо существует целый ряд проблем, требующих решения в первую очередь...» Далее следовал солидный список тем. Не все они потом реализовались. Не потому что бауманцы за них не взялись, — они-то с жаром ухватились за возможность применить свои знания. Не подвела студентов ни теоретическая подготовка, ни конструкторское воображение. Но... любой практик знает, как подчас бывает длинен путь от конструкторских чертежей, пусть даже реализующих блестящую идею, до воплощения их в металле. Так, проект буровой вышки на воздушной подушке был удостоен медали ВДНХ СССР на Центральной выставке НТТМ-72. Но дальнейшая участь этой вышки уподобилась воздушному замку: замысел блестящ, а вот воплотить его не удалось.

Не довелось и нашим «моржам» увидеть готовым взлетно-посадочное устройство. Самолет — дело нешуточное, своими руками его не смастеришь, а на студенческих «лабораторках» не проверишь. Сделав опытные образцы, бюро так и не сумело добиться их промышленного изготовления.

Неужели никак нельзя преодолеть обидную зависимость от посредников? Что руки у студентов умелые и сильные, давно доказано в стройотрядах. Пусть не самолет и даже не вышку, а более земное, реальное изобретение — как довести его до конца, полагаясь только на свои силы, по принципу «голова придумает, руки сделают»? Новый вид связи с производством — СКО — доказал, что такое вполне осуществимо.

ПРОВЕРИМ ЧИСТОТУ ЗВУЧАНИЯ

Студенческий конструкторский отряд вместе со строительным отрядом работает летом, в период, как теперь принято говорить, третьего трудового семестра.

Лето — пора прекрасная, однако ж еще Пушкин обращал внимание на то, что «комары да мухи» способны его изрядно испортить.

6 июля прошлого года в смысле комариного раздолья ничем не отличалось от предыдущих сезонов. Бойцы СКО МВТУ, прибывшие в тот день в Уренгой и угодившие прямо на комариный (а хуже комара есть еще мошка) пир, возненавидели кровопийцев всей душой, что впоследствии для них (комаров) даром не прошло. Но об этом речь пойдет чуть позже.

Студентов ждала срочная работа: за несколько недель им нужно было проверить прочность сварных швов на нескольких нитках газопровода Уренгойского месторождения. Не все ладно было на действующих линиях. Не за горами был пуск и новых линий ставшего уже знаменитым Уренгойского газоконденсатного завода. Проверка всех звеньев требовалась основательная.

Казалось бы, толщина у труб немалая, а газ — вполне эфемерное вещество; к чему такая бдительность? Однако станция, чтобы дать необходимые 60 тысяч кубометров газа в сутки, должна перегонять его по своим трубам с огромной скоростью под большим давлением. К тому же это не тот прирученный газ, который послушно горит у нас на кухне. Газ, вырванный из недр перемешку с песком, несущийся стремительным вихрем, подобен наждачному камню. Особенно опасен он «на поворотах» — на изгибах труб. Снаружи незаметно, как источился металл; не заметишь колена вовремя — катастрофа для всего газопровода.

Ультразвуковой толщиномер, который бауманцы привезли с собой, позволяет с точностью до 0,1 миллиметра проверить состояние исследуемого участка трубы. «Прозвучивать» с помощью такого прибора металл не сложнее, чем уловить фальши-

ТВОРЧЕСТВО

Анатолий АЛЕКСАНДРОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
МВТУ имени Н. Э. Баумана

вый звук благодаря камертону. Только в нашем случае имеешь дело не с чистотой звучания, а частотой распространяющихся в металле звуковых волн, да еще смотришь при этом на специальный экран, где появляются готовые показания.

Вообще говоря, местные контролеры не дремали — шли вслед за сварщиками и проверяли каждый новый шов методом рентгенного просвечивания. В отличие от того, к которому мы привыкли в медицинских кабинетах, оно, конечно, во много раз сильнее — металл все-таки просвечивается, а не хрупкая человеческая плоть. Но даже и этот мощный рентгеновский луч, как потом выяснилось, не в состоянии был заметить мельчайших трещинок, которых оказывалось достаточно для аварий. И так, проявленные рентгеновские пленки брак не обнаруживали; успокоенные этим, сварщики шли вперед, а швов со скрытыми дефектами становилось все больше и больше.

Но вот слово предоставили ультразвуку. Он оказался куда менее сговорчивым, чем рентген. Стоило на его пути попасться трещинке размером в 1 микрон, как он в знак протеста издавал фальшивую ноту — сигнал тревоги.

Ультразвуковой искатель устроен таким образом, что... Впрочем, в двух словах об этом весьма сложном приборе не расскажешь. И работать с ним надо умеючи, предварительно пройдя длительную подготовку. Иначе нельзя — пропустишь брак. Далеко не все ребята из СКО имели право снимать показания с искателя. Да к этому и не стремились, собираясь в Уренгой: перед каждым стояла своя задача.

Но вот в первые же дни, приехав для разведки на Ягинеттскую компрессорную станцию, двое ребят — В. Баранов и А. Белый — не на шутку растерялись. Они посмотрели сначала на четыре нитки труб — со швами через каждые два метра, потом на свои походные искатели, потом друг на друга и поняли, что вдвоем им к назначенному сроку не управиться ни за что, если б даже они пренебрегли временем на сон и еду. Задача казалась нереальной, и в мрачном расположении духа они вернулись к своим друзьям на Уренгойскую базу. Да только не зря они, оказывается, привезли с собой из Москвы целую лабораторию и возились с ее размещением в вагончике-балке. Ум, как говорится, хорошо, а коллективный ум да студенческий энтузиазм... Короче, не прошло и нескольких дней, как был готов другой прибор — усовершенствованный и, выражаясь языком одного из студентов, «зверской производительности». Теперь задание выглядело вполне посильным, и можно было со спокойной душой за него приниматься.

Однако спокойствия на первых порах все равно было маловато. Студенты-контролеры столкнулись вдруг с иной проблемой, на сей раз чисто психологической. Сварщики, привыкшие к покладистому рентгену, в штатки восприняли придирчивый ультразвук. Они в него просто-напросто не верили: «Если уж пленка ничего не показывает, что эта «фитюлька» может найти?» Что и говорить, хватало сначала и косых взглядов и даже угроз.

Спор разрешил его величество Факт. На глазах у сварщика вырезали непроваренный, по данным искателя, кусок шва и тут же скрупулезно исследовали. В десяты случаях из десяти ультразвук оказывался прав. Мало-помалу споры затихли, сварщики безропотно исправляли брак и, зная, что в любом случае этого не избежать, старались с первого же раза сделать шов безупречно.

Когда все основные неприятности уладились, ребята, наконец, выкроили время подумать и о своих врагах — комарах. Мало того, что они не доставляли радости сами по себе, так еще и вредили, как могли, работе контролеров. Чтобы ультразвук проходил в металл, зачищенный шов трубы необходимо смазывать технологическим маслом, на которое комары и мошкара слетались полчищами. Если десяток проголодавшихся кровопийц одновременно вопьется в руку, то она, скорей всего, дрогнет, а это тут же отразится на приборе и, следовательно, на достоверности показаний. И так, комарам — война, и, заметьте, не ради себя, а ради науки!

Паста «Тайга» отпугивает насекомых, но не проводит ультразвук. А если разделить ее на компоненты?.. Вполне серьезные молодые люди с головой окунулись в тайны парфюмерии. Их труды окупилась сторицей, когда, намазав шов новоявленным бальзамом, контролер смог, наконец, снять с лица накомарник и твердой рукой встать за свой иска-

тель. Маленький нюанс — новое масло оказалось невзрывоопасным в отличие от своего предшественника, поэтому считать его после испытаний вовсе не обязательно: вот вам еще выигрыш во времени! И не следует думать, что парфюмерные достижения всегда дороги для потребителя, как раз в данном случае это копейки.

А теперь о рублях. Чтобы получить представление о пользе СКО, о котором здесь шел рассказ, достаточно сказать, что экономический эффект от внедрения одного только искателя на одной только ветке магистральных трубопроводов составил, по подсчетам экономистов, 281 тысячу рублей.

Но, заговорив о пользе, нельзя забывать, что она была обоюдной. Ведь благодаря СКО молодые исследователи смогли не в лабораторной колбе (если вспомнить их старшего коллегу — ученого Фауста), а в реальной ситуации вырастить из идеи свое детище, сумели отстоять его право на жизнь и даже привить ему те черты, которые диктовала необходимость, вплоть до того, что изменили «темперамент» своего «ребенка» и наделили его чудодейственным ароматом.

ДРУЖИТЬ. ТАК ДРУЖИТЬ

Прошлым летом в Уренгое частенько на дверях студенческого общежития или клуба появлялись анонсы, содержание которых расшифровать было непросто.

«Катящиеся камни» мхом не обрастут, или кризис «Ролинг Стоунс».

«Прольем свет на черные дыры!»...

Парадоксальное творчество нашумевшего ансамбля, закономерное развитие космоса — эти и еще сотни других проблем интересуют сегодняшнюю молодежь. Интересуют активно — о них хочется рассказывать самим, спорить с другими, получать свежую информацию от третьих. И поэтому неудивительно, что на дверях студенческого общежития или клуба частенько появлялись подобные анонсы: мол, приходите все, кто к этому вопросу равнодушен, поговорим, послушаем, посмотрим.

Светлы в Заполярье летние вечера и потому, наверно, кажутся такими длинными — сколько еще можно успеть сделать до отбоя! Хотя Уренгой сейчас и знаменит на всю страну, но особыми развлечениями для своих жителей этот городоботьяга обзавестись не успел. Поэтому все затеи неунывающих студентов здесь принимаются охотно. Ничего странного, что, трудясь рука об руку днем, молодые люди стремятся к более обстоятельному общению вечером. Однако диспутами-экспромтами и импровизированными спортивными соревнованиями оно, конечно, ограничиться не может.

Студенты столичных вузов, на протяжении нескольких лет пользующиеся благами крупных библиотек, музеев, театров, участвующие в различных творческих кружках и объединениях, приехав затем на периферию, призваны в какой-то мере стать лидерами культуры. Их эрудиция и гражданское мировосприятие только тогда станут полноценными, когда выйдут за узкий студенческий круг и распространятся на других людей, с которыми столкнет их жизнь.

Трудовой семестр предоставляет для этого уникальные возможности. Вот почему комитет комсомола, понимая все это, избрал комплексный подход в вопросах шефства над Всесоюзной ударной комсомольской стройкой и решил: если уж укреплять и развивать дружбу с Уренгоем, то во всех направлениях.

Попробуем мысленно взлететь на разведочном вертолете над полутьсячным лагерем бауманцев и понаблюдать за его разносторонней жизнью. Строительные промышленные объекты и жилых домов, детского комбината, больницы, первой в Уренгое дороги с бетонным покрытием, сказочного городка, подаренного детворе в Международный год ребенка, — вот далеко не полный перечень дел стройотряда МВТУ. Работа же СКО направлена на проверку и продолжение научных идей, «наработанных» студентами в течение учебного года по заказу Уренгоя. Общественно-политическая, культурно-массовая и шефская работа — это сотни лекций, прочитанных специально подготовленной лекторской группой бауманцев; это выступление сильнейшей агитбригады МВТУ, которая, облетая труднодоступные поселки и вахты газодобытчиков, провела если не половину, то по крайней мере четверть

трудового семестра на борту вертолета; это вечера отдыха, спортивные встречи, конкурсы песен, собиравшие полпоселка; это, наконец, консультации для поступающих в вузы, техникумы, школы рабочей молодежи.

Сейчас комплексный план, по которому уже два года осуществляется шефская помощь бауманцев стройке, кажется настолько естественным, что невольно забываешь: потребовалось ведь целое десятилетие, чтобы выработать оптимальный стиль работы. За это время поселок Уренгой вырос, и вместе с ним выросла наша дружба, из обычного знакомства превратившаяся в постоянное сотрудничество. Многие кафедры уже давно так или иначе сумели приложить руку к решению технических проблем, возникших при строительстве и обустройстве газоконденсатного комплекса и всего Уренгойского месторождения. Такие связи стали спонтанно устанавливаться с середины семидесятых годов. Но этого было недостаточно. В бой рвались стройотряды, мечтавшие поработать на тюменском севере. Участники студенческих конструкторских отрядов искали случая вступить в длительное сотрудничество с серьезным партнером. В общем, необходимость в разработке договора о социалистическом содружестве созрела.

В начале апреля 1978 года в Тюмень и Уренгой отправилась представительная делегация МВТУ, которую возглавил ректор, Герой Социалистического Труда, академик Г. А. Николаев. Георгий Александрович просил, чтобы ему не только называли проблему и вид сотрудничества, но и подробно знакомили с состоянием дел, с возможностями треста «Уренгойгазпромстрой» по приему студентов, обеспечению фронта работ: он настаивал на широкой программе сотрудничества. Эта большая работа, в которой активнейшим образом участвовал комитет комсомола, завершилась подписанием комплексного договора о содружестве МВТУ и треста «Уренгойгазпромстрой».

Тесное сближение науки с производством приносит все новые плоды. Главное их достоинство — в реальной, уже сегодня осязаемой пользе. Правда, не всегда эта польза может быть сразу же выражена в рублях. Как, например, выразить в цифрах те возможности, которые открывает для гигиены труда изготовленный СКБ «Биоэлектроника» стрелочный пульсотактометр — прибор для контроля физиологического состояния человека при выполнении тяжелых работ в условиях Крайнего Севера?

Но, скажем, другую работу — по использованию газового конденсата в качестве топлива для дизелей — характеризовать с точки зрения материальной выгоды куда проще. А началась она с давней и серьезной проблемы Уренгоя — топлива для своего транспорта, которое в течение долгой зимы доставлялось туда на самолетах. Парадокс: крупнейшее газовое месторождение страдает от нехватки горючего! За разрешение этой проблемы взялись ученые, аспиранты, студенты кафедры «Комбинированные двигатели внутреннего сгорания». Начались исследования, показавшие, что газовый конденсат некоторых скважин Уренгойского месторождения может служить топливом для двигателей. Однако работа на чистом конденсате почти на треть снижает их мощность и повышает жесткость двигателей. Оптимальной оказалась смесь конденсата с 25—30 процентами дизельного топлива. Его по-прежнему придется доставлять издалека, но ведь в три-четыре раза меньше! Даже приблизительная оценка говорит о колоссальной экономии, которая получается при переводе транспортного парка на местное топливо, тем более что для этого не потребуются больших и сложных технических мероприятий.

Любая научная идея, если она смела и оригинальна, может получить свое признание и «золото» наград на выставках и конкурсах. Народное хозяйство же заинтересовано, чтобы это «золото» имело возможность обратиться в реальные (а не условные) рубли экономического эффекта, в конкретную техническую помощь. Это куда более выгодное и благодарное «помещение научного капитала», нежели практически бесплодное пребывание в безмолвии музеев. В МВТУ имени Н. Э. Баумана такая возможность найдена. Подтверждение прошлых научных завоеваний и залог будущих свершений — в содружестве с производством, содружестве с Уренгоем, который предстал перед первыми бауманцами еще маленьким, не отмеченным на карте поселком. А сегодня стал центром большого газоконденсатного месторождения и символом великого содружества науки и практики.

Задача Союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов.

В. И. ЛЕНИН

Ленинская тема в творчестве лауреата Государственной премии РСФСР, известной советской писательницы Марии Павловны Прилежаевой — главная. С ее книг о Владимире Ильиче начинают знакомство с жизнью вождя революции самые маленькие граждане нашей страны. Работая над этими книгами, Мария Павловна не раз бывала в местах, памятью народной навечно связанных с именем Ленина.

Одно из таких мест — Шушенское. Накануне 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина писательница снова вернулась в это, некогда заброшенное, глухое сибирское село. Прежние впечатления переплелись с новыми, наложившись на ленинские воспоминания о днях ссылки... В судьбе Шушенского, в биографиях шушенцев, как в капле воды, отразились великие преобразования нашего времени — политические, социальные, экономические, отразилась вся наша жизнь — боевая, кипучая, полная — такая, которая предстает в фотографиях этого номера, сделанных в разных концах нашей страны, такая, о которой мечтал и которую «проектировал» здесь Владимир Ильич Ленин.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат Государственной
премии РСФСР

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Революция определила мою судьбу. Я росла в неудачной семье, без внимания, без ласки. Неизвестно, что стало бы со мной, не будь революции. Мое поколение, и не одно оно, свое место в строю обрело с Октябрем. Я была скромным бойцом в скромном строю. Сначала год учительницей в деревенской школе, потом детский дом для чувашских детей, где я воспитательница. Кажется, обычно, ничего особенного. Между тем и время особенное и дом необычный.

Жестокий 1921 год. Страшные бедствия обрушились на Советскую страну, еще не залечившую раны, нанесенные империалистической и гражданской войнами. Небывалая засуха в Поволжье, Крыму, Южном Урале. Голод. Миллионы людей обречены на гибель.

— Все силы на спасение голодающих. Прежде всего детей. — сказал Ленин, сказала Партия.

Разные губернии, не пораженные засухой, взяли на пропитание детей. Московская приютила чувашскую ребятню. Детский дом имени Н. К. Крупской был расположен в поселке Хотьково, верстах в шестидесяти от Москвы. Со временем дом стал национально смешанным. Много чувашей. И русские были. И украинцы. Интернациональным стал дом. Любовь и дружба царили в нем. Дети знали, Советская власть спасла их от смерти. Советская власть и Ленин — это одно. Ленин — самое яркое и могучее выражение Советской власти и партии.

Мы, педагоги, сами почти все юнцы, страстно воспитывали в детях любовь к Ленину. Они заражали нас своей любовью к нему.

Помню день похорон Ильича. Лютый мороз. Ледяной ветер метался по улицам. Мы всем домом вышли во двор. С полустанка донесся гудок. Скорбно, протяжно гудел паровоз. — Товарищи! Ильича опускают в могилу.

Я видела слезы на лицах детей, чувствовала у себя на щеках замерзшие слезы.

Потом мы собрались в маленьком зале нашего дома. Невозможно было в этот час оставаться в одиночестве. Мы собрались вместе. Дети сидели, молча прижавшись друг к другу. Дети народов, навсегда породнившихся.

Выйшел вперед воспитатель дядя Вова Смирнов. Он был чуваш, после революции учился в чувашской учительской семинарии в Симбирске, где директором был друг отца Ленина.

— Хорошие мои... — начал дядя Вова и заплакал.

Он рассказал об отце Ленина, его друге, директоре семинарии, семье Ульяновых, их симбирском доме, рассказал о Володе... Так просто, душевно...

Поднимается мальчик. У него рвется голос:

— Я всегда буду любить Ленина.

— И я! — несется со всех сторон.

И малыш, с белой, как овсяный сноп, головенкой, тянет руку и тоненьким голоском:

— Я буду, как Ленин.

Это воспоминание о детской любви к Ленину глубоко запало мне в душу. Все ближе, дороже, роднее становился Владимир Ильич.

Но читать Ленина я стала позднее, в ту пору он был для меня сложен. И еще позднее о нем стала писать.

Первая моя книга «Начало» о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», созданном 23-летним Владимиром Ильичем в конце прошлого века в Петербурге, не нашла читателя. С нетерпением жду. Но, увы! Читательских откликов нет. Должно быть, оттого, что писалось робким пером, слишком робкой получилась и повесть, не увлекла воображение читателей. «Нет, ленинская тема мне не под силу. — с горечью думала я. — Моя первая и последняя книга о Ленине».

Получилось по-другому. В конце 50-х годов я оказалась на совещании в Новосибирске. Быть поближе к месту ленинской ссылки и не побывать там? Разве можно!

И вот я в Шушенском. Тогда еще не был воздвигнут мемориал, в Красноярске не стоял на вечной стоянке пароход, на

Что значит сегодня — жить и работать по-ленински?

Как вы и ваши товарищи реализуют эту формулу?

В канун празднования 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина

«Смена» обратилась с этими вопросами к авторам и героям своих очерков последних лет — людям самых разных профессий и возрастов. Вот что отвечают

Валентина ГОЛУБЕВА, ткачиха Ивановского камвольного комбината имени В. И. Ленина, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, член ЦК ВЛКСМ

Думала над вопросом анкеты. Сын, второклассник, удивился: «Ведь все понятно, мама. Надо просто работать, как Ленин». Просто...

Наверное, все-таки самое главное — это работать, отдавая делу всю свою душу, а не крошечку, кусочек ее. Как работают замечательные мои подруги Агита Михайловна Сухова, Инна Кузьминична Максичкина. Как стремятся работать моя ученица комсомолка Тая Слюнченко. Мы, кстати, с ней землячки — она тоже брянская. На комбинате Тая недавно, а умеет уже много, потому что всю себя в работу вкладывает. Две недели проработала она на литье станков, показалось мало. Подошла ко мне. Я сказала, что поговорю с мастером, чтобы дала ей больше станков. Так она не дождалась, сама к мастеру побжала. Сейчас работает уже на шестнадцатом.

Вот когда ты к делу так, оно для тебя жизнью становится. Тогда, думаю, и силы

появляются отработать в ткацком цехе больше пятидесяти лет, как Еадокья Борисовна Салунова, Герой Социалистического Труда из Калининна. Наверное, моя судьба могла сложиться иначе, могла не стать и ткачихой. Но вот представить себе реально это сейчас, представить себя без цеха я уже просто не могу. Есть привычка жалеть ткачих — шумно в цехе. Шумно, конечно. Но, знаете, как-то мне приносился наш ткацкий, и в нем — полная тишина. Мне просто не по себе сделалось. Станки наши звонким показались. Пришла на комбинат — гудят. Значит, идут станки, идет работа.

Да и потом шума сейчас в цехе куда меньше стало — оборудование у нас все совершенное становится. Кстати, для того, чтобы ощутить перемены, происшедшие в ткацком производстве, не надо заглядывать на десятки лет назад. Я работаю на комбинате тринадцать лет, так вот за это время три раза менялось наше оборудование. Ушли в прошлое огромные, тяжелые челночные станки. Сколько слез проливали ткачихи, когда полозка челнока сводила на нет их работу! Уже не приходится вручную снимать и переносить тяжеленные рулоны готовой ткани. А то после смены порой казалось, что руки от тяжести вытянулись, длинные стали. Другим стан

нам труд. Другими комбинаты — наш иначе, как Дворцом труда, и не назовешь. А уже появилась в Иваново и фабрика-автомат имени 8-го Марта.

Но только легким наш труд не стал. Да настоящая работа и не может быть легкой. Каждому, конечно, дорого свое дело, и все-таки наше — особое. Порой удивляешься, когда услышишь, что кто-то на работе часы теряет. А у нас плотность работы такая, что буквально передохнуть некогда. На минуту отвлечься — уже не успеешь. Мы не на часы, не на минуты свою экономно считаем — на секунды. Казалось бы, в условиях такого напряжения никакого, кроме себя, не видишь. Но нет, наставники наши все-таки ухитряются к ученицам своим подойти — подсказать, помочь. И мастер, когда ткачих по станкам расставляет, обязательно постарается ученицу рядом с наставницей поставить, потому что иногда просто улыбка ободряющая — уже помощь.

Работать «не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам», а «трудиться на общую пользу» — вот где зерно ленинского отношения к труду. Отсюда все остальное. Простая и великая формула.

котором Владимир Ильич направлялся в Шушенскую ссылку. Теперь двухтрубный, колесный, товаро-пассажирский пароход восстановлен полностью.

...Владимир Ильич ехал в каюте II класса. Четыре двухъярусные кровати под грубошерстными одеялами — каюта рассчитана на восемь пассажиров. Тесно, душно, полумрак. Круглые маленькие иллюминаторы еле пропускают дневной свет, керосиновая лампа вечерами тускло горит.

Владимир Ильич из Минусинска пишет матери, что путешествие «оказалось очень дорогим и очень неудобным... я сильно замотался в переездах».

Добирался Владимир Ильич до Минусинска в течение недели, оттуда на лошадях в село Шушенское.

«Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все, как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет», — рассказывает Владимир Ильич в письме к матери.

То Шушенское, куда много лет назад впервые я приехала, почти полностью сохраняло нарисованный Лениным облик.

Я приехала не туристом, одна. Я жаждала узнавать, узнавать! Все ленинские тропы в окрестностях Шушенского много раз искожены мною, а вечером, поселившись в тесной гостинице, с крохотными номерами, я пересматривала и перечитывала труды Владимира Ильича, созданные им именно здесь в годы ссылки.

Вдали от дома, в непривычной обстановке они читались мною по-новому, вызывая небывалый взрыв мыслей и чувств. Я была потрясена.

В те шушенские вечера мне казалось, живой Владимир Ильич возле меня и его книги говорят мне, лично мне, и я с особенной силой понимаю гений, волю и сердце Ленина.

Статьи кратки, идея создания Коммунистической партии и партийной газеты выражена предельно точно, и горячее воодушевление охватывает вас, и вы знаете: задуманное и начатое Лениным в Петербургском «Союзе борьбы» возмужало и выросло здесь, на шушенской, ставшей для всего передового человечества Священной Земле.

После той первой встречи с Шушенским я возвращалась домой полная воодушевления. Я знала, что теперь буду писать о Ленине, непременно буду! В голове уже складывалась книга. Я видела ее героев. Видела, вот приезжает в шушенскую ссылку Надежда Константиновна. У Владимира Ильича начинается семейная жизнь. Рядом родные, близкие люди. Как хорошо ему работается! Мысли кипят, и появляются одна за другой необходимой-

ЛЕНИН ЖИВЕТ В ДЕЛАХ И МЕЧТАХ МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ПРИСЯГАЮЩИХ ПАРТИИ НА ВЕРНОСТЬ ИДЕАЛАМ КОММУНИЗМА.

шие для рабочего класса, для партии статьи и книги.

Я должна рассказать своим юным читателям *то* вдохновение Ленина, о том, как вдали от центра, в глухом сибирском селе, он знал, чем живет и дышит рабочий класс России, как его направлять. Предвидел, что будет завтра. Будет борьба, революция, государство нового типа. Я должна рассказать об этом ребятам, увлечь их творчеством Ленина, усилить в них ту любовь к Ленину, какую наблюдала когда-то и делила с детьми чувашского детского дома.

И я написала повесть «Удивительный год», отдавая ей всю себя. Я люблю эту книгу, не стесняюсь в этом признаться. И читатели откликнулись и откликаются на нее — счастливая награда за писательский труд! Время работы над ленинской темой — мое лучшее время. За это я всем сердцем благодарна Шушенскому — мои чувства и переживания вызваны впечатлениями, какие я там испытала. Более

Продолжение на 12-й стр.

«И ДТИ НЕПРЕМЕННО»

Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Уже в течение года «Смена» ведет публицистический цикл «С нами говорит Ленин». Раскрывая рамки одного мгновения ленинской жизни, запечатленного на фотографии, восстанавливая целостную картину событий далекого дня истории, прослеживая пульсирующую мысль Ильича, мы вслушиваемся в его пламенное слово о революции и марксизме, мужестве и бдительности, просвещении и власти, памяти и мечте...

Снова и снова он призывает нас вдуматься в смысл проложенного им великого октябрьского начала, которое решительно и навсегда переменит, преобразует жизнь народов; он передает нам ключ к пониманию истинных человеческих ценностей; он доверяет нам свои заботы и надежды. Каждый ленинский тезис для нас — основа взыскательной самопроверки, руководство к действию; каждая мысль — мудрый наказ и совет в разрешении злободневных проблем.

Сегодня мы ведем разговор о том, как молодое поколение, в наши дни заступающее на коммунистическую стройку, понимает и воплощает в жизнь высокий партийный девиз: «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически!».

комплексного освоения зоны БАМа — огромной территории в полтора миллиона квадратных километров.

— Сейчас в районах БАМа живет около миллиона человек. Но для успешного освоения природных богатств, — говорит академик А. Г. Аганбегян, руководитель Научного совета АН СССР по проблемам БАМа, — потребуются привлечь еще столько же — это при условии, что здесь будет применена самая передовая техника, требующая минимальное число людей для ее обслуживания.

Ученый авторитетно свидетельствует, что страна масштабно ведет освоение северных районов. Но его беспокоит, что тылы этого освоения несколько поотстали. Нужен и дом для севера, и техника для севера, и технология для севера — все, вплоть до теплиц со свежими огурцами и парного молока для детей. Надо очень хорошо позаботиться о тех, кто придет сюда, кому менять лик этой земли. Это настоящие преобразователи, подвижники. И собираются они сюда навсегда, ибо самое опасное для земли между Байкалом и нижним Амуром — человеческая временность, хозяйская безответственность. Новым людям на новой земле строить новую, обильную, радостную жизнь.

Корпуса «Атоммаша» вырастают на берегу Цимлянского моря — крупнейшее в мире предприятие возводится руками теперь уже старшей, комсомольской «братвы». Но «Атом-

ский скачок в своем развитии. Новые поколения советских ученых, по мысли академика Велихова, могут сказать свое слово в решении сложнейших проблем окружающей среды, энергии, сырья, водных ресурсов, здравоохранения и многих других.

Какой огромный простор для приложения революционной энергии!

Выдвигая захватывающие дух перспективы, вдохновляющие задания пролетариату, Владимир Ильич всегда умел конкретизировать их, приземлить до будничного дела. И, поднимая комсомол на новый революционный штурм, призывая пятнадцатилетних заглянуть в коммунистические дали, он тут же уточняет: юное поколение «должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую... По мере того, как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодежь будет доказывать, что она умеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен».

Так понимают свою задачу и наши юные современники. Именно потому, определяя сферу приложения своих сил, они говорят и

О революционной энергии

Вспомним, свое слово к делегатам III комсомольского съезда, к новым поколениям молодежи Владимир Ильич заключает рассуждением о перспективах коммунистического строительства и обращается к самым юным в комсомоле — пятнадцатилетним. Как бы сочувствуя, что им не довелось принять участия в решающей октябрьской схватке, он указывает впереди целую полосу борьбы и созидания: электрификация, культурная революция — вот где нужна неукротимая энергия и большевистский размах. За этими высокими перевалами видятся Ильичу победные вершины.

А нынешние пятнадцатилетние? Они родились, когда уже работали на коммунизм турбины Братской ГЭС, а целинники снимали со своей «планеты» десятый урожай; когда не только Юрий Гагарин совершил свой колумбов рейд вокруг Земли, но уже и Алексей Леонов, «перешагнув порог» «Восхода», вышел в открытый космос...

Так что же остается им, сегодняшним пятнадцатилетним? Те коренные социальные перемены, которые произошли в нашей жизни со времени Великого Октября, — не дают ли они основания считать исчерпанными многие революционные традиции?

Решительно нет! Эпоха развитого социализма и научно-технической революции прямо стоит на плечах революции социальной и культурной. Партия выдвигает сейчас перед народом задачи такого масштаба и такой сложности, каких нам до сих пор и не приходилось решать в ходе мирного строительства. Новое поколение наследует колоссально усложнившийся производственный, научно-технический и общественный организм. Чтобы двигать его вперед, надо обладать и знаниями, и мастерством, и революционным размахом. Мы на пороге новых грандиозных начал.

Баюмовские пути измеряются уже многими сотнями километров, в перечень легендарных молва заносит имена Тынды и Беркажита, Нерюнгри и Уджана... Но мы еще только приступаем к освоению (еще далеко до преобразования) этого необозримого по территории и богатствам края страны. Пока по медному телу Удокана перемещаются изыскательские вагончики вроде «Лунохода Наташи», наука, народное хозяйство ставят в повестку дня практические вопросы

маш» — тоже только начало многих начал. Как в свое время Тракторострой на Волге, Магнитка на Урале совершили переворот в экономике всей страны, так и «Атоммаш» — знаменует важный этап научно-технической революции, вносит весомый вклад в решение энергетических проблем всего социалистического содружества. Завод, создающий атомные электростанции, производит народному хозяйству, науке и школе свои особой важности условия. Уже сейчас, по свидетельству главного инженера «Атоммаша» С. А. Елецкого, волгодонский завод формируется в том виде, в каком он сможет удовлетворить технические требования начала XXI века; уже сейчас в его коллективе каждый второй — с высшим и средним образованием, двое из каждых трех рабочих имеют не менее четвертого разряда. И разве не отразится все это на судьбе тех, кто в ближайшее пятилетие будет вступать в самостоятельную жизнь?

За Нечерноземьем уже прочно закрепилась репутация «второй целины»; как на целину, сюда идут эшелоны мощной техники, как на целину, сюда направляются ударные комсомольские формирования, как и целине, Нечерноземью — всеобщее внимание. Но, несмотря на размах мелиоративных и строительных работ, и здесь мы стоим почти у начала обновления. Дело не только в улучшении агротехники и индустрии животноводства, дело не только в повышении продуктивности — должен быть обновлен весь уклад деревенской жизни, перестроен и обогащен труд и быт человека.

«Надо грамотно работать на земле», — приходит к заключению молодой специалист с Валдая Юрий Старков, мечтающий внести свой вклад в преобразование Нечерноземья. Он не одобряет тех своих товарищей, кто противопоставляет заработка знаниям, останавливается в профессиональном росте и «лезет к технике с кувалдой». «От нашей технической безграмотности — прямой убыток государству, — подчеркивает Старков. — Вот почему мне дороже всего ленинский призыв: учиться, учиться, учиться!»

Наконец, какое широкое поприще для сильных знанием и духом, одаренных талантом и одержимостью, представляет современная наука.

— Наука и техника в двадцатом веке, — говорит академик Е. П. Велихов, — принесли людям эпохальные изменения в средствах передвижения, средствах передачи информации, в энергетике. Многие направления фундаментальных наук буквально «на глазах», за считанные годы совершили гигант-

об умении хозяйствовать.

Как исчерпывающе мудро отвечал Владимир Ильич тем первым делегатам рабочих и крестьян, которые обращались к нему за разрешением своих жизненных вопросов; он говорил им: вы — власть, делайте так, как считаете нужным, но заботьтесь о производстве, заботьтесь о том, чтобы производство было полезным. И люди начинали хозяйствовать по-новому, отдавая все свои силы на общую пользу.

И теперь принцип социалистического хозяйствования имеет тот же стержень — практическое всевластие и неприменная забота о производстве. Только ныне молодые хозяева стоят на прочном фундаменте богатейшего социального опыта, трудового творчества, инициативы масс. От истоков «великого почина» и глубокого русла стахановских традиций исходит и развивается современное движение за коммунистическое отношение к труду. Нескончаема яркая летопись крылатых инициатив и новаторских починов, но ярче, убедительнее всего — естественно пробуждающаяся в молодом советском человеке потребность личной инициативы, желание полной мерой отдавать любому делу свои способности.

Галина Казыдуб из Красноярского совхоза «Ярульский», удостоенная за свой вдохновенный, самоотверженный труд доярки звания Героя Социалистического Труда, всегда среди первых, какое бы дело ни начиналось; и вместе с чувством ответственности она испытывает настоящую радость оттого, что рядом вырастают энтузиасты, готовые работать лучше, чем она. «У нас в совхозе есть добрая дивчина, хорошая доярка Надежда Милошенко. Недавно она завела разговор о соревновании и сказала мне: «Разуюсь босиком, но все равно догоню!» Босиком-то шутит, конечно. Но каков характер! Любить труд, честно относиться к своему делу — этому учил нас Ленин, к этому мы всегда будем стремиться».

Маленькую, простую задачу решают в далекой сибирской деревне — добыть больше молока, лучшего качества, но с каким сердечным участием, с какой благородной целью. Это простое дело — личный «плюс», встречный план, который добавляется к плану государственному, добровольное обязательство работать в носом, еще более напряженным режиме, — легко видится в миллионной проекции. Поставим один только сомножитель: к Ленинскому юбилею 4,5 миллиона труженников, более 200 тысяч бригад, цехов, ферм, свыше шести тысяч коллективов предприятий обязались выполнить пятилетку. Вот животворный итог трудовой инициативы!

Но, как говорится, на дворе — седьмое послеоктябрьское

ДАЛЬШЕ

десятилетие. Во весь рост ставит партия ключевую задачу времени: работать эффективно, качественно в каждом звене. Выступая на XVIII съезде комсомола, Леонид Ильич Брежнев предельно конкретизировал это определение применительно к каждому — большому и малому — коллективу. Работать эффективно, качественно, указывал он, это значит работать на совесть, умело, результативно. Организовать свой труд самым рациональным образом. Проявлять бережливость в использовании материальных ценностей, быть по-хозяйски рачительным. Создавать и оберегать в коллективе такую рабочую атмосферу, чтобы энтузиасты дышали озоном творчества, а лодырям и бракоделам было не по себе.

С новой остротой этот требовательный призыв прозвучал в конце прошлого года на ноябрьском партийном Пленуме. С деловой готовностью воспринимает его выводы и решения молодая гвардия рабочего класса и советского крестьянства. Вокруг новаторов сплачиваются молодежные коллективы, рачительней используются секунды, киловатты, граммы; выдвигаются выскатальные лозунги, как у днепропетровцев. — «Даешь бригады образцовой дисциплины!».

Уже очевидно, что сегодня происходит качественная перестройка труда, его глубочайшее окультуривание, в широчайших масштабах осуществляется ленинский наказ стремиться к высшей производительности. «Для самого Владимира

подготовку, высшую школу, мы не вырастим настоящего коммуниста без глубокой марксистско-ленинской выучки.

Политический всеобуч давно стал важнейшей сферой деятельности комсомола. Почти восемнадцать миллионов юношей и девушек проходят сейчас курс в политических и экономических кружках, нередко превращаясь из слушателей в исследователей, которые анализируют свой труд, защищают рабочие проекты, вырабатывают новые формы коллективных действий. Воспитанники школ и ПТУ не только усваивают азбуку общественных наук, но и выражают свое понимание теории и практики в сочинениях по общественно-политической тематике — до десятка миллионов таких работ представляется на scrutiny. Студенчество видит свой долг не только в глубоком овладении марксистско-ленинской теорией, но и в широком распространении общественных знаний. В Ульяновске, на родине Владимира Ильича, комсомольцы завода «Автозпчасть» выступили с начинанием: «Книгу Ленина — в каждую семью», — более 50 тысяч ленинских библиотечек создано в прошлом году.

Эти факты сами по себе красноречивы, но молодые коммунистические бойцы, организаторы политического просвещения прилагают теперь немало усилий к углублению содержания своей работы. Они хорошо помнят, как строго предостерегал Владимир Ильич молодых от «витаминного потребления» готовых выводов марксистской науки, от легкой прогулки по коммунистическим брошюрам и учебникам, от начетничества, от опасного увлечения лозунгами, от разрыва книги с практикой жизни. И вот что их беспокоит.

«Нельзя при изучении произведений классиков марксизма-ленинизма, — говорит московская учительница Н. Морозова, — ограничиваться чтением лишь отдельных мест. Нельзя, выписав в тетрадочку несколько цитат из статьи, считать, что статья проработана. Вызвать у ребят живой интерес к ленинскому слову, приучить именно к целостному, взвешиваемому чтению трудов вождя — такая задача стоит и перед

О нравственных ценностях.

...И прежде всего, как к высшему человеческому эталону, обращаются к облику Ленина. «Если бы не Ленин, — убежден Гумар Султанов, тракторист из татарского колхоза имени Тукая, — то не было бы живых, конкретных представлений о той высокой нравственности, которая воплотилась коммунистической».

Сколько бы ни было коллективных обсуждений, анкетных опросов, рефератов и сочинений, обрисовывающих, казалось бы, близко знакомый образ, всегда находят новые краски и свежие тона, индивидуальные впечатления и неожиданные открытия. Духовный мир, образ Ильича так многомерен, что его грани, штрихи, черточки не поддаются какому-либо строгому исчислению. Слагаясь из многих оценок и мнений, некоторые черты-характеристики Ленина могут казаться даже противоположными...

Он отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей. — И в то же время умел наслаждаться прекрасным глубоко, до наивной радости.

Он весь — ступок энергии, живое воплощение борьбы. — С удивительной естественностью умел оставаться незаметным, никак не подчеркивать себя.

Его ненависть, презрение к страданиям и несчастьям возвышенны. — Забота о человеке — его врожденное качество, он даже стыдился, когда знал, что другие голодают.

Нет человека прозорливее его. — Он равный из равных; его девиз: знать массы, учиться у масс.

Неиссякаема его вера в победу: «Пусть будут сотни ошибок, тысячи поражений, мы не боимся». — Он начисто лишен чувства самоуспокоенности.

Он умел быть беспощадным. — Гуманист с головы до пят. Мечтатель. — Чувство реального никогда не покидало его...

Ильича, — говорит львовский водитель песовоза Степан Венцак, — работа была источником творческого вдохновения. Таким же источником она должна стать и для нас. Будь ты рабочий, инженер, руководитель — тебе необходимы высокая культура, четкость, оперативность, деловитость, организованность, дисциплина. Передовых людей прежде всего отличает культура работы».

Следуя ленинскому наказу, партия уверенно опирается на чудесную силу рабочих и крестьян, всецело доверяет творческому энтузиазму и хозяйскому практицизму молодых. Сколько ярких талантов на производстве, в науке, искусстве выпестовано в нынешнем молодом поколении; сколько умелых организаторов, командиров хозяйственного фронта выдвинуто за последнее время; почти полмиллиона комсомольцев избраны народными депутатами на недавних выборах в Советы. Молодые хорошо сознают: это — высокое доверие, оно ко многим обязывает.

«Необходимо воспитывать в себе чувство ответственности за порученное дело» — таков вывод строителя БАМа Леонида Казакова. Он гордится тем, что на великой стройке утвердился «кодекс чести молодого строителя». Мы в Сибири, говорит Казаков, не гости, а хозяева. И работать хотим именно по-хозяйски, думая не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне. Вот почему и у соревнующихся здесь девиз: «Я — хозяин стройки».

В прямой связи с формированием активной жизненной позиции сегодняшняя молодежь говорит

об идейном наследии.

Зрелые убеждения не доброе пожелание, не волевое проявление «кремневой природы». Они формируются у человека с широким кругозором, политической зоркостью, на базе умом и сердцем усвоенных духовных богатств. Закономерный путь к высокой идейности молодая учительница из-под Казани Зильфира Шагиева видит в усвоении подрастающим поколением «точных знаний об окружающем мире», в обретении «широкого кругозора, политической сознательности», в «выработке ленинского отношения к жизни».

В том духовном сплаве, что образует коммунистическую идейность, пожалуй, первичным, всескрепляющим элементом являются политические знания. Как бы широко ни толковали мы ленинское «одно слово» — учиться, как бы великолепно ни поставили общее образование, специальную

учителем и перед пропагандистом — словом, перед всеми, кто работает с молодежью, кто призван дать вступающим в большую жизнь юноше или девушке огромное счастье — непосредственное общение с мыслью Ильича».

Если говорить строже, речь идет об очень важном — о развитии у нового человека революционного чутья, политической боеспособности. Это ведь только на первый взгляд молодому человеку кажется, что все принципиальные вопросы решены, все главные победы одержаны. Но это только на первый взгляд. Завершение коммунистического строительства, к которому Ленин звал молодежь, протекает не менее остро: сложен сам поиск новых путей, нетерпимее воспринимаются рецидивы буржуазно-мещанских пережитков, в отчаянные схватки бросаются враги на идеологическом фронте. Так что для борцов восьмидесятых годов, так же, как и для первопроходцев революции, священ ленинский завет — не может быть уступок в теории, в программе, в знамени.

Усвоение и понимание коммунизма, говорил Ленин, должно быть связано с повседневной и всесторонней работой. Только так и воспринимает эту задачу современное молодое поколение. Более того, в комсомоле утвердилась традиция — ежегодно проводить Ленинский урок, который учит решать важнейшие социальные и производственные задачи через призму ленинских заветов, которые действительно влияют на формирование взглядов, убеждений, личной судьбы.

«Комсомольцы и молодежь нашего прессового корпуса в числе первых выступили с инициативой проведения Всесоюзной Ленинской поверки», — говорит Александр Панин, слесарь-наладчик, член комитета ВЛКСМ ЗИЛа. — Для меня время подготовки к поверке совпало с серьезным испытанием — прохождением кандидатского стажа. И вот совсем недавно мне вручили партийный билет с изображением Ленина. Прошедший год многому меня научил. Занимаясь в университете марксизма-ленинизма, изучая ленинские работы, посещая партийные собрания, я понял, как важно сегодня усвоить всю сумму знаний, чтобы потом, как учил Ленин, переплавить их в горниле ежедневной работы. Как важно воспитывать в себе активную жизненную позицию, непримиримое отношение к недостаткам, мешающим нашему движению вперед».

Получив прочное образование и высокую профессиональную квалификацию, опыт коллективистской жизни и первые политические уроки, молодые люди все активнее стремятся заявить себя личностью, все заинтересованней говорят

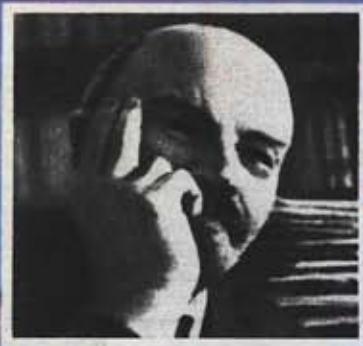
В этих противоположениях нет противоречия, в них — диалектика ленинской борьбы, естественное проявление его характера, многозначность его нравственного опыта. И мы всматриваемся в образ Ильича как в зеркало безупречной правды, желая увидеть свое время, свои чувства, свои устремления. И эта схожесть, сродненность наших чувств и черт дает нам колоссальную силу в каждом суждении и поступке.

Вера Лисичкина, секретарь Молодежного райкома комсомола из Казахстана, особо выделяет среди ленинских качеств — «честность во всем». О коммунизме она говорит, как об «обществе честных людей» и горячо доказывает, что подрастающее поколение надо воспитывать собственной честностью: «Если человек хочет, чтобы его уважали, он не должен бросать слов на ветер, особенно если руководит коллективом».

Пусть не воспринимается такой подход как частный и утилитарный. Молодое поколение умеет понять и воспринять весь комплекс высоких нравственных достоинств. Хорошо сказал об этом поэт Виталий Коротих: «Я бы даже не стал выделять те или иные черты Ленина-коммуниста. По-моему, Владимир Ильич был и остается эталоном коммунистической этики, коммунистического характера во множестве проявлений... Комплекс самых разнообразных качеств, сфокусированных в Ленине-коммунисте, представляется мне монолитным, неразделимым. И в этом едва ли не самый главный для нас урок».

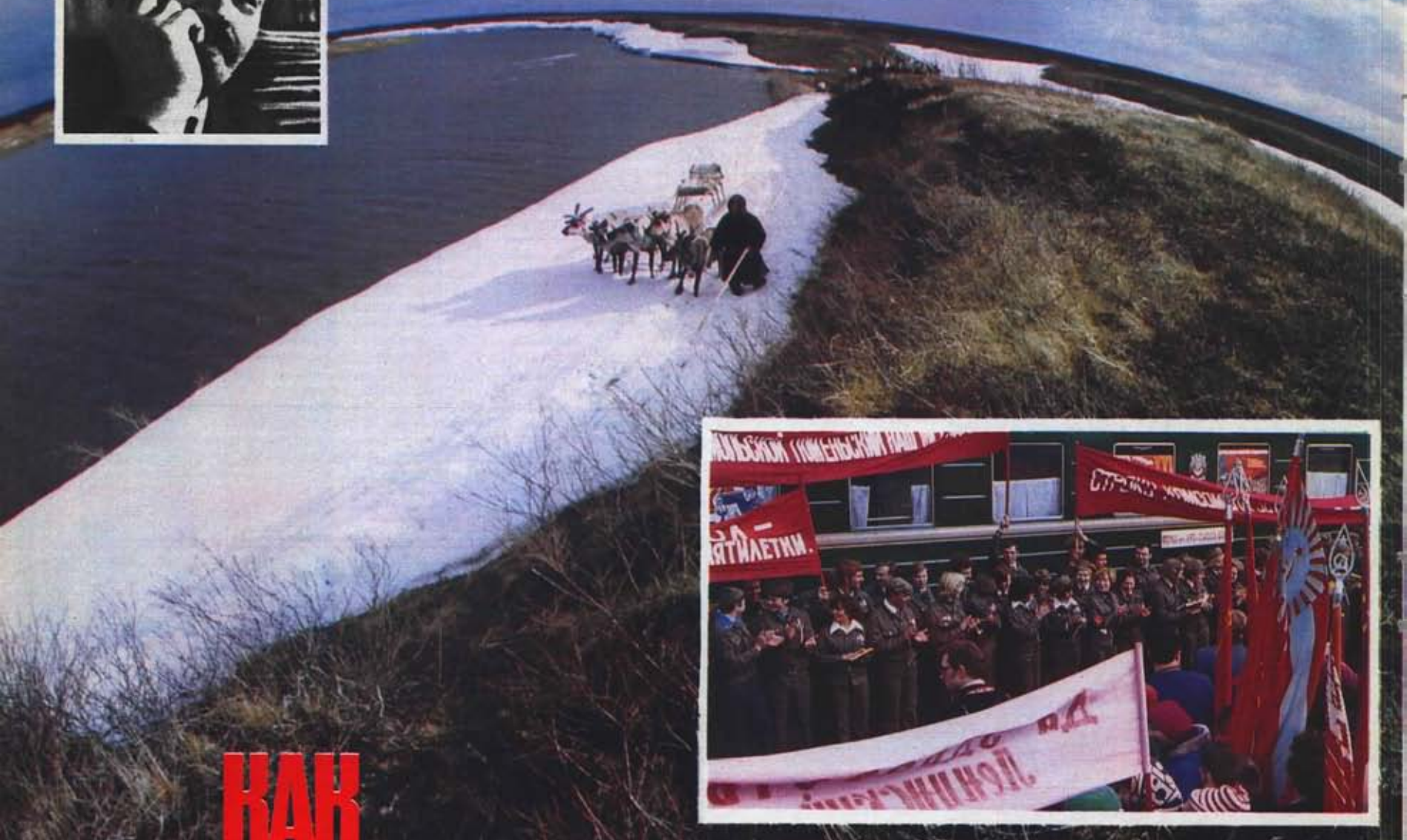
«Мы накопили огромное духовное богатство, которого не знала история, — не раз подчеркивал Леонид Ильич Брежнев в своих выступлениях перед комсомолом. — В нашем обществе сложилась самая передовая, самая гуманная система нравственных норм и общественных ценностей». И он выдвигает перед комсомолом задачи: все лучшее, что накоплено нравственным опытом нового общества, передать вступающей в жизнь молодежи, каждому юноше, каждой девушке, и вместе с тем избавляться от всего, что мешает жить и трудиться. Надо восстать против равнодушия и духовной скудости, пьянства и хулиганства, иждивенчества и цинизма; решительно искоренить все эти нравственные изъяны.

Ленинский комсомол получил прекрасное духовное наследство для воспитания подрастающего поколения — животворные революционные традиции, богатейший опыт борьбы за утверждение новой морали, точнейшие нравственные ориентиры. Важно умело распорядиться этим богатством.

Мы должны всякий труд... построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда...

В. И. ЛЕНИН

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Начало на 8-й стр.

двадцати лет работая над ленинской темой, я жила в высоком мире ленинских идей и деяний.

Партия! Создание истинно Коммунистической партии — смолоду пламенная идея Владимира Ильича.

Партия — это люди. А люди — это прежде всего их дела. Вот я вижу: на месте бывшего села Шушенского поселок городского типа, фактически благоустроенный город. Стройный, ослепительный, асфальтированные и озелененные улицы, удобные гостиницы, кино, клуб, кафе, техникум, библиотека, школы. Во времена Ленина здесь не было школьного здания, жалкая школка на двадцать пять — тридцать учеников кочевала по избам. Зато было два кабака и четыре питейных заведения, местные остряки называли Шушенское пьяной губернией.

Мне понадобилась аптека. Она совсем новенькая — чисто, аккуратно, и медикаментов порядочно.

«Уважаемый г-н доктор!

Если Ваши служебные обязанности позволяют, то не будете ли Вы так добры зайти вечером к моему больно-

му товарищу, Оскару Александровичу Энгбергу»... — писал Владимир Ильич участковому врачу в Ермаковское. Обычное для Владимира Ильича проявление человечности. В Шушенском того времени не было ни больницы, ни фельдшера. Сейчас больница, поликлиника, сто врачей, двести медицинских работников.

Планы дальнейшего строительства и благоустройства Шушенского разумны и... поэтичны. Раскинет ветви сад дружбы, посаженный писателями всех республик, съехавшимися в Шушенское на литературный форум в честь столетия рождения Ленина; поднимется парк и — что особенно трогает — встанет аллея соратников Владимира Ильича.

«Собрание социал-демократов одной местности в числе семнадцати человек приняло единогласно следующую резолюцию»... — так начинается Протест против кредо, авторы которого отрицают революционную борьбу пролетариата.

Из конспиративных соображений Владимир Ильич не называет ни местности, ни адреса, где происходило собрание, протестующее против кредо.

Местность — Сибирь, куда были посланы одновременно с Лениным его товарищи, члены Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». А происходило собрание в селе Ермаковском, верстах в пятидесяти от Шушенского. Именно это собрание семнадцати социал-демократов теснейшим образом связывает Ермаковское с Шушенским. Сейчас нельзя подумать о Шушенском, не вспоминая Ермаковское.

Мы посещаем дом в Ермаковском, где в конце прошлого века жил ссыльный, нежно любимый Лениным его товарищ Анатолий Ванеев. Он смертельно болен.

Приложив немало находчивости, чтобы усыпить бдительность жандармской охраны, Ленин собрал товарищей у Ванеева поддержать его дух.

Небольшая комната, длинный стол посередине. В углу кровать.

Ванеев лежит на кровати. На впалых щеках пылают чахоточный румянец. Глаза блестят опасным лихорадочным блеском. Приподнявшись на подушках, он внимает и участвует в обсуждении и вслед за Владимиром Ильичем первый ставит свою подпись под Протестом против кредо экономистов. В глухой сибирской ссылке, вдали от центра политической деятельности молодые социал-демократы, будущие большевики, следуя предвидениям Ленина, распознали жестокую опасность проповеди экономизма для рабочей революции и подняли убедительный голос против нее.

В Шушенской аллее вечно будут жить их образы, запечатленные в мраморе.

Я и мой спутник идем в мемориал. Секретарь райкома партии Валентина Александровна Иванова, молодая, обаятельная женщина, сопровождает нас всюду, радуясь увиденному нами, будто сама видит впервые и мемориал и все интересное, что есть в Шушенском.

Я приезжала сюда, когда мемориал создавался. Никогда Шушенское не знало такого многолюдья.

Сотни молодых ребят таскают бревна, пилят, рубят, строят, восстанавливают источенные старостью или по какой-то причине снесенные избы.

Подхожу к одному, другому.

— Откуда вы?

— Рабочий отряд из Тамбова.

— Студенческий отряд из Тбилиси.

Из Ярославщины, Литвы, Белоруссии. Многонациональная молодежная стройка.

Спрашиваю: наверное, порядочно зарабатываете на такой нелегкой и срочной работе?

Некоторые, наверное, да.

Но некоторые, к кому я обращалась, отвечали: я в отпуске. Рабочий. Вместо курорта приехал сюда. А строим бесплатно. Вроде как на субботнике.

Ленинский субботник, протянувшийся на долгие месяцы. Уезжают отработавшие срок одни отряды, прибывают на смену другие.

Валентина Александровна рассказывает, как задолго до открытия мемориала райком кинул учителям клич: «Мобилизуйте ребят собирать старинную крестьянскую утварь, оборудовать избы».

Что тут поднялось! Ребят не надо было мобилизовывать. В Шушенском и соседних районах толпами шныряли они из дома в дом, лазали по чердакам и кладовкам, тащили добычу в назначенное место. Собрано старинных, прошлого века предметов крестьянского быта так много, что удалось полностью обставить 189 восстановленных крестьянских построек мемориала.

Несли домашнюю утварь и дети и взрослые. И никто не захотел взять ни

Павел БАРЕВ, бригадир плотников комсомольско-молодежной бригады треста «Уренгойгазпромстрой», командир Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, депутат Верховного Совета СССР, лауреат премии Ленинского комсомола

Стать настоящим северянином непросто. Но в сейчас могу назвать многих членов нашего отряда, которые северянами стали: плотник высокой квалификации Кочетков, бригадир Вахрушев... А вся бригада Бонда-

ри! Все в Уренгое знают, что в бригаду можно прийти в любое время дня или ночи — и Бондарь со своими парнями поможет. А как здорово строит бригада! На ее счету уже спортзал, овощехранилище, инженерные сети второй очереди поселка. И все с одним качеством — на отлично. Это настоящая работа.

«Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой...» — эти ленинские слова приобрели для каждого из нас особенный смысл, когда два года назад наш комсомольский отряд высадился в Новом Уренгое. Было это после XVIII съезда ВЛКСМ, на котором прозвучало название товарища Леонида Ильича Брежнева. «В ближайшее десять

лет», — сказал он, — основной прирост добычи нефти, газа и производимого из них ценного химического сырья мы рассчитываем получать именно за счет Тюмени. В связи с этим наступает, а, вернее, уже наступил новый, более сложный этап развития Западной Сибири».

Наша жизнь в Уренгое складывалась негладко. И если, когда мы приехали, нас было триста человек, то сейчас 228. Что ж, какой-то отсев, видимо, неизбежен, но зато налицо и другой факт: за это время мы сыграли 90 комсомольско-молодежных свадеб, и вот уже в молодых семьях родились 46 ребяткишек, коренных уренгойцев.

Сейчас шефство комсомола над освоением Тюменского Севера поднялось на

качественно новый уровень. В ударных отрядах добровольцев — специалисты высшего класса. Значит, дело должно набрать здесь еще более стремительные темпы. А вклад в него комсомола будет еще весомее.

В канун 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина на важнейшие народнохозяйственные объекты пятилетки прибудет ударный комсомольский отряд молодых добровольцев. Ждем мы пополнения и у себя в Уренгое. Постараемся сделать все, чтобы поддержать ребят. Два года назад к нашему приезду уренгойцы приготовили хорошее общежитие. Сейчас наш отряд решил: отдадим его ребятишкам, которые приедут к нам. Себе построим другое.

КРУПНЕЙШЕЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ДЕРЖАВОЙ СТАЛА СТРАНА СОВЕТОВ. И ВСЮДУ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА ТРУДИТСЯ СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ.

копейки даже за редкие антикварные вещи. Одна старушка до сих пор то и дело забредает в мемориал посмотреть, на месте ли подаренный ею стол-угловик, обязательный почти для каждой сибирской избы.

Валентина Александровна Иванова — уроженка Шушенского. Вот ее дом в районе мемориала. Там прошли детские годы. Там девочкой она помогала матери хозяйничать, вить из конопли нитки и вязать половики — в Сибири не встретишь избы без половиков. А в свободное время запойно читала. И пересказывала прочитанное сестренке и матери. В ней жил дар педагога. Она и стала вначале учительницей, потом старшей пионервожатой, секретарем райкома комсомола, слушательницей Высшей комсомольской школы. И опять дома, в родном Шушенском, теперь уже секретарь райкома партии по идеологии.

— Познакомимся с одной нашей редкостью, — говорит Валентина Александровна.

То, что мы увидели, показалось нам не только редкостью, больше — неожиданным чудом.

Продолжение на 16-й стр.

Десятая пятилетка. Многим молодым труженикам принесла она заслуженную трудовую славу. Многие в этой пятилетке приобрели авторитет настоящих мастеров своего дела. Один из них — лауреат премии Ленинского комсомола, шахтер из Донбасса Николай Скрыпник. Лишь в прошлом году его комсомольско-молодежная бригада выдала свыше 100 тысяч тонн угля сверх плана, на 20 процентов повысила машинное время комбайна, подала около 30 рационализаторских предложений, экономический эффект от которых составил до 140 тысяч рублей.

В чем заключается рабочее призвание? Как достигается истинное мастерство? Что значит подходить к делу творчески? Что такое профессионализм шахтера? Об этом сегодня размышляет герой очерка Николай Скрыпник.

Скрыпнику было не до приезжих журналистов. В бригаде не ладилось с освоением новой лавы, на которую шахта возлагала большие надежды, близился к концу календарный год, требовалось давать обещанный миллион тонн угля...

В общем, Скрыпник откровенно не стал церемониться и на обещанную встречу не пришел. Вроде бы сказал: работать уже некогда из-за этих интервью.

Не состоялась и другая назначенная встреча. Так что первая беседа у нас получилась телефонная. После нескольких безуспешных звонков я в очередной раз набрал номер.

— Комитет комсомола шахтоуправления имени Фрунзе?

— Он самый, — подтвердил мужской голос.

— Скажите, пожалуйста, у вас случайно нет бригадира Скрыпника?

— Случайно есть, — ответил недовольно тот же голос.

— Здравствуйте, Николай Николаевич! — догадался я и представился.

Вот наш последующий диалог.

— Увы, Николай Николаевич, встреча не отменяется. Когда вы практически выберете для нее время?

— Практически в ближайшие дни не могу ничего обещать. Под завязку, понимаете?

— Понимаю. А сейчас чем заняты?

— Сейчас выясняю положение с учетными карточками некоторых своих ребят. Бывает, числится комсомольцем, а с армии вернулся, на учет сразу не встал и тянет резину.

— Ну, выясните положение с учетными карточками. Потом?

— Потом домой, спать. Две смены подряд в лаве с комплексом уродовался. Имею право на отдых?

— Бесспорно. Ладно, поспите. Дальше?

— Дальше по новой. Шахта, наряд, спуск, лава. Последовательность известная.

— Когда освободитесь?

— Когда вторая лава уголь начнет качать.

— Завтра вы в первую смену?

— Допустим.

— Может, спустимся вместе? Между делом перекинемся словом. Меня вполне устроило бы.

— Вас — да, меня — нет. Короче, не совсем удачное время вы подобрали для приезда. У нас сейчас запускается второй комплекс. Новая лава... Как бы вам объяснить? Словом, капризничает новая лава, тормозит всю добычу участка, а значит, и шахты. Можете представить условия для интервью.

— Речь должна пойти не о победном празднике бригады — буднях. К тому же, не в виде традиционного интервью. Нужен разговор, что называется, по душам на такую интересующую нас тему, как зависимость производственной выработки от личного мастерства, квалификации молодого шахтера...

— Да вот вам и зависимость. Если комбайн не едет, конвейер уголь не качает, так никакое личное мастерство не помогает. Шахта — не механический стан, где деталь, изготовленная каким-нибудь асом-станочником, измеряется микрометром. У шахты свои особенности, а к шахтеру применимы особые мерки его квалификации. Их не выразишь, скажем, классом точности обработки. Горнорабочий очистного забоя, или по-шахтерски «гроз», тогда превращается в мастера своего дела, когда схватывает главную суть нашей профессии... Алло, слушаете?

— Говорите, говорите.

— Да, кажется, все. Это то, что могу ответить по интересующему вас вопросу.

— Будем считать, начало разговора состоялось. Итак, продолжим его завтра. Если не возражаете. Во сколько приезжать к утреннему наряду?..

Ровеньки — городок сравнительно небольшой. Известность ему принесло драматическое завершение героической эпопеи подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Именно сюда, в ровеньковское гестапо, из Краснодона были привезены для допроса Кошевой, Шевцова, Остапенко, Огурцов, Субботин. После пыток, незадолго до освобождения города нашими войсками, комсомольцев расстреляли. С тех пор Ровеньки стали местом, куда отовсюду едут люди, чтобы спуститься в подвал одной из городских больниц, где по-музейному сохранены свидетельства страшного времени и героизма.

Есть, конечно, у Ровеньков и теперешние приметы — современные дома, красивые улицы. Но нужно выйти на них совсем рано утром, чтобы представить характер города. Тогда можно увидеть, как задолго до оживления улиц на автобусных остановках собираются толпы. Множество сигаретных огоньков. Шахтеры.

Абсолютно прав Скрыпник — шахтерская профессия предусматривает свои мерки для человека. Послушать в автобусе шахтера — значит вволю насмеяться шуткам, надивиться остроумию, находчивости, жизнерадостности людей. Наверное-таки, условия труда вырабатывают в нем особые духовные качества: доброжелательность, определенно выраженную склонность к юмору.

Шахта имени Фрунзе далеко за городом, среди открытых ветрам холмов. В 1978-м о ней заговорили после добытого здесь одной бригадой миллиона тонн угля. Сделала это комсомольско-молодежная очистная бригада, которую как раз возглавляет Николай Скрыпник.

На шахту зачастили корреспонденты, к фрунзенцам

пришла лава, и вот мне предстояло в беседе с бригадиром выяснить, так сказать, природу успеха.

Разумеется, предпосылки к нему были заранее известны: достаточно мощный пласт, соответствующее техническое обеспечение, стимулирующий «гроз» высокий заработок... И все же основывалось это, безусловно, на их профессиональной подготовленности, рабочем характере. Фактор весьма важный, если не решающий.

С шести утра по участкам шахты начинается распределение нарядов работ. Возле нарядной пятого участка ко мне подошел рослый, светловолосый, с квадратным подбородком человек. «Это вы?» — и подал руку. Скрыпник явно хотел подчеркнуть неуместность моего появления. Судя по распределению между «грозами» нарядных заданий, ситуация глубоко под землей действительно складывалась острая. Общая атмосфера, реплики, выражения, отнюдь не предназначенные для читателей, передавали напряжение, с каким в лавах из смены в смену преодолевались какие-то неполадки.

Главный инженер шахты тоже посетовал на несвоевременность приезда корреспондента, но спуск в лаву разрешил. И вот мы со Скрыпником, при обязательной амуниции, едем клетью на шестисотметровую глубину, потом километра четыре шагаем штреками-тоннелями. Лучи наших электрофонарей на пластмассовых касках высвечивают воду под ногами, поддерживающую своды крепь. Головы то и дело приходится склонять, но это не спасает от неожиданных ударов о выступы.

Скрыпник выказал искусственность в беседах с журналистами. Он знал, что мне требовалось, и почти не дожидался вопросов.

— Вы, я слышал, потомственный?..

— Да. Отец, трое братьев — все были или сейчас связаны с углем. Как стал шахтером? Вас, наверное, это интересует? Во всяком случае, не по призванию. Не по призванию. Подробно не буду распространяться, а если в нескольких словах, то вышло так. После школы поступил в медицинский. Разобрался, понял, что врачевание не для меня. Отслужил армию. Надумал податься в сельхозинститут. Три курса агрономического факультета... Ну, а там назрели всякие семейные обстоятельства. Понадобилось кормить семью. Шахта для этого представляла наиболее приемлемый вариант. Сейчас поступил заочно в горнометаллургический. Вот и вся эпопея.

— В бригадирах как оказались?

— Как в бригадирах оказываются? Взяли и выбрали.

— За красивые глазки, что ли?

— Во-во! Тут приезжал тоже один товарищ из газеты. Написал: «Скрыпник взглянул своими синими глазами». Ну, выдал! Вроде я кинозвезда или... Да и глаза у меня никогда не были синими.

— Значит, мастерство мастерству, выходит, рознь?

Скрыпник не ответил. Прежде чем свернуть в темный низкий ходок, снял куртку, сунул ее между крепью. Объяснил, что дальше будет жарко. Следовало подразумевать предстоящую работу. В натальной рубашке, с переброшенным через плечо ремешком коробки самоспасателя, свисающим с пояса аккумулятором фонаря, он иногда на коротких протискивался между поддерживающими кровлю металлическими и деревянными стойками, посвечивал назад — не отстает ли корреспондент.

Присел, поджидая.

— Мастерство мастерству, по-моему, рознью никогда не бывает. Достигается оно всегда одинаково — трудом, опытом. Все остальное — звонкие слова.

— Тогда что такое есть квалификация? Синоним понятия «мастерство»?

— Квалификация... Давайте договоримся, я не называю ни одной фамилии из бригады. У нас много настоящих мастеров. Кого-то упомянешь, другого — нет, несправедливо получится. Хватает и таких, с кем надо еще возиться и возиться. Нельзя тоже обижать.

— Договорились.

— Так вот, квалификация. Это, я так понимаю, то, с чем приходят, допустим, на шахту ребята после училищ, курсового комбината. Довольно крепко подкованные, знающие угледобывающую технику, быстро схватывающие рабочую идею. Иной раз ведь в лаве многое зависит от взаимопонимания рядом работающих. Когда над затылком потрескивает кровля, намертво зажимает секции металлической крепи — совещаний проводить времени нет. Действуешь по ситуации, как сообразилка сработает. Тут помощь товарища вернее любой самой правильной инструкции. А квалифицированный он или салага, разницы не составляет. Мастерство же — другое. Это искусство... Ну что, двинули дальше?

Потом я уж разобрался, отчего в забоях пятого участка в последние смены разладилась добыча угля. Бригада начала дополнительно к одной лаве разрабатывать вторую. Осложнения в ней возникли из-за трудных геологических условий для использования угледобывающего комплекса — другими словами, во-

«...условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой... Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации».

В. И. ЛЕНИН

О СЕКРЕТАХ СО ВСЕМИ ОТКРОВЕННОСТЬЮ

Владимир ФРАНЮК

едино связанной системы: механически подвигающейся крепи, комбайна, конвейера.

С такой техникой бригада рассчитывала не только дать второй миллион тонн. Дело в том, что она одна из семи очистных бригад шахты давала половину общей выработки. Поэтому можно было представить, к каким последствиям приводил даже кратковременный простой пятого участка.

А срыв тут получался досаднейший. По-прежнему бесперебойно «качавшая» уголь первая лава не могла разрабатываться без параллельного продвижения второй, где гребтались на неровной почве секции крепи и конвейер. Обе лавы временами, по сути, бездействовали.

В отличие от грубоватой прямолинейности там, на поверхности, под землей бригадир проявлял внимание. Видимо, рабочая обстановка притягивала Скрыпника с вынужденной необходимостью поддерживать беседу. Он частенько приостанавливался, поворотом головы с фонарем на каске светил назад и рассуждал.

— Хотя сам по возрасту принадлежу к категории молодых, думаю, что у молодежи не сразу вырабатывается необходимое... как бы сказать...

— Мастерство?

— Пожалуй, нет. Мастерами своего дела нередко становятся и ребята. Мастерство, на мой взгляд, приходит к человеку часто независимо от трудового стажа. Я говорю про нужное во всякой работе, а в шахтерской особенно умение распределять и физические и духовные силы. Если хотите, про рабочую мудрость. Такую мудрость, которая приходит с годами. Которая выведет из любого затруднения, наверстает любой простой.

— То есть в полном соответствии с поговоркой: старый конь борозды не испортит?

— Я говорю о преимуществах, что дает стабильность шахтерских кадров. С нее надо начинать укрепление отрасли, без нее не поднимется добыча угля. И вообще шахта должна стать по-настоящему привлекательной для рабочего человека.

— А какие преимущества для шахты вы видите в нем, молодом рабочем? Разумеется, помимо стабилизации кадров.

— Какие? Многие. Чего скрывать, у старших поколений в общем-то и с грамотешкой послабее и кругозор поуже. А сегодняшняя угледобывающая техника, шахтное оборудование рассчитаны на людей, как говорится, основательно подготовленных знаниями. Сегодня даже крепление кровли в забое иначе происходит, чем делалось всегда. Раньше пилили, ставили деревянные стойки, ворочали тяжелые тембы, теперь появляется другая крепь. Вон на комплексе каждый пайщик управляет полсотней сложных механизмов — передвижных гидравлических секций. Вроде повернул одну рукоятку, вторую — вся работа. Гидравлика и конвейер передвинет, и секцию к нему подтянет, и стальной козырек на нужную высоту и длину выдвинет. А один ветеран мне, например, сказал: «Я, Николай, нехай буду целую смену ластыгать, чем на пауз стоять». Почему у человека такое отношение к механизмам? Робот перед ними? Да нет, психология определенная сложилась. Ему проще руками поработать. Тяжело, зато привычно. У молодежи другой склад. Она лучше подготовлена к освоению техники, быстрее приспосабливается к новым условиям.

— Получается, к продвижению прогресса у нее все-таки...

— Но и переоценивать преимущества молодежи не стоит. Труд, особенно квалифицированный, связанный, как у нас, с большой ответственностью, не основывается ведь только на интеллекте или энтузиазме. Тут главное — самодисциплина, расчет, моральная подготовленность... Кстати, это и есть то, из чего складывается, как я думаю, шахтерское мастерство.

— То есть понятие профессионального мастерства шахтера неоднозначно и зависит от многих обстоятельств. Возможно, даже от личностных качеств человека.

— Ну, может, так категорично выражаться незначит. Представителю другой профессии легко и обидеться. Взять, скажем, металлурга, транспортника... Везде от человека требуются высокие личностные качества. Просто есть работа, которую мелкота не тянет. Я не хочу ничего оскорбительного сказать про людей, подыскивающих себе работенку почище, жизнь поспокойней. У каждого свой характер, свое стремление, каждый, как говорится, по мере сил и способностей вносит лепту. И все же кое-где, я имею в виду работу, мало бывает иметь образование, высокую общую культуру. Кое-где нужно распахивать душу, показывать, какой ты есть в деле, а не на словах. Жить нараспашку, работать без оглядки как раз и должен уметь шахтер. Иначе здесь нельзя. Не потому, что существует определенный стиль поведения, нет. Его вырабатывает шахта. Она не принимает шкурничества, трусости, приспособленчества. Всю шелуху — любителей посачковать, подхеросинить перед сменой, неуважающих коллектив — этих сразу

выкидывает на поверхность. А кто остается, тот уж, как правило, народ надежный. Кого вон ни возьми — по-своему мастер.

— Значит, уровень профессионального мастерства находится в прямой зависимости от уровня нравственного? Так, что ли?

— Думаю, нравственный дух, он многое определяет в человеке. У нас часто говорят о всестороннем его развитии. Но обычно под этим имеется в виду так называемое гармоничное развитие. Проще сказать, чтоб люди росли без дураков и хилаков. Для шахтера такой усредненной гармонии недостаточно. Его труд, условия работы требуют куда больше нравственного заряда, чем иной парняга себе представляет.

— Кстати, вы тут упоминали про умение распределять физические и духовные силы. Физические — понятно...

— А... Ну был у нас, допустим, в бригаде деятель. Недолго, правда, продержался. Толковый вроде хлопек, здоровяк, но оказался безвольным слабаком. Сначала нормально работал, получившие деньги — понесло по кочкам. Раз прогулял, другой — и пришлось наладить из бригады. Причина? Не сумел человек распорядиться собой, начал размениваться по мелочам. Такого и оставь в коллективе, так с него толку все равно не выйдет. Не работа у него на уме, и мастером своего дела ему никогда не стать...

Не берусь оценивать слова Скрыпника — они нужны в осмыслении, скорее, не мной, а читателями, я же пробирался следом за бригадиром темными, залитыми водой ходками, осматривал новую механизированную лаву, где так неожиданно застопорилась добыча угля.

Это был низкий, освещенный люминесцентными трубками забой с поблескивающим пластом антрацита и уходящими вдаль чередой гидравлическими секциями стальной крепи. «Ну, как лава?» — спросил Скрыпник. Стало понятно отношение бригадира к шахте, углю. Так спрашивают, показывая нечто, вызывающее гордость, даже эстетическое наслаждение.

Между тем в новой лаве основательно «забурился» угледобывающий комбайн, и смена применяла всевозможные ухищрения, чтобы подсобить технике. Бригадир сразу включился в работу. Судя по разговорам шахтеров, предстояло менять положение нескольких секций.

Иногда Скрыпник появлялся рядом — очевидно, беспокоился о корреспонденте, и я уже сожалел о проявленной настойчивости, добываясь спуска в шахту. Впрочем, кто знает, состоялся бы наверху между нами необходимый разговор.

Когда комбайн наконец выручили, мне посоветовали выйти из лавы. «Тут от пылюги сейчас краматорий будет», — весело предупредил какой-то шахтер с белыми зубами и глазами на черном лице. Имелось ли в виду сравнение с промышленным Краматорском или с учреждением известного назначения, не понял, но действительно начавшая «качать» уголь лава заполнилась грохотом и почти непроглядной пылью.

Для шахтера это наивернейший признак того, что не зря он спускался в лаву, что на-гора идет уголь, а бухгалтерия начисляет ему приличный заработок. Да, шахтерский труд не легкий, в нем еще много нерешенных проблем, делающих работу под землей не везде привлекательной. Отрывочный разговор со Скрыпником убеждал: профессия шахтера нуждается в большом внимании, и рассчитана она на людей особых — обладающих сильными характерами, живым умом, душевной широтой.

В минуты короткого «перекура», когда горнорабочие по очереди подкрепляются закуской, бригадир добродушно обратился ко мне: «Ну, какие там у вас еще вопросы?» Я спросил о высвобожденном комбайне, понадобилась ли в аварийной работе бригадирская эрудиция.

— Так вот ведь, понимаете, здесь эрудицией не возьмешь. Определенно знаешь одно — из ситуации нужно искать выход. Остальное зависит, кто рядом, как старается помочь. Да и уровень квалификации, считаю, в большей степени зависит скорее не от опыта, а от стремления получше, побыстрее сделать работу. Конечно, имея необходимые знания. Скажем, сейчас у нас в бригаде сто девяносто человек. Из них примерно семь десятков — молодежь, около полсотни комсомольцев. Среди тех, других и третьих есть «грозы» — высокой квалификации, настоящие мастера. А возраст разный. Ну, чем объяснить?

— Существует мнение о предрасположенности людей к различным видам деятельности.

— Может быть. Только вид деятельности — еще не работа. Человек работает ради чего-то. Первоначально ради куска хлеба. Потом у него появляется увлечение трудом, интерес к нему. На этой стадии и формируется профессиональное мастерство. Но оно еще не высшая ступень рабочей квалификации. Человек в своем развитии, думаю, обязательно поднимается до осознания нужности собственной работы. Уже измеряет ее не личными потребностями, а значением того, что он делает для других.

— Ну, раз уж мы заговорили о нравственных критериях труда и о его высшем проявлении — профессиональном мастерстве, — то давайте вести речь по существу. Сознательное отношение к трудовым обязанностям, стремление выполнить работу быстрее, качественнее — выражения, настолько ставшие необходимыми, что они постепенно начали утрачивать действенность.

— По существу так по существу. Видели в шахтоуправлении объявления о проведении соревнований между очистными, проходческими бригадами? Какие премии за призовые места, читали? Каждый понимает, что устраивают их не для спортивного интереса. Стране нужен уголь, много угля. И качаем на совесть. А его не хватает. Вот мне пишут письма из разных концов. Всякие приходят письма. Задают вопросы вплоть до того, женат я или холост... Но в большинстве наказывают увеличить добычу угля. Иной раз обращаются с наивными просьбами. Один председатель колхоза из Волгоградской области, запомнилось, попросил содействовать в отправке хозяйству двух вагонов антрацита. Ни больше, ни меньше. Понимаю, не от хорошей жизни человек решил написать такое письмо. Прочитал его хлопцем из бригады — мол, увеличим добычу, товарищи! Ну, посмеялся над мужиком — оно и в самом деле получилось анекдот... Ну так вот. Вскрываю я однажды конверт. Из Винницкой области письмо. Читаю. И поверите, ком к горлу. Написали ребяташки из сельской школы. Что пишут? Мол, пелки не топят, угля нет, сидим в пальто. Неужели, мол, под землей уголь кончается?! Понимаете? Читал его тоже в нарядной. Молчали сначала все. И вины вроде личной не чувствуешь перед теми ребяташками, что сидят на уроках в пальто, понимаешь — не в нехватке угля дело, в чем-то бюрократизме, равнодушии и все-таки сознаешь: каждая лишняя тонна угля из лавы — не просто перевыполнение нормы, не просто цифирь для торжественных рапортов. Это тепло людям, жизнь.

— Что же народ из бригады после чтения письма?

— Народ — во! Пошло то письмо по рукам. Даже не знаю, где оно теперь. Ну, всякие предложения были. Предлагали обратиться к руководству, в виде исключения послать школе подарок — вагон угля. Еще что-то... Конечно, пошумели, остыли, сообразили, что наше дело — добыча и еще раз добыча. Выступали тогда многие дельно. С понятием народ. Говорили о том, как, за счет чего можно повысить производительность работы механизмов, что нужно сделать для сокращения простоев... Вот вы спрашивали, откуда, из чего возникает мастерство шахтера. Из желания его достичь. Это не дежурные слова, поверьте.

На поверхность я поднялся с отработавшим смену звеном. Бригадир остался в лаве. Следующая встреча со Скрыпником состоялась тоже не сразу. Механизированный комплекс новой лавы по-прежнему держал всех в напряжении.

Напоследок мы разговаривали в спокойной обстановке по-вечернему затихшего шахтоуправления. Скрыпнику только что позвонили из Москвы. Редакция газеты напоминала про обещанный им текст выступления. Бригадир пообещал выслать.

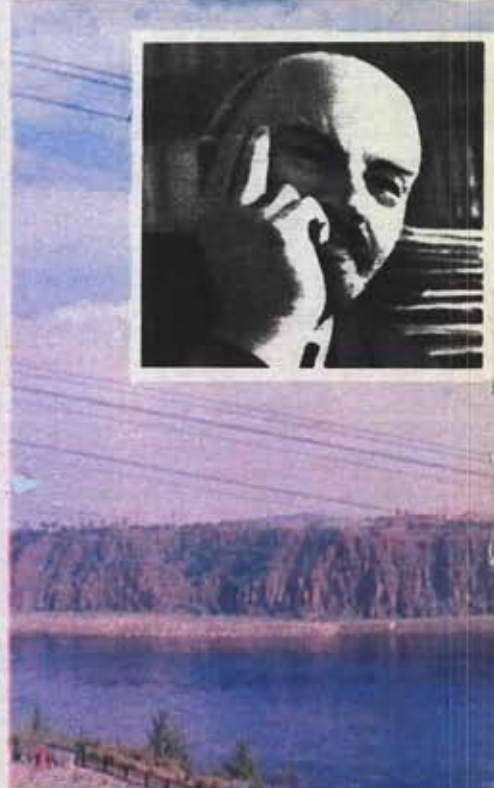
— Черт побери, некогда приготовить контрольные для института... Вообще-то работать так нельзя.

— То есть?

— То есть на износ. Не о себе говорю. О тех, кто придет в шахту. Повышение мастерства, квалификации шахтера, наверное, поняли, зависит от степени энтузиазма. Сейчас местная молодежь далеко не толпой идет добывать уголек, далеко не толпой. Шахта, конечно, не какой-нибудь розарий, но при нормальной вентиляции, организации хорошего питания здесь работать можно. Еще как работать! И все же о положении молодых шахтеров, по-моему, следует специально подумать.

— Например.

— Да хоть бы о том, про что мы говорили, — о крепости духа, нравственной основе мастерства парня, приходящего в лаву. Совсем не просто это — после шести часов, отработанных под землей, подниматься на поверхность, видеть солнце или звезды над головой... Радоваться жизни тоже надо помогать, учить. На шахте, допустим, есть условия для занятий спортом, но его любителей можно пересчитать по пальцам. За массовость частенько выдаются организованные с грехом пополам раз-два в год кроссы. А шахтеру, особенно молодому, спорт необходим, как тот же «тормозок», то есть закуска между работой. Физикультуру надо сделать обязательной профилактикой для горняков-подземников. Потом, пора устранять всякую безалаберную штурмовщину в забоях, продуманно готовить разработку пластов, а не так, как у нас получилось со второй лавой... Мастерство приходит к шахтеру не только с опытом. Оно и воспитывается. Сознанием ответственности перед людьми за каждую дополнительно добытую тонну угля. Рабочей дружбой. Самоотверженностью товарищей. Короче, всем тем, чем трудна, дорога каждому из нас шахтерская профессия. Это не моя — наша откровенность.

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Начало на 8-й стр.

На далеком севере Красноярского края работал Иван Варламович Рехлов. Окончив всего четыре класса сельской школы, смолodu увлекся искусством, начал коллекционировать репродукции с картин известных художников. Увлечение перешло в страсть на всю жизнь. Жена делала его страсть коллекционирования.

— Мой верный товарищ, — говорит о жене И. В. Рехлов. — Ни лишнего платья, ни туфель. Все на картины. Есть еще у него верный товарищ, Ивану Варламовичу повезло: невестка Лилия Михайловна Рудакова, войдя в семью Рехловых, становится первой помощницей коллекционера. После у

И. В. Рехлова будет много товарищей и поклонников.

Завязываются обширные связи с живописцами. Иван Варламович шлет письма в сотни и сотни адресов художников, графиков, издательств, музеев. Просит, убеждает, требует: создается картинная галерея для народа, пришлите, что можете.

Галерея растет. Она не единственная, во многих селах и районах нашей страны организованы народные галереи, но рехловская уникальна, не сравнима ни с какой другой: самые различные жанры и темы представлены в ней. Более десяти тысяч репродукций с картин лучших русских и зарубежных мастеров живописи, свыше семи тысяч листов-подлинников, более трех тысяч ценных книг по искусству, около тысячи графических и живописных работ, посвященных Владимиру Ильичу, полторы тысячи журналов с изображением на обложке Ленина, более ста медалей, книги Ленина на десятках языков мира.

Свою уникальную галерею Рехлов дарит государству.

Красноярский исполком предлагает И. В. Рехлову переселиться в Шушенское. Там предоставляют ему и его галерею четыре смежные квартиры.

Забегая вперед, скажу, что в нынешнем, юбилейном ленинском году начнется строительство специального лекционно-выставочного зала. Основан при галерее художественный совет, в шушенской школе № 2 работает кружок юных экскурсоводов, уже теперь некоторые из них избрали своей будущей профессией искусствоведение. В год столетия Владимира Ильича галерея открылась.

Когда вдумываешься, что ее создал рабочий с четырехклассным образованием, создавая, самостоятельно добился разносторонних познаний, стал просвещенным человеком, понимаешь, как богат талантами наш народ, как заботливо и щедро партия поддерживает народные таланты.

Мы снова и снова навещаем мемориал. Однажды пришли поздно вечером. В этот час войти туда уже нельзя. Мы идем вдоль мемориала. Тишина. Чернеют избы, и представилась далекая ночь. Ветер из-за Енисея мчит и кружит на улицах снег. Спит Старое Шушенское, лишь в одном окошке светится зеленый огонек. Владимир Ильич работает. Затем, чтобы Шушенское и с ним вся страна стали сегодняшними.

Со вторым секретарем Шушенского

...Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение.

В. И. ЛЕНИН

Петр МАЛИКОВ,
сталевар
комсомольско-молодежного
двухвального
сталеуплавильного агрегата
№ 35 Магнитогорского
металлургического
комбината имени В. И. Ленина,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Для меня понятие «трудиться ленински» неотделимо от другого — «работать по-магнитогорски». Понимаю, что могу вызвать упреки в нескромности — кстати, пожалуй, не любивший Лениным недо-

статок, — и все-таки считаю, что право на это сравнение у Магнитки есть. Это право завоевано в тяжелейшее героическое время строительства комбината, десятилетиями самоотверженного труда в жарное время, рабочие подвиги в годы войны.

А душой Магнитки, наверное, можно назвать соревнование. То самое широкое соревнование, которое Ленин считал необходимым условием успеха социализма. Соревнование вдохнуло жизнь в Магнитку, соревнование сделало ее признанным флагманом нашей металлургии. Оно же позволяет нам добиваться сегодняшних успехов. Так, в прошлом году три наших мартеновских цеха выдали 15 миллионов 875 тысяч тонн стали. Причем 61 тысячу тонн — сверх плана. Наша комсомольско-молодежная 35-я печь признана лучшим двухвальным агрегатом страны. Комбинат награжден переходящим Красным знаме-

нем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Соревнования живут там, где его умеют наладить. Сейчас у нас в цехе внедрена ежедневная оценка качества труда каждого рабочего. Эта система родилась не сама по себе — она сложилась благодаря множеству инициатив моих товарищей по работе. Назову только одну из них: лауреат Государственной премии Николай Игин, работающий на нашей печи, предложил трудиться по принципу: «Сдай смену лучше, чем принял». И мы стали соревноваться, делая все, чтобы не подвести сменщиков.

Но, конечно, одного желания работать хорошо сегодня мало. Тут нужен опыт, умение разобраться в любой ситуации.

Такой опыт, а также способность взглянуть на проблему широко, не ограничиваясь рамками своего участка, мне дала

работа в нашем комсомольском бюро, изучение ленинских работ.

Из уроки Ленина не только в них. Не меньшему учит то, как он жил, как работал. И здесь, видимо, каждый находит что-то особенно для себя близкое, притягательное... Для меня это — умение не бояться ответственности. Помните: «Есть такая партия!» Ответственность — вещь не легкая. Решить, что «мое дело — сторона», проще. Но что потом? Жаловаться, что «оттеснили», «не дают возможностей»? Ведь потому Магнитка и осталась Магниткой, что всегда бралась за самое трудное, находила в себе силу и веру идти на новые, небывалые рубежи.

Юбилею В. И. Ленина — достойную встречу, пятилетке — ударный финиш! — под таким девизом трудится комсомолка Магнитогорска, полномочная наследница традиций Магнитки.

райкома партии мы встретились на Саяно-Шушенской ГЭС.

Михаил Георгиевич Никифоров родом из Шушенского района. Юношей во время войны был мобилизован, воевал до победы, был контужен. Оптимист и жизнелюб, Михаил Георгиевич представляется мне типичным, до мозга костей, сибиряком. Ему кровно дорога сибирская природа, суровая, и дикая, и поэтичная, — ни с какими красотами мира не сравнит Михаил Георгиевич свою родную Сибирь! В свободное время он охотник, рыбак, путешественник: «Полмесяца побродить по тайге, на полгода запасешься бодрым духом и силой».

Подчинившись веселому задору Михаила Георгиевича, мы совершили в компании с ним поистине фантастическое (для меня, во всяком случае) путешествие.

— Прокатимся на катере по нашему Саянскому морю. Поглядим вблизи, какое оно, — предложил Михаил Георгиевич.

Легко сказать «поглядим вблизи». Для этого надо преодолеть водосбросную плотину, по ту сторону которой поднимается, набирая глубину, молодое море. Окончательная высота плотины в недалеком будущем 245 метров. Не знаю точно нынешнюю ее высоту, но лифт вскидывает нас не ниже, чем на десятый этаж. Дальше надо карабкаться несколько пролетов металли-

ческой лестницей. Карабкаемся. Выше, выше. И вот мы на гребне плотины, и далеко внизу под ногами море. Мы спускаемся к нему с плотины такой же скользкой металлической лестницей. Признаться, я струсила. Ведь обратно придется возвращаться тем же путем. Другого нет.

Так или иначе, мы у цели.

Несколько лет назад здесь, в узком каменистом ложе, стиснутом скалами, поросшими тайгой, мчался бурно спешащий Енисей. Люди покорили веками непокорную реку. Создали Саянское море. Наш катер идет тихо и плавно. По ту сторону плотины грохот бульдозеров, машин, самосвалов, грохот строительства, здесь, над морем, — тишина. Осенний день полон солнца и золотого сияния листьев. Тайга безлюдна, безмолвна.

И море тоже безмолвно и тихо. Между тем глубинные потоки мощно устремляются к плотине и через донное отверстие падают вниз, где внутри станции работает пущенный в декабре 1978 года первый гидроагрегат, снабжая промышленность электроэнергией.

На Саяно-Шушенскую ГЭС мы попали в особенный день. Устанавливалось рабочее колесо второго гидроагрегата, который скоро начнет трудиться в подмогу первому. Колоссальных размеров механизм, подвешенный на тросах, движется специально для него

проведенным транспортным тоннелем в назначенное ему гнездо в машинном зале плотины. Будучи технически малограмотной, не стану вдаваться в описания того, что не в силах досконально понять, могу лишь удивляться и восхищаться грандиозным зрелищем.

В Саяно-Шушенской ГЭС будет установлено десять агрегатов. На наших глазах подходит к завершению монтаж второго.

Рабочее колесо движется медленно-медленно. Кажется, задумалось перед началом новой жизни, которой назначено быть источником света.

Наконец его ставят на место, в гнездо. Скоро второй агрегат готов будет к пуску.

Покидаем мы Саяно-Шушенскую ГЭС поздним вечером.

Над тайгой, обступившей по обоим берегам Саянское море, поднимается полная медно-желтая, большая луна. Поднимается, как корона, над величественным царством труда.

— День и ночь кипит стройка. Хорошо бы и ночную ГЭС поглядеть, — говорит неумолимый Михаил Георгиевич.

Всю дорогу домой мы обсуждаем увиденное. Иному году равен этот день!..

Впечатления дня — Саянское море, ГЭС, разговоры поздним вечером в

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ХОЗЯИНОМ СТРАНЫ СТАЛ ЧЕЛОВЕК ТРУДА. ЕГО ДЕЛА, СВЕРШЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК ПРЕУМНОЖАЮТ МОЩЬ РОДИНЫ.

«1980 год. На его календаре есть знаменательная дата, дорогая сердцу каждого советского человека, каждого честного труженика земли: 110-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина». — пишет учащийся II курса Ольховатского профтехучилища Воронежской области Вера Сакардина.

«В июле 1920 года В. И. Ленин подписывает декрет, цель которого — ликвидировать техническую неграмотность рабочих и удовлетворить острую нужду промышленности в рабочей силе. Этот декрет послужил толчком к развитию всех форм профессионально-технического образования», — таков эпитафия к сочинению москвича Алексея Кузнецова...

Как уже сообщалось («Смена» № 3), Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию и журнал ЦК ВЛКСМ «Смена» провели Всесоюзный творческий конкурс сочинений среди учащихся средних ПТУ страны. Предлагаются следующие темы:

«И горжусь тем, что я — современный рабочий».

«Своим трудом мы Родину прославим».

«Пусть в мире торжествует труд».

«Если не я, то кто же?»

«Что значит работать красиво?»

Конкурс прошел во всех профтехучилищах, сочинения рассмотрены жюри. Редакция предлагает некоторые сочинения вниманию читателей.

ДУМАЮ. ЗН

Вагиф МАГЕРРАМОВ,
учащийся СГПТУ-11,
Баку

РАДОСТНОЕ СОЛНЦЕ

1 сентября 1979 года. Двор СГПТУ-11. Линейка. На трибуне стоят мастера производственного обучения, преподаватели...

Звучат приветственные слова директора: «Вы будете у нас учиться, станете квалифицированными рабочими. Быть рабочим — это очень ответственно, иногда трудно. Но профессии, выбранные вами, — почетные. Вы можете гордиться тем, что вы — будущие рабочие».

А потом нам вручали рабочие инструменты. Все было очень торжественно. И я подумал: «А ведь хорошо, что я поступил именно в это училище, что буду изучать автодело».

Я пришел в училище, потому что мой отец рабочий, и отец моего отца тоже был рабочим. Отец всегда говорил мне: «Будешь уважать труд — и тебя уважать станут».

Когда-то я думал, что достаточно взять в руки инструменты — и я сразу смогу починить любой автомобиль. Теперь я знаю, что это не так. Шаг за шагом изучаем мы свою профессию. Сейчас уже недостаточно просто уметь что-то делать, надо быть и рационализатором, не останавливаться на достигнутом, надо много знать.

В нашем училище много интересных людей, которые учат нас всему этому. Среди них выпускники нашего училища. Это и наш директор Махмуд Асадullaевич Кулиев, и мастера производственного обучения Сулейманян, Иванов, Харская, и преподаватели Варфоломеев, Сабанова, Новикова. Все они любят училище, любят свою профессию и рассказывают нам о том, какое это счастье — иметь любимое дело.

...Бегут по улицам легковые автомобили, спешат трудовые КамАЗы. Я попробовал написать стихи.

*Радостным солнцем Баку золотится,
Шумным потоком проходит народ.
День трудовой начинается столица,
Сколько у каждого дел и забот!*

*Это нефтяник на вышку стремится,
Это ткачиха на фабрике тклет,*

*Это портниха из шелка и ситца
Сколько нам платьев красивых сошьет!*

*Черное золото в трубах струится.
Хлопок белеет в полях, словно снег.
Все, чем богата родная столица,
Делает наш*

*трудолюбивый
человек!*

Николай ЧАБАН,
учащийся СГПТУ-128,
Москва

КОГО НАЗЫВАТЬ МАСТЕРОМ?

*А если нужен шар нам
круглый очень,
на станке токарном
круглое точим.*

В. МАЯКОВСКИЙ

Когда-то мне довелось услышать слова моего дяди, который был опытным токарем. Он так говорил:

— Ты думаешь, настоящий токарь — это тот, кто любит и умеет делать самую сложную работу, такую, которая поначалу почти невозможной кажется? Ошибаешься! Я мастером только того могу назвать, кто любую работу делает охотно, удовольствие от нее получает, кто уже давно перестал делить детали на простые и сложные, для кого существует только та деталь, которую сейчас нужно сработать. И самую сложную он сработает, как и самую простую: быстро, чисто, красиво...

Может быть, он не точно так говорил, но смысл остался: мастер — это тот, кто всякую порученную работу попросту способен сделать хуже чем на «отлично». Да он, пожалуй, и не умеет, разучился уже трудиться не то чтобы плохо, но даже чуточку небрежно или, как сказал бы мой дядя, «несерьезно».

Мой дядя, токарь, очень коротко и понятно оценивал работу других токарей своего цеха. Об одних он говорил: «Еще не токарь». Это означало, что человек еще не относится к своей профессии как к чему-то для себя высшему, что он не переживает работу, а только делает ее. Поэтому он в любой момент

может ошибиться, как говорится, споткнуться на ровном месте. Может он и успеха добиться, но заранее этот успех не предскажешь. Каждая операция на станке — проточка конуса или нарезка резьбы — для такого рабочего существует как бы сама по себе, а не как часть целого, всего производственного процесса.

О других рабочих он говорил двумя словами: «Хороший токарь». Это о тех, кто умеет работать быстро и почти без ошибок, но для них одна работа легче, а другая труднее. Значит, они еще не вжились в профессию, а только освоили ее, то есть сделали своей. На весь цех были лишь двое токарей, о ком он сказал совсем кратко: «Мастер».

От него я узнал, что самым первым токарем был в России Петр Первый. Многим ремеслам выучился он в Голландии. А токарное, говорят, особенно полюбил. Даже станочек захватил, когда возвращался. Привез и нередко становился за него — поработать. Это было для него вроде отдыха от дел государственных. Станочек тот сейчас в музее стоит. Конечно, наш-то, нынешний, куда сложнее. Только ведь суть одна: и его станок и мой — токарные. Так что «царскому ремеслу» у нас в стране, почитай, без малого триста лет...

Да, почти три века. И сегодняшний мастер должен знать и уметь все, что открыли и придумали за это время многие поколения токарей.

чинского проводила под землей по две-три смены, и уже на третьи сутки после аварии по ленточному транспортеру снова пошел мощный поток угля. Ни разу месячная производительность участка не опускалась ниже 50 тысяч тонн.

И вот Иван Игнатьевич Сорочинский у нас в гостях. О самом трудном в работе шахтера он говорил просто, но так, что нам стало ясно: мы избрали самую нужную, самую мужскую профессию. И еще мы почувствовали, что нас ждут в шахтах, что мы там нужны.

Придет время — и мы станем горняками. Постараемся не подвести.

Андрей ОРЕХОВ,
учащийся СПТУ-8,
Курганинск,
Краснодарский край

ХУТОРОК В СТЕПИ

Я родился и вырос в маленьком хуторке Красное Поле. Дом наш стоит на окраине, и с трех сторон его окружают поля четвертой тракторной бригады ордена Ленина колхоза «Кавказ», в которой уже более двадцати лет проработал мой отец. Он настоящий хлебороб. Он знает цену хлебу, учит нас любить землю. За свой труд трижды награжден орденами. Избран депутатом Верховного Совета СССР.

*За этим не просто слава,
За этим хлебная лава,*

Сергей ЧЕРНИГОВСКИЙ,
учащийся СГПТУ-3,
Воркута

ТРУДНЫЙ ПЛАСТ

Наш край особенно богат шахтерскими традициями. Один из самых знатных мастеров своего дела — бригадир шахты Октябрьская объединения «Воркутауголь», Герой Социалистического Труда Иван Игнатьевич Сорочинский. Но сколько трудностей, сколько сюрпризов ожидало его бригаду на угольном поле, прежде чем они добились высоких результатов!

Сначала неожиданно оборвался пласт. Вместо угля зубья шнеков комбайна стали молотить породу... Пласт шахтеры «поймали», но тут разыгралась подземная стихия — села кровля, и, словно спички, опрокинулась зажатая породой крепь сопряжения. Обычно такие случаи — это тысячи тонн недоданного угля, недельная остановка забоя. Но бригада Соро-

*За этим свеклы кагаты,
За этим дела бригады,
Планы, свершенья —
жизнь
И завтрашний коммунизм.*

Так пишет поэт В. Подкопаев. Эти слова относятся и к моему отцу. И как бы он ни был занят, семье уделяет много внимания. А мы стараемся ему отплатить тем же. Вся наша семья живет интересами отца. Часто во время различных полевых работ я приходил к нему, смотрел, как он работает. Иногда отец разрешал мне доверлось участвовать первый раз в своей жизни в уборке урожая. Шло лето тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Пшеница уродилась сильная. И так уж получилось, что в это лето у отца на комбайне не

Игорь ТКАЧЕВ,
учащийся СГПТУ-34,
Ленинград

Всесоюзные ударные комсомольские стройки — чем они являются для советской молодежи? Университетами советского образования. Здесь молодежь особенно быстро осваивает новые профессии, современную технику, учится участвовать в управлении производством. Большая конкретная цель, стоящая перед молодыми, дает возможность по-настоящему раскрыться всем способностям, помогает глубоко осознать свой долг перед Родиной.

Витаутас ВЕНЦКУНАС,
учащийся ССПТУ-19,
Капсукас, Литовская ССР

Я смотрю на своих друзей, эту новую рабочую армию, и меня охватывает радостное чувство: я живу в стране, где рабочий человек хозяин своей земли, творец новой, прекрасной жизни. И мне хочется сказать так, чтобы услышали люди всей земли:

— Да здравствует труд во всем мире!

✿ Строки и абзацы ✿

Олег БОРИСОВ,
учащийся СГПТУ-21,
Красноярск

Я — будущий электромонтажник. Считаю, что учиться профессии надо не только зубры законы, формулы и технологию. Наверное, надо знать и биографии людей, которые ярко проявили себя в своем деле.

Марина НАЗАРОВА,
учащаяся СГПТУ-12,
Чебаркуль

Никогда не уживались золотые руки и равнодушное сердце. Тем более сегодня, когда в историю страны вписываются страницы пятилетки качества. На это еще раз указал Леонид Ильич Брежнев на ноябрьском (1979 г.) пленуме ЦК КПСС.

оказалось помощника, и он взял меня. Комбайн у нас был старенький и молотить уже не мог. Он только косил пшеницу и укладывал ее в валки. Основной нашей задачей было обкашивать поля и делать прокосы. Здесь я встретился с первыми трудностями. Пшеница была тяжелой, и ремни на жатке не в силах были стянуть ее с лафета. Я вынужден был часто сходить с площадки управления и деревянными граблями сдвигать хлебную массу. Сначала мне эта работа показалась нетрудной, и я работал шутя, но потом руки мои налились свинцовой тяжестью, и каждое движение давалось труднее и труднее. А когда мы начали косить вдоль грунтовой дороги, работать стало невыносимо. Пшеница забита пылью. День жаркий и безветренный. Пыль поднималась столбом и висела над комбайном, дышать было трудно. Отец понимал меня, поднимал мой «боевой дух». Он только скажет: «Ну что, кончается порох в пороховницах?» — и я сразу же начинал работать усерднее, потому что стыдно было признаться в собственной слабости. Так прошел мой первый день уборки. Затем я в работу втянулся. Особенно мне понравилось стоять на мостике, когда косили неполеглые хлеба. Комбайн шел на большой скорости, и шума мотора почти не было слышно, а только шипение ножа, мерное потрескивание мотовила и шуршание пшеницы, которая равномерными пластинами падала на лафет жатки. В эти минуты сердце начинало учащенно биться, а на душе у нас с отцом становилось радостно. Я радовался тому, что слаженно шла работа и что за день мы успеваем сделать полторы нормы. Каждый вечер я возвращался домой

колхоза тоже не хватает рабочих рук во время уборки. Молодежь уезжает в город. Не всем нравятся места, где нет театра, музея, нет залитых светом электрических фонарей улиц.

Когда мы пришли в бригаду, то нас там приняли как специалистов. В этом году мы закончили второй курс училища. Комбайнеры, с которыми мы работали, были молодые, жизнерадостные. И моим, поэтому мы быстро сдружились с ними.

Недаром уборку называют еще и страдой. Все было готово к работе. Создавались условия, чтобы комбайны можно было отремонтировать, не выезжая с поля. Все время рядом с нами находился с дежурной машиной и рацией инженер по комбайнам Николай Калинин. Он обеспечивал нас передвигной электросваркой, нужными запчастями, помогал ремонтировать машины.

Убирали по очереди поле за полем всеми пятью комбайнами по методу Ипатьевского района. И где бы мы ни работали, везде с нами была огромная палатка, в которой мы отдыхали. Комбайны наши не останавливались даже на время обеда. Мы работали посменно. Мне очень нравились моменты, когда комбайнеры отдыхали, а мы, помощники, молотили самостоятельно. И как здесь не улыбаться, когда тебя слушается такая машина, когда на тебя смотрят друзья, односельчане и когда кажется, что на тебя смотрит вся страна.

Я работал с Шириным Виктором на комбайне «Нива». Мне очень повезло, что я попал именно к нему. Он никогда не унывал и почти всегда насвистывал какую-нибудь мелодию. Делал он все основательно, предварительно подумав, как будет лучше. Виктор и меня старался приучить к этому. Мне запомнился каждый трудовой день. Один трудностями и неполадками, другой — трудовой победой, третий — солнечным прекрасным утром и теплым, безветренным вечером со звездным небом и яркой луной.

вклад в этой уборке — более шестисот тонн зерна.

Урожай в прошлом году в колхозе, несмотря на то, что было мало дождей во время роста пшеницы, оказался сравнительно неплохой — по сорок три с половиной центнера с гектара. План сдачи зерна государству колхозом был выполнен на сто двадцать два процента. Все мои друзья, для которых эта уборка была первой в жизни, остались очень довольны своей работой. За помощь в уборке урожая колхоз наградил нас почетными грамотами и ценными подарками. Этот год у меня будет памятным. Государственные экзамены в училище, еще одна уборка урожая, потом служба в рядах Советской Армии. И я твердо уверен, что после службы обязательно вернусь домой, в наш маленький хуторок, и буду работать на полях родного колхоза.

Римма МУКТАСИМОВА,
учащаяся Средне-Егорлыкского СПТУ-5,
Ростовская область

СТРОИТЬ, А НЕ УСТРАИВАТЬСЯ

Трудовая грязь не пачкает. Грязного труда нет, грязной может быть только совесть. Есть хорошие слова: «Пусть руки будут разные, только бы не праздные».

Руки не должны быть бездействующими. Вот, например, рука Онегина, над которой изрядно потрудились «пилочки стальные, прямые ножницы, кривые...» Пушкин пишет: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...» В «Труде упорном» видит поэт спасение для лучших людей своего времени. Но Онегин исключил из своей жизни труд и тем обрек себя на бессмысленное существование.

дуальность — непрерывный труд над собой. Труд превращает в «особенного человека» Рахметова.

И в наши дни «особенным человеком» способен стать только тот, кто много и терпеливо работает над собой. И нам сегодня нельзя забывать любимые рахметовские «надо», «надобно», «нужно».

Нравственная красота «особенных людей» привлекательна именно тем, что она не дается от рождения и приобретает в неустанный работе над собой во имя людей.

Человек-труженик не умирает, он живет в том, что создал. И нужно просто строить жизнь, а не устраиваться в ней, и твой след навсегда останется на земле.

Рамзия ГАЯЗОВА,
учащаяся СГПТУ-9,
Ташкент

КАК В СКАЗАХ БАЖОВА

Трудно сказать, почему именно полиграфия привлекла меня. А может, в этом и была какая-то закономерность: я любила книгу.

Первое мое знакомство с профессией началось в переплетной мастерской нашего училища. Мне дали в руки широкую отполированную щепку, «косточку», посадили за большой стол, на котором аккуратными стопками были разложены листы бумаги, и сказали: «Фальцуй».

Сгибать и разгибать листы было не так-то просто. Сноровки рук и опыта еще не было. И работа с клеем на первых порах принесла много огорчений: работать в основном нужно тремя пальцами, у меня же были испачканы все десять...

Работа на проволокошвейной машине так-

АЮ. МЕЧТАЮ.

потный и усталый, но очень довольный собой, шел на речку купаться, а затем засыпал крепким сном.

Что может быть прекраснее солнечного летнего утра! Только самые счастливые люди могли видеть такое утро, когда на каждой травинке, на каждом колосочке сверкают всеми цветами радуги алмазные капли росы.

Все это повлияло на мой выбор профессии. Профессия хлебороба. Я поступил учиться в среднее СПТУ № 8, где когда-то учился и мой отец. Сейчас на моем счету уже три уборки. Но особенно мне понравилась уборка урожая-79, в которой принимали участие мои друзья Анисимов Сергей, Максимов Анатолий, Савенко Геннадий, Депутатов Александр. Началось все с того, что мы узнали: в четвертой бригаде нужны помощники комбайнеров. Каждый из нас решил: «Если я не пойду помощником, то кто же тогда пойдет?» Ведь у других бригад

Конечно, не все было гладко. Однажды — это в разгар уборки — я вел комбайн, и какой-то предмет, лежавший под валком вместе с пшеницей, попал в молотилку, в результате чего вышел из строя барабан. Я думал, что Виктор будет кричать и ругаться, но он ни одним словом не упрекнул меня. Только сказал: «Ничего, комбайну тоже нужен отдых. Поехали в бригаду, исправим». Мне казалось, что отремонтировать придется два дня, но Виктор оказался мастером своего дела, и к вечеру комбайн был уже готов. В этот день мы намолотили мало. Зато на следующий перевыполнили норму и получили выпел. Наш

А рука Печорина? Маленькая, бледная, с худыми пальцами — просто чистая. Не в этом ли одна из причин «глубокой постоянной грусти», которая светится в глазах Печорина, словно навсегда утративших способность смеяться? А Павел Петрович Кирсанов из романа Тургенева «Отцы и дети»? Базаров говорит о нем: «Ногти-то, ногти, хоть на выставку посылай!» И упрекает Базаров Кирсанова за то, что он сидит «сложая руки». Закономерен жизненный итог Кирсанова: «Жить ему тяжело, тяжелей, чем он подозревает». И одна из причин этой тяжести — «просто чистые руки».

На страницах книг мы встречаемся и с другими персонажами. Они вызывают другие раздумья.

Приехав в Гремячий Лог, Давыдов «сам начал распрягать коней». А его руки покрыты на ладонях засвинованной от общения с металлом коркой, ногти в застарелых рубцах. «Да он коваль!» — разочарованно воскликнул молодой казак. «Слесарь», — гордо поправил Давыдов. Это была гордость за свою работу, за то, что он из рабочих. Заглянем в чемоданчик, с которым Давыдов приехал на хутор. «Кроме смены белья, носков и костюма, там были отвертки, плоскогубцы, шведский ключ и прочий немудреный инструмент».

Давыдов стыдится татуировки на своих руках (это просто «грязь» — грех молодости), но никогда не устыдится своих изуродованных ногтей. Он в труде обрел великий смысл жизни: «Сердцем чуял он значение того, что делала рука».

Я думаю, что для нас сегодня далеко не безразлично, что держат человеческие руки: стальную пилочку для ногтей или стальной напильник. Потому что труд — это и нравственное становление, формирование личности, характера, взглядов человека. Немалую роль сыграл труд в судьбе нигилиста Базарова. Переделывать мир Базаров начинает с самого себя. «Человек сам себя воспитать должен», — считает он. Базаровская индиви-

же не принесла мне большой радости. А если сказать откровенно, тачалка просто пугала меня. Огромное колесо, вращающееся с бешеной скоростью, под ногами педаль, как у швейной машинки, и — огромный моток проволоки.

Впрочем, скоро я сдружилась с моей первой машиной, научилась за ней ухаживать. Действовал на меня ободряюще пример совсем еще молодого мастера Раисы Сидоровой, только в прошлом году окончившей наше училище. Тоненькая, хрупкая, она ловко управлялась с огромной бумагорезальной машиной. Я невольно залюбовалась: во всех ее движениях — легкость, непринужденность, экономность и ритм, создающие впечатление грации и красоты. Именно здесь, в переплетной мастерской училища, вкусив горечь первых неудач и радость первых успехов, я поняла, что в труде действительно есть что-то общее с искусством, например, с танцем, с балетом. И там и тут, когда в совершенстве овладеешь техникой, приходит та легкость и пластика в движениях, та профессиональная свобода рабочего-артиста, которая доставляет радость творчества.

Еще в детстве из сказок Бажова я узнала о том, как ценили «живинку в деле» не только кустари-гранильщики, но и изурневшие тяжким трудом рабочие-металлурги, варившие на старых заводах сталь, получившую мировую известность и славу.

*«Живинкой в деле мастерство
Преобразуется в искусство».*

Нужно обладать художественным вкусом, чтобы выбрать цвет материала для книги или альбома, рисунок аппликации или золотого тиснения. Потом чуткие, нежные, умелые руки мастера-переплетчика красиво оформят обложку книги, альбома или записной книжки, и они как настоящие произведения искусства принесут людям радость. В красоте изделия — красота труда мастера, вложившего в него душу.

✿ Строки и абзацы ✿

Валерий ПИВКИН,
учащийся СГПТУ-5,
Пенза

Интересно, что еще совершенно не изучалось на Земле, что не исследовалось? Что абсолютная тайна?

Юрий ВАДИЛЬНИКОВ,
учащийся СГПТУ-13,
Полоцк

«Захочешь сердцем — сделаешь и руками», — гласит народная мудрость. Красиво работают те люди, которые в свою работу вкладывают сердце, душу. Бездушное отношение к работе не может сделать ее одухотворенной.

Конечно, первенствовать по показателям может и человек, работающий обособленно, не болеющий за других, чей принцип: «Моя хата с краю». Только думаю, работа его не вызовет уважения. «Ни одного отстающего рядом!» — под таким лозунгом работают сегодня коллективы наших предприятий и строки. Помочь тому, кто рядом, когда у него не получается, — вот такую работу можно назвать красивой.

Андрей МАТЮНИН,
учащийся СГПТУ-3,
Ульяновск

Поднялись за Лениным целые поколения новых людей. Все новые люди называют себя ленинцами. Мы потому ленинцы, что продолжаем его дело, что живет в нас желание и в большом и малом строить свою жизнь по Ильичу.

Елена ПРОКОШИНА,
учащаяся СГПТУ-73,
Москва

Глубоко заблуждаются те люди, которые считают, что там, где летит пыль, много мусора и грязи, нет красоты работы, радости от ее выполнения и просто от того, что ты, именно ты, делаешь ее.

...Поколение... которое... будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

В. И. ЛЕНИН

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

На сцене была установлена карта электрификации нашей страны... Владимир Ильич очень заботился об этой карте, много раз звонил Кржижановскому, торопил художников и монтажников изготовить ее к сроку. Хотелось Владимиру Ильичу, чтобы депутаты Советов наглядно увидели: вот наш план электрификации, так мы преобразим Россию.

«Россия во мгле», — писал о нашей Родине той поры писатель-фантаст Герберт Уэллс. Я помню те годы. Разруха, голод. Нет топлива. Нет керосина. Помню долгие зимние вечера в деревне при свете лучины. Наверное, многие депутаты Советов, сидящие на бархатных креслах Большого театра в косоворотках и гимнастерках, изношенных пиджаках и валенках, тоже знали лучину и, затаив дыхание, изумленно слушали рассказ Кржижановского. Он волновался. Вот поднял указку, притронулся к карте. Свет в зале погас. А на карте от прикосновения указки зажегся огонек. Один. Второй. Третий. Кржижановский объяснял, где мы будем строить электростанции, как будем строить, как поднимется наша промышленность, оживут поля. И огоньки все зажигались, обозначая места электростанций, и карта расцветала волшебным образом.

Мы так были бедны тогда, что пришлось выключить на этот вечер элек-

тричество в двух районах Москвы, чтобы зажечь на карте те огоньки.

По тому времени план был громаден, но о сибирских гигантах ученым и не мечталось. Зато теперь в Сибири трудится мощная Красноярская ГЭС, воздвигается Саяно-Шушенская, самая крупная в мире.

Я встречалась с секретарем парткома совхоза «Сибирь» Николаем Николаевичем Ляминам. Он рисует портреты совхозных рабочих с таким увлечением, что я как бы вижу их всех. Но мне хочется и Николая Николаевича поближе узнать. Он уклоняется от рассказов о себе, предпочитает говорить о товарищах, да так живописно, что я думаю: не филолог ли он? Угадала, по образованию филолог. Литература не стала его профессией, но основательно ему помогает в партийной работе.

Совхоз «Сибирь», в 28 километрах от Шушенского, едва ли не самый старый в Шушенском районе, скоро будет праздновать пятидесятилетний юбилей. Один из лучших в Красноярском крае, он имеет право на праздник.

Совхоз старый, а секретарь его парткома молодой.

«Добрый молодец» хочется сказать о Николае Николаевиче Ляминам, так цветущ его вид. Крепкое сложение,

плотные плечи, смуглый румянец, прямой нос, волевой склад губ, широко поставленные ясные глаза.

Я никак не могу вытянуть из него рассказ о себе. По-сынью говорит о пожилых доярках, уважительно — о директоре совхоза, с любовью — о родимой земле. А о себе помалкивает.

Зато много, почтительно и нежно — об отце. Крестьянин села Дубенки, старший Лямин в ряду первых принимал участие в коллективизации села, воевал на фронтах Отечественной войны. После председатель райпотребсоюза. Всегда на переднем крае, всегда предельно честен и смел.

— Отец... Если хотите знать, он для меня образец во всем. Если хотите знать, идеал для меня. На него хочу походить. Сына тоже хочу воспитать коммунистом.

Вот он невольно и рассказал о себе: династия коммунистов.

— Все ли у вас в совхозе хорошо? — спрашиваю.

Отвечает: — Хорошо, а не скажешь, что все. В хозяйстве добились успехов, а с жильем отстаем. В работе высоту набираем, бытовые условия ниже. А люди хотят жить по-городскому, в культурных условиях.

Так размышляет вслух трезво мыслящий, честный, чуткий к нуждам народа молодой коммунист.

Начало на 8-й стр.

машине по дороге к ночлегу — разбудили во мне воспоминания.

В годы моей работы над ленинской темой мне посчастливилось встречаться с Глебом Максимилиановичем Кржижановским. Старый большевик, выдающийся ученый, талантливый друг Владимира Ильича был пленительно прост, внимателен и интересен в общении с людьми. Каждая встреча с ним оставляла в душе яркий след. Вспоминается мне рассказ Глеба Максимилиановича о VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года.

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», — прозвучали знаменательные слова Ленина с трибуны съезда в Большом театре. А на следующий день выступал Кржижановский.

Аркадий ВОРОБЬЕВ,
двукратный чемпион
Олимпийских игр,
заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР,
доктор медицинских наук, профес-
сор, ректор Московского областного
института физической культуры

Я вспоминаю Берлин, чемпионат мира по тяжелой атлетике 1956 года. Переполненный зал удивленно гудел: не очень удачно выступили некоторые наши штангисты, и результат команды СССР зависел теперь только от Виктора Куренцова. В его весовой категории лидировал мощный польский атлет Вальдемар Бажаковский. Чтобы мы победили, Куренцов должен был в последней попытке толкнуть на пять килограммов больше своего же мирового рекорда. Пять килограммов — это много! Я был тогда старшим тренером сборной и знал, что Виктор не готовился к взятию

такого веса. А идти на это без подготовки — огромный риск для спортсмена. Риск физической травмы, психологического надлома. Офицеру Советской Армии тяжелоатлету Куренцову не нужно было объяснять все это. Он сам мог взвесить все «за» и «против».

— Витя, — сказал я ему тогда, — последний подход — последний патрон!

— Я сделаю, — ответил он, посмотрев на меня откуда-то издалека.

Он вышел на помост. Толкнул штангу. Удержал... Вес засчитан! А Виктор сел на гриф штанги прямо на помосте и опустил лицо в ладони. Он отдал всего себя, чтобы победить и показать, на что способен советский спортсмен.

Жить по-ленински... Не в первый раз задумывалась об этом необыкновенно важным, многогранным понятием, и вспоминаю сотни примеров самоотверженного поведения советских людей в разные времена, при разных обстоятельствах: тогда, когда это было нужно для Родины. Мне кажется, главное содержание жизни Владимира Ильича — это полное подчинения личных

интересов интересам общественным. И высокая идея, заключенная в этой беззаветно прожитой, мудрой жизни, вдохновляла многие поколения советских людей на трудовые и ратные дела.

Я не успел сделать что-нибудь достаточно серьезное для победы над фашизмом. Попал на фронт лишь в самом конце войны. Потом был водолазом, освобождал от нас акваторию Одесского порта. Мне было мучительно стыдно, что я — молодой, здоровый, сильный — остался целехонек, так мало вложил себя в общее, всенародное дело защиты Отечества. Но вскоре в мою жизнь вошел спорт. И я понял, что здесь тоже кипит принципиальная борьба — и не только за рекорды и медали. Была в разгаре «холодная война». И каждое сражение на тлжалоатлетическом помосте выливалось в демонстрацию силы и мощи нашей страны, советского государственного строя.

В 1958 году проходила серия матчевых встреч советских и американских штангистов в США. Помню обстановку матчей: необъективные судьи, недружелюбный

зал, агрессивные оскорбительные выкрики в наш адрес. Первую же встречу мы выиграли со счетом 6:1. А потом победили и во всех остальных матчах. И на каждый подход мы шли, как на бой... Была в этих победах и моя доля.

Сейчас мне уже за пятьдесят. Но по-прежнему самоусложненность кажется мне одной из худших зол. Главную задачу свою как ректора института я вижу в том, чтобы воспитывать у студентов высокую идейность, гражданские качества, активную жизненную позицию. Наш институт выпускает преподавателей физической культуры, людей, которым, в свою очередь, предстоит воспитывать молодежь. А значит, считаем мы, важны не только сугубо спортивные достижения наших студентов. Пусть даже будущий тренер по тяжелой атлетике поднимет на пять килограммов меньше и не достигнет мастеровского рубежа. Гораздо существеннее то, как воспринял он ленинские идеалы, сумеет ли он передать их своим ученикам, сделать для себя и для них главной целью — стремление жить по-ленински.

Со слов отца Лямина рассказывает, как скорбел народ, когда скончался Владимир Ильич. Шушенские крестьяне собрались: делились, кто что о Ленине и ленинском учении знает. Как будем нашего Ильича память чтить? Воздвигнем на площади памятник.

Один крестьянин сказал: «Памятник само собой. Однако нам, шушенцам, по-особому надо нашему Ильичу поклониться. Потому предлагается открыть в честь Ленина в селе Шушенском сельхозтехникум для обучения ребят. Будет живой памятник Ильичу».

Крестьяне поддержали. Послали ходяков в Москву, к Надежде Константи-

новне. Надежда Константиновна горячо на предложение шушенцев откликнулась, и по решению ВЦИК в 1933 году в Шушенском открылся сельхозтехникум, с 1975 года преобразованный в совхоз-техникум, в Красноярском крае пока единственный. Совхоз-техникум имени В. И. Ленина и Н. К. Крупской выращивает овощи, арбузы, мелкий лук-сеянец и рядом крупнейший, головку не ухватишь ладонью.

Очень важна и другая, может быть, в первую очередь, отрасль работы совхоза-техникума — выращивание элитных семян. Путь до элиты длинный — семь лет занимается питомник с

Фото Бориса ЗАДВИЛЯ,
Альберта ЛЕХМУСА,
Александра НАГРАЛЬЯНА,
Владимира ЧЕЙШВИЛИ,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

**ВЕЧНО МОЛОДАЯ, ОТ КУРИЛ ДО
КАРПАТ, РАСКИНУЛАСЬ НАША
СТРАНА. СТРАНА, ГДЕ МЕЧТА СТА-
НОВИТСЯ БЫЛЮ.**

Продолжение на 24-й стр.

ПРИКАСАЮСЬ СЕ

Далеко от Перу до Замбии и от Финляндии до Японии. Нидерландский молодежный журнал «Йехт» похож на греческую газету «Одигитис», а западногерманский «Элан» на французский «Авангард». И журналисты из пятнадцати стран, редакторы прогрессивных изданий, приглашенные в Советский Союз Комитетом молодежных организаций СССР, тоже непохожи друг на друга — языком, цветом кожи, внешностью, характером, судьбой... Объединила их поездка по нашей стране, посвященная 110-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина. Было много общего в той пылкости, с которой они расспрашивали советских друзей об их жизни, той неутомимости, с которой заполнились страницы журналистских блокнотов. У них было нескончаемое множество вопросов к комсомольцам. Опыту и практике социалистического строительства в Советском Союзе, реализации ленинских идей, воспитанию человека коммунистического завтра, подчеркивали наши гости, будут посвящены очерки, статьи, репортажи, которые прочтут молодые коммунисты в странах четырех континентов. И они смотрели, слушали, записывали. И спрашивали, спрашивали... Поездка редакторов — а маршрут ее прошел через Москву, Красноярск, Шушенское, Ленинград — мало напоминала экскурсию. Это была работа, учеба... Слово нашим гостям.

Катерина ХАРАЛАМБАКИ,
Греция

Эта поездка по Советскому Союзу еще раз убедила меня в том, что социализм и мир неразделимы. Ваша страна никогда не стремилась и не стремится к войне. Вся история СССР — доказательство этому. Мы были в Смольном институте и видели кабинет, в котором Владимир Ильич Ленин работал в революционные дни 1917 года. В те дни был написан первый декрет первого на Земле социалистического государства. Известно, о чем был этот документ: о мире. И символично, что сегодня маленькие дети вашей страны — октябрятки — носят на груди звездочку с портретом Ильича.

В Советском Союзе я увидела, как может государство на деле заботиться о своем будущем — о детях. На Саяно-Шушенской ГЭС нам показывали балетные классы в Доме культуры. Это было так удивительно: в Греции балетом могут заниматься только богатые.

Мне приходилось бывать во многих европейских странах: в Англии, Франции, Италии, ФРГ... Путешествие в любое государство оставляет след в душе. И след — всегда разный, хотя во всех странах, как и в людях, есть много сходного: и грустного и радостного. У вас есть тоже много нерешенных проблем. Но главные решены давно. В частности, проблема безработицы. Вам и представить трудно, что значит «искать место».

В Сибири меня поразили даже не расстояния, а

то, что люди живут и работают в такой дали от центра, от больших городов — и условия у них не хуже, чем у других. В Греции молодежь старается уехать из отдаленных районов в Афины или еще в какой-то крупный город, чтобы найти себе работу по специальности (впрочем, это совсем не обязательно удается). А у вас, объясняли молодые ленинградские рабочие на заводе «Полиграфмаш», человек старается найти «работу по душе». И находит. Потому что социалистическое государство каждому дает право на труд. Так на деле осуществляются замыслы вождя революции — Ленина. Я рада, что смогу рассказать обо всем увиденном не трем-четырем друзьям в Афинах, а по крайней мере 80 тысячам греческих юношей и девушек, которые читают еженедельник «Одигитис», где я работаю редактором. «Одигитис» — центральный орган Союза коммунистической молодежи Греции.

Сейчас у нашей газеты нелегкие времена: буржуазная пресса все чаще пишет о «советской угрозе», об «опасности нападения красных». Конечно, греческий народ не просто оглушить этими газетными криками: он пережил и фашистскую диктатуру, и оккупацию, и американское военное присутствие... Греки знают, кто на самом деле думает о третьей мировой войне. И тем не менее наша газета считает необходимым постоянно, из номера в номер, бороться с антисоветской пропагандой. И наше оружие — факты, примеры социалистической действительности. А факты — упрямая вещь, как любил повторять Ленин...

Дональд ШИАКА,
Замбия

Один из главных вопросов, который особенно занимал меня во время замечательной, незабываемой поездки по Советскому Союзу, — это вопрос об участии молодежи в управлении государством. Тему эту я выбрал для своей первой статьи в нашем журнале «Юс» («Молодежь») потому, что был поражен и восхищен участием молодого поколения Советской страны в государственных делах. Мы встречались с молодыми людьми, нашими сверстниками, представляющими молодежь в парламентах СССР и РСФСР, в местных органах власти. В основе всей их депутатской работы лежит любовь к людям труда — ибо они сами люди труда.

Я всегда буду помнить о дискуссии «Молодежная печать — коллективный пропагандист, агитатор и организатор». Ленинградские товарищи организовали ее в Смольном, совсем рядом с ленинским кабинетом. Это высокое доверие и высокая честь для нас. И, слушая рассказ о жизни и труде молодых ленинградцев, я думал: да они — подлинники ленинцы. Они живут теми принципами, которые определяли жизнь и деятельность Ленина. Они достойны тех, кто сражался за революцию. Достойны тех, кто погиб, но не отдал город Ленина врагу.

Об этом я буду писать в статье, которая появится в специальном номере, посвященном 110-летию со дня рождения Ленина.

Йохен РИХТЕР,
ФРГ

Актуальность ленинских идей — вот о чем я думал больше всего во время поездки по Советскому Союзу. Эта актуальность великолепно подтверждалась грандиозной практикой экономических и социальных преобразований, с которыми мы познакомились. Эта актуальность подтверждалась и таким показательным фактом: в нашей группе были молодые коммунисты четырех континентов, и все они с полной убежденностью называли себя ленинцами — как тысячи и миллионы друзей и единомышленников в Европе, Азии, Африке, Латинской Америке, во всем мире.

Актуальность ленинских идей... Наш журнал «Элан» (это слово в переводе с немецкого означает «Порыв») стремится ответить на вопросы, которые волнуют рабочую молодежь — об экономическом и социальном устройстве нашей страны, о путях борьбы против произвола предпринимателей, о поиске общественных альтернатив. И не так давно мы поступили следующим образом: взяли наиболее острые вопросы, касающиеся сегодняшнего дня, вопросы, обсуждавшиеся на дискуссиях с молодыми рабочими, а ответы нашли в работах Ленина. Появился большой материал под названием «Интервью с товарищем Лениным». Актуальная публикация!

Джино ПАСКВАЛОНИ,
Люксембург

Труды Ленина внимательно изучает прогрессивная молодежь всего мира, в том числе и моей страны. Конечно, здесь есть одно «но». Ленин сам предостерегал, что буржуазия старается отделить вождя революционного движения от самого движения, представить их, так сказать, в виде иконы для поклонения. Таким образом она пытается отчуждать вождя от масс, и иногда это ей удается. Так, есть у нас некоторые молодые люди, которые знают только имя Ленина, несколько связанных с Лениным исторических дат и имеют в целом о Ленине весьма поверхностное представление. Но большинство прогрессивной молодежи хорошо знает, умом и сердцем принимает ленинское учение. Что там говорить — даже буржуазная историография, даже самые реакционные авторы не могут обойти ленинскую теорию молчанием. Не могут, потому что идеи Ленина живы.

Буржуазные идеологи пытаются утверждать, что идеи Ленина — это специфика России. Но жизнь подтверждает: ленинский анализ верен не только для стран, где социализм уже победил, но и для нас в странах пока еще капиталистической Европы. Ленинское учение о противоречиях капитализма подтверждается изо дня в день. Достаточно подумать только о миллионах людей в Европе, которые лишены работы, лишены возможности раскрыть свою личность и пользоваться плодами научно-технического прогресса, лишены права на образование, права работать в соответствии с полученным образованием, людей, которые вынуждены довольствоваться скудным прожиточным минимумом и отказываться от благ культуры...

Альберто КАСТИЛЬО,
Перу

Никто из моих друзей не спросит, когда я вернусь: «Знаешь ли ты, как выглядел Ленин, Альберто?» — и у себя в Перу я тоже видел его портреты. Никто не спросит, изучал ли я его работы, потому что друзья знают — я читал их еще в Лиме, на испанском языке.

Но зато каждый спросит меня: «Ты видел его город и дом, где он жил и работал? Расскажи».

Я расскажу. По заданию Центрального комитета Союза коммунистической молодежи Перу я буду выступать в рабочих кварталах Лимы. Буду рассказывать молодым ребятам, как просто и скромно жил Ленин — и накануне революции и после. Человечу, постоянно занятому творчеством, некогда думать о роскоши. Поражает и другое: как в одном человеке, вожде замечательно сочетались два характера, два гения — глубочайшего теоретика и решительного практика!

Я видел воплощенную мечту товарища Ленина: Советский Союз сегодня. Наша делегация в полном составе стояла на обрыве над могучей рекой Сибири и наблюдала восьмое чудо света — Саяно-Шушенскую ГЭС. Грандиозная плотина — это та реальность, которая была его мечтой в самом начале двадцатого века. Вот так он умел мечтать! Об этом я тоже расскажу молодым перуанцам...

...Мы стояли молча на берегу, вокруг была торжественная тишина. И тогда я подумал: мы, молодые журналисты со всей земли, обязаны написать правду, которую видели здесь. Эта правда — плотина, ее подняли над рекой простые парни. Они говорили нам на встрече: «Мы знали, что в Саянах будет трудно. Нам и сейчас нелегко: чего стоят одни морозы — минус 45. Но мы с самого начала понимали, зачем приехали сюда, видели цель, и она не давала расслабиться, отступить...»

Я считаю, что все они — ленинцы. То есть люди, умеющие красиво и убедительно воплощать свою мечту.

Коммунистом я стал недавно — в 1974 году. Роди-

РАДИЕМ К ПРАВДЕ

Людей заставляют работать и жить по формулам, противоречащим их собственным интересам. Так вечно продолжаться не может, ибо есть экономические и социальные закономерности. Можно натягивать струну долго, но не беспредельно. Когда-нибудь она лопнет! Противоречия капитализма, раскрытые Лениным, сегодня еще больше обострились. Ленин дальновидно предсказал направление будущего развития. Революционность ленинских идей привлекает новых и новых борцов.

Позвольте сослаться на собственный опыт. Сразу после получения образования я почувствовал, что то, чему меня учили, далеко не соответствует реальному положению дел. Я вступил в профсоюз, но и там было что-то не то. Позже я познакомился с коммунистами и, к своему удивлению, заметил, что они находили четкие ответы на многие сложные вопросы, волновавшие меня. Я обратил внимание на то, что коммунисты много читают Маркса и Ленина и рассматривают все общественные явления с классовых позиций. Я сам стал читать Маркса и Ленина. И именно им я обязан тем, что вступил в Коммунистический союз молодежи и занялся изданием молодежной газеты «Клипп а клар» («Коротко и ясно»). Сам Ленин придавал, как известно, газете важную роль коллективного пропагандиста, агитатора и организатора.

Только что я имел возможность ближе познакомиться с этапами жизни и деятельности Ленина благодаря поездке в Советский Союз. То, что я увидел во время поездки, чрезвычайно впечатляет. Сила и энергия последователей Ленина вдохновили меня: я увидел, как реализуется в жизни огромной страны философия исторического оптимизма — ленинизм.

тели были против моего решения, потому что мой старший брат уже был членом Союза коммунистической молодежи, и он все время пропадал на собраниях и не мог помогать отцу с матерью — они держат маленький ресторан. Правда, потом они смирились с тем, что я вступил в Союз. В молодости они сами интересовались политикой, отец много читал Маркса и Ленина. Кроме того, к нам часто приезжают родственники из горных районов Перу, и отцу с матерью лестно, что эти люди всегда обращаются за советом к их сыновьям-коммунистам по самым важным жизненным вопросам...

В 1975 году меня арестовали во время манифестации на площади. Мы тогда выступали против приезда Киссинджера в Перу и размещения американских баз на нашей территории.

Так вот, посадили меня в камеру для политзаключенных. И моими сокамерниками оказались молодые троцкисты и маоисты. Конечно, у нас возник диспут. Тогда я мало был знаком с трудами товарища Ленина. И в диспуте противники меня победили: я был самым молодой в камере. Потом их вызвали на допрос, и они тут же, без всяких пыток, назвали имена своих товарищей и явки. А я вышел на свободу с чистой совестью: никого не назвал.

И уже за воротами тюрьмы подумал про себя: «Я проиграл им на словах, но на практике они потерпели поражение. Так что же важнее?»

Теперь я знаю: важно и то и другое одинаково. К такому выводу я пришел, прочитав многие книги товарища Ленина: «Что делать?», «С чего начать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Детская болезнь левизны» в коммунизме... Меня интересовали работы, связанные с образованием партии нового типа. Изучал я философские труды вождя русской революции. И в своей журналистской практике стараюсь использовать эти знания. Мне ведь приходится писать и о деятельности Коммунистического союза молодежи и о жизни в бедняцких кварталах. Политическая борьба в Перу сегодня очень сложна, в ней есть разные течения: и ультраправые и ультралевые... Чтобы показать их слабость, самому надо быть сильным. А сила наша — в единстве, как учил товарищ Ленин.

Даниэль ШЕЗ,
Франция

Ленин, Смольный, «Аврора» — эти слова звучат в моей душе...

Коммунистом я стал еще в университете. При обстоятельствах, быть может, не вполне обычных. Дело в том, что я активно участвовал в студенческой борьбе, ограничивавшейся большей частью конкретными экономическими или общедемократическими требованиями, и активностью своей, вероятно, оказался замечен. Однажды знакомый парень предложил мне прочитать книгу Ленина «Государство и революция» и подвергнуть ее критике. Я прочитал — и подал заявление в коммунистическую партию. Ленин убедил меня. Убедил глубиной и точностью анализа, мощью аргументов.

И вот сейчас мне довелось побывать в Ленинграде, где впервые в истории был решен главный вопрос революции: взятие власти и ее защита.

Но я увидел и продолжение революции: социалистическое строительство. Многие молодые люди у нас в стране под словом «революция» понимают отдельное событие, изменение власти в результате

переворота. Нет, революция — это созидание нового государства, новых отношений между людьми.

В Сибири я встретился с необычным для себя понятием: ударные бригады. И вот о чем я подумал: можно ли хоть на секунду представить возможность подобной работы без высокого политического сознания? Конечно же, нет.

Я беседовал со многими комсомольцами, и все они были единодушны во мнении: ударные комсомольские стройки необходимы стране, потому что крайне важно освоить тяжелые по своим условиям, но богатые и прекрасные районы страны. Если богатства существуют, говорили мои собеседники, надо, чтобы они служили народу.

Ничем, кроме высоких идеалов, не объяснишь такого отношения к своему труду, к своей жизни. Да, советская молодежь не только верит в свое будущее и размышляет о нем. Она его создает своими руками. Какая впечатляющая разница с моей страной, где представители политической власти убеждают молодежь, что у мира нет перспективы!

Я хотел бы, чтобы они приехали сюда и посмотрели...

Том ЛИНДЕРС,
Нидерланды

К идеям Ленина меня привела, можно сказать, сама жизнь. Все началось с моей учебы, я хотел стать инженером-строителем. И так произошло, что в нашем учебном заведении я столкнулся с вопиющими фактами социальной несправедливости. Многие студенты, и я в том числе, пытались не раз выступить против нее, но почти всегда безуспешно. Я стал задумываться о причинах социальной несправедливости в сфере образования и о путях борьбы с ней. Разобраться во всем этом мне помогли работы Ленина. С ними я познакомился, когда уже был членом профсоюза студентов высшей школы. Первая работа Ленина, которую я прочел, — это была книга «Государство и революция», хорошо помню ее, — произвела на меня сильное впечатление и стала стимулом к дальнейшему изучению ленинских трудов, которое я продолжаю и по сей день. И я думаю, что я на правильном пути.

Легко представить мою радость, когда мой журнал «Йехт» («Молодежь») послал меня в качестве своего представителя для участия в поездке по ленинским местам в СССР, посвященной 110-й годовщине со дня рождения Ленина. Существует ли лучшая возможность ближе узнать о жизни и деятельности Ленина и рассказать об увиденном голландской молодежи на страницах моего журнала?

Я был впервые в Советском Союзе. И хотя мы сумели оказаться даже в Сибири, согласитесь, что надо все же побыть подольше, чем две недели, и увидеть побольше, чтобы правильно и полно судить о жизни и развитии вашей огромной страны. Но даже эти две недели пребывания в СССР дали мне очень, очень многое.

Самое яркое впечатление — это, наверное, Саяно-Шушенская ГЭС, гигантская стройка советской молодежи. Мы встречались с молодыми строителя-

ми ГЭС. Мне особенно запомнилась беседа с тремя девушками-электромонтерами. Я спросил, как они приобрели эту профессию. Оказалось, они поступили в техникум, по окончании которого сразу получили работу по специальности. На Саяно-Шушенской ГЭС они обеспечивают электроснабжение стройки, обслуживают сложную современную технику. Все это было для меня невероятно, ибо у нас в Голландии в связи с экономическим кризисом не хватает рабочих мест, и пропаганда утверждает, что есть сугубо женская и мужская работа, что женщина должна сидеть дома, стряпать на кухне и т. д. В Сибири же я увидел пример подлинного равноправия женщины, которая должна играть важную роль как в производственной, так и в общественной жизни.

Из всех городов, в которых мы побывали, мне особенно понравился Ленинград. Наверное, потому, что большинство зданий — это бесценные архитектурные памятники, к чему я как инженер-строитель не могу относиться равнодушно. Кроме того, Ленинград всей своей историей связан с Лениным, с революцией 1917 года. Мы побывали на крейсере «Аврора», в Смольном, увидели, где жили и работали Ленин и его жена Крупская.

Есть в городе Ленина место, которое меня просто потрясло. Это Пискаревское кладбище. Здесь похоронены сотни тысяч ленинградцев, принявших на себя удары фашистской армии и погибших при защите города во время блокады. Я глубоко почувствовал подвиг ленинградцев еще и потому, что голландцы, в первую очередь коммунисты, в эти годы тоже боролись против нацистской Германии. Мы хотим, чтобы молодежь помнила о совместной борьбе против фашизма, в которой выдающуюся, решающую роль сыграл советский народ.

Я горжусь подвигом ленинградцев, защитивших свой чудесный город от врага, и я благодарен советским людям, отдавшим свою жизнь, чтобы освободить и нас на Западе от фашизма.

Накадзима ОСАМУ,
Япония

Я представляю газету «Сэйнен-но-Коз» («Голос молодежи») орган Лиги социалистической молодежи Японии. Наверное, каждое печатное издание точно характеризуют его постоянные рубрики. Среди наших рубрик такие: «Защитим права рабочих», «Против японо-американского договора безопасности», «Изучаем Маркса и Ленина»...

Считаю, что материалы, которые публикуются под этими рубриками, теснейшим образом связаны

между собой. Знакомство с идеями научного социализма, изучение трудов основоположников марксизма-ленинизма вооружает молодежь в борьбе против наступления монополий, против попыток втянуть Японию в милитаристские приготовления, в военные авантюры Вашингтона и Пекина.

Рассказывая своим читателям о стране Ленина, я буду постоянно подчеркивать — это страна вдохновенного и свободного труда, страна гарантированных прав для всех слоев населения, в том числе для молодежи, страна глубочайшей преданности делу мира.

Страна правды.

Расчищена почва, и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество.

В. И. ЛЕНИН

ВЕЛИЧАЙШЕЕ СЧАСТЬЕ И ВЕЛИЧАЙШАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ — ПРИНЯТЬ ОТ ОТЦОВ ЭСТАФЕТУ ТРУДОВЫХ СВЕРШЕНИЙ.

КАК В КАПЛЕ ВОДЫ

Начало на 8-й стр.

семенами пшеницы, чтобы добиться элиты. Каждый колосок надо отобрать, восемь тысяч колосков в год. Затем зерно просеивается, несколько раз просушивается. Затем, готовое, укладывается в новые холщовые мешки, непременно новые, не использованные ранее, и отправляется по назначению для высевания в разных колхозах и совхозах преимущественно юга Красноярского края.

Пелагея КОЧИНА,
академик,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии СССР

Мною науку — математику часто называют абстрактной. Да, не всегда можно сразу определить, каков будет выход в практику тех или иных теоретических изысканий. Но математики, к числу которых я принадлежу, словно разведчики в мире непознанного: они идут впереди, за их спинами линия фронта научно-технического прогресса. Чтобы открытия теоретиков предшествовали рождению новых отраслей техники, математику надо уметь работать. Я бы сказала, работать по-ленински! Мне удалось довольно рано «прикоснуться к Ленину». В годы моей юности — при чеховском настроении безыходности, интеллигентского безверия, — что видел в русской действительности, сознавал и делал Ленин? В годы вакханалии царских чиновников, всяких кликуш, «начинающего» Распутина Ленин

Иван ПАДЕРИН,
писатель

Хочу рассказать, что произошло в самом конце 1941 года, в разгар нашего контрнаступления под Москвой.

Я был тогда комсаром батальона лыжников, которому предстояло выполнить приказ командования — взорвать шоссе-мост, бывший для фашистов объектом первоочередной важности. На это опасное задание добровольно пошло 20 комсомольцев. Сдав мне вместе с другими документами свои комсомольские билеты, они проверили оружие, привесили на ремни гранаты, надели маскировочные. Распределили между собой тяжелый груз — больше 300 килограммов взрывчатки.

Не сию, перед тем, как отправиться на задание, я сомневался: не окажется ли среди них кто-то один, кто не выдержит напряжения, словесата в решающий момент и, значит, поставит под угрозу жизнь своих товарищей и само дело. Наверное, я

знал тогда право сомневаться — на войне с ее жестокими законами бывало всякое. Но я не выказал тогда этих сомнений, а, наоборот, всем видом дал понять: верю в них, как в себя.

С самого начала операции рядом с ними будто шла удача. Без шума сняли охрану, быстро провели минирование. И вот рухнули вниз, загрожая дорогу, тяжелые пролеты моста. Гитлеровцы, опомнившись, вызвали подкрепление, и комсомольцам, не успевшим отойти назад, оставалось одно — принять неравный бой.

Через несколько дней, когда фашисты, катившиеся от Москвы, оставили этот район, их близкий тыл стал уже нашими тылом, мы нашли в снегу тела двадцати героев в окровавленных масках, среди расстрелянных — до последнего — патронов и трупов фашистов. Эти 20 юных комсомольцев погибли как герои: без страха перед врагом, с верой в то, что погибают за правое дело. А за это, как всей своей жизнью и борьбой демонстрировал Ленин, умереть не страшно. Они оказались хоро-

шим учениками Ленина...

Еще об одном человеке, для которого ленинские нормы жизни стали правилом, хотелось бы мне сейчас вспомнить — о Маршале Советского Союза Василии Ивановиче Чуйкове. 17-летним мальчишкой слушал он историческое выступление В. И. Ленина на площади перед Финляндским вокзалом, в котором вождь пролетариата призвал народные массы бороться за освобождение и счастье. И Василий Иванович всю свою жизнь боролся поленински и поленински побеждал!

Много позже, когда шла Сталинградская битва, в которой Чуйков командовал 62-й армией, он говорил: «В уличном бою солдат сам себе генерал». В этой фразе безграничная — ленинская! — вера в человека, борец, победитель. Вот такие солдаты поднимали наше знамя над Рейхстагом. Среди них были люди двух поколений: младшее — то, которое родилось в первые годы строительства социализма, и старшее — то, что видело и слышало Ленина, училось у него бороться и побеждать.

Трагически погиб молодой муж Зинаиды Федоровны, утонув в Оби. Она не сломалась, хотя... «Что-то в моей жизни не так...»

Еще одна коммунистка. Тридцать три года Прасковья Павловна Никулина работала в Ленинском мемориале. Когда начала работать, мемориал еще не был создан. Было два дома, где провел ссылку Владимир Ильич. Прасковья Павловна работала единственным в них экскурсоводом. Рисовала историю Шушенской ссылки Владимира Ильича, пропагандировала учение Ленина, памяти которого посвятила всю жизнь. Сейчас, заслуженный работник культуры, орденосеца, Прасковья Павловна на пенсии, но ее тесная связь с мемориалом не обрывается. Здесь она состоит на партийном учете. Время от времени ведет экскурсии.

Музей Ленина — ее дом, жизнь и судьба.

И для Николая Даниловича Городецкого, бывшего директора музея, здесь его дом и судьба.

Многих достойных коммунистов и комсомольцев-шушенцев могла бы я назвать, но мой очерк ограничен размером, и все же, заканчивая свой скромный рассказ, не могу не поделиться еще одним наблюдением.

Когда шушенцы готовились к встрече писательской делегации в сентябре прошлого года, комсомольцы и школьники предложили: «Давайте подметим поселок, чтобы на улице ни ветки, ни листика». «Нет, зачем же? — возразил директор детской художественной школы А. И. Чехлов. — Пусть писатели увидят осеннее Шушенское, послушают шуршание опадающей листвы».

Ленин, поселившись в Шушенском в конце прошлого века, шуршания листьев не слышал. В селе не было ни кустов, ни деревьев. Не было строя высоких тополей вдоль берега речки Шуши, близко, особенно в половодье, подносящей воды к дому Петровой, грозя залить двор. Берега были пусты и голы. После революции, оберегая их и мемориальный дом, постановили укрепить берега осиновыми колыями. И что же? На следующую весну колья дали побег. Год за годом поднимались, качали ветвями, гнулись под свирепыми саянскими ветрами, но не гибли, выросли стройные зеленые стражи Ленинского дома.

Двор вдовы Петровой, где Ульяновы поселились с приездом Надежды Константиновны и ее матери Елизаветы Васильевны, как и все деревенские дворы, был захлапан мусором, навозом, зарос чертополохом. Ульяновы энергично принялись приводить двор в порядок. Убрали навоз, выкорчевали чертополох. И, весело зеленая, проклюнулась травка, а Надежда Константиновна вскопала грядку и посадила овощи и цветы.

Это был первый и единственный на все село цветник. Женщины приходили гадать. Дивились. Просили семена и несмело пробовали сеять сами. В одном дворе вскопана грядка, в другом, третьем... Теперь, через семьдесят лет, цветут в Шушенском роскошные розы, астры, флоксы...

— От Надежды Константиновны пошло у нас цветоводство. С лаской брошенное семя ласково и взойдет, — делятся старожилы.

Так вся наша жизнь — труд, поиска, находки, победы. Все лучшее, что у нас есть, — это всходы посеянного гением Ленина, плоды творческой ленинской мысли, сердца, мечты.

Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится
шестье —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

Шушенский совхоз-техникум готовит механизаторов и агрономов. Почти все директора и партийные руководители Шушенского и близких районов — его выпускники.

Алексей Андреевич Мухопад приехал в Шушенское с большой руководящей работы за Полярным кругом. Здесь его избрали первым секретарем Шушенского райкома партии. Людям он сразу понравился. Молодой (рождения 31-го года), всегда хорошо, более того, элегантно одетый — тщательно отутюжена рубашка, свежий галстук, — ко всем внимательный, неторопливый, но точный в суждениях. Манера держаться, интонация — все вместе создает интеллигентный облик.

Некоторые вначале говорили: уж очень городской. Как он с нашим сельхозрайоном будет справляться! Небось, другому учился.

Да, другому. Но раз обстоятельства поставили в положение, где сельское хозяйство надо знать и вплотную. Мухопад поступает заочником в Шушенский совхоз-техникум.

Некоторым опять это показалось странным: первое лицо в районе и вдруг... ученик.

За два года Алексей Андреевич с отличием закончил совхоз-техникум и очень всерьез стал заниматься культурой земледелия. Умное и страстное руководство работой вывело Шушенский район в число передовых всего края. Я полюбывала, может быть, Шушенский район в силу исключительности своей биографии пользуется особыми привилегиями, дотациями государства? Нет, никаких особых дотаций, ни привилегий. Сельское хозяйство ведут своими силами.

Люди любят слушать доклады первого секретаря райкома. Это и доклад и как будто просто рассказ, хотя всегда политически острый, насыщенный жизненными фактами.

Делегат XXV съезда партии А. А. Мухопад умеет передать слушателям не только суть и смысл решений партии, но нарисовать атмосферу, ду-

шевный настрой съезда, и каждому кажется, словно он сам побывал в Кремлевском Дворце съездов.

Я думаю о нынешних партийных руководителях района, и память подсказывает образ одного человека, оказавшего большое влияние на мою далекую юность. Отрочество и юность мои в первые годы революции были трудны и голодны. Алюминиевая миска постных кислых щей и крошечный ломтик клекового, с колочками из овсяной муки хлеба, что выдавали нам в школе, — вот пропитание на день.

Добрые люди устроили меня на работу в один из отделов горсовета. Днем я работала в отделе переписчицей разных бумаг, получая за это ту же миску полусъедобных щей. Вечером бежала в школу, таким образом, уже не одна, а две порции щей перепали мне. Моим начальником был молодой крестьянин, фронтовик, демобилизованный из-за ранения. Он был первым большевиком, кого я узнала. Энергичный, жизнерадостный, смелый, он стал моим наставником, открывшим мне глаза на революцию.

— Ты-то подумай, деваха, темная твоя голова, громадные перед народом масштабы явились. Кто был ничем, тот станет всем.

Он был мечтателем, живо рисует картины будущей прекрасной жизни, какую мы непременно построим. Имя Ленина для него было свято.

— Ленин учиться зовет. Эх, деваха! — говорил он со вздохом. — Всеу, что на свете есть, учиться охота!

Ему не пришлось учиться. Гражданская война бушевала. Вражеские фронты белогвардейцев и интервентов огненным кольцом окружили Советскую Родину. Мой начальник, несмотря на ранение, снова ушел воевать.

Остро и нежно живет в моем сердце память о нем.

Его классовое сознание было непоколебимо. Преданность революции безгранична. Трудолюбие неиссякаемо. Но знаний и образования не хва-

тало, и это было брешью, которую он стремился и жаждал заполнить. Думая о недавно узнавших мною коммунистах Шушенского, вспоминая свои впечатления, я стараюсь быть правдивой и точной, избегая громких слов и преувеличений. Правда, узнанная мною, не нуждается в преувеличениях. Все черты коммуниста, открывшиеся мне в молодом большевике первых лет революции, при разности характеров, способностей, жизненных обстоятельств присутствуют в коммунистах Шушенского района. Но есть нечто и очень отличное, новое. Современный коммунист-руководитель широко и разносторонне образован. Образован и воспитан политически, профессионально, интеллектуально, литературно, эстетически. Коммунист — человек дела и интеллигент, одаренный мечтой. Ленинец.

Может быть, скажут мне, что вот, мол, взяла Шушенский район, а он особенный. Представьте, первый секретарь райкома Мухопад так и говорит: «Шушенское — особое место. К нам, шушенским коммунистам, особые требования».

Значит, не привилегированных, каких-то лучших, облегченных условий жизни и труда хотят шушенцы. Они понимают ответственность и гордость своего назначения: быть достойными членами партии, идея и гордость которой первоначально разрабатывались Лениным здесь, на родной сибирской земле.

Мысль о шушенских коммунистах в моем сознании неотделима от Ленина: как-то интимно связана с ним. Уверена, в сотнях других районов Советского Союза я узнала бы таких же патриотов, энтузиастов дела, таких же благородных и просвещенных руководителей и рядовых коммунистов. Все же шушенцы в моем сознании и сердце занимают особое место...

Почти таежный совхоз «Субботино» Шушенского района. Гористая, изрезанная увалами местность. Тайга километрах в десяти за селом не спеша поднимается в гору; встали стеной, горизонта не видно, в небо уперлись макушки берез и осин. Земли Субботинского совхоза нелегкие. Мы узнаем об этом от директора совхоза Василия Константиновича Заборова.

— Нежить себя мы, сибиряки, не привыкли, — говорит секретарь парткома совхоза Зинаида Федоровна Погребидкая. — Работаем: ни выходных, ни проходных.

Она смеется. Кажется, усталость ее не берет, хоть работает она действительно без выходных и «проходных».

Человечность, деятельная доброта — ее натура. Она в расцвете лет и сил, весела, ее веселость и оптимизм заражают.

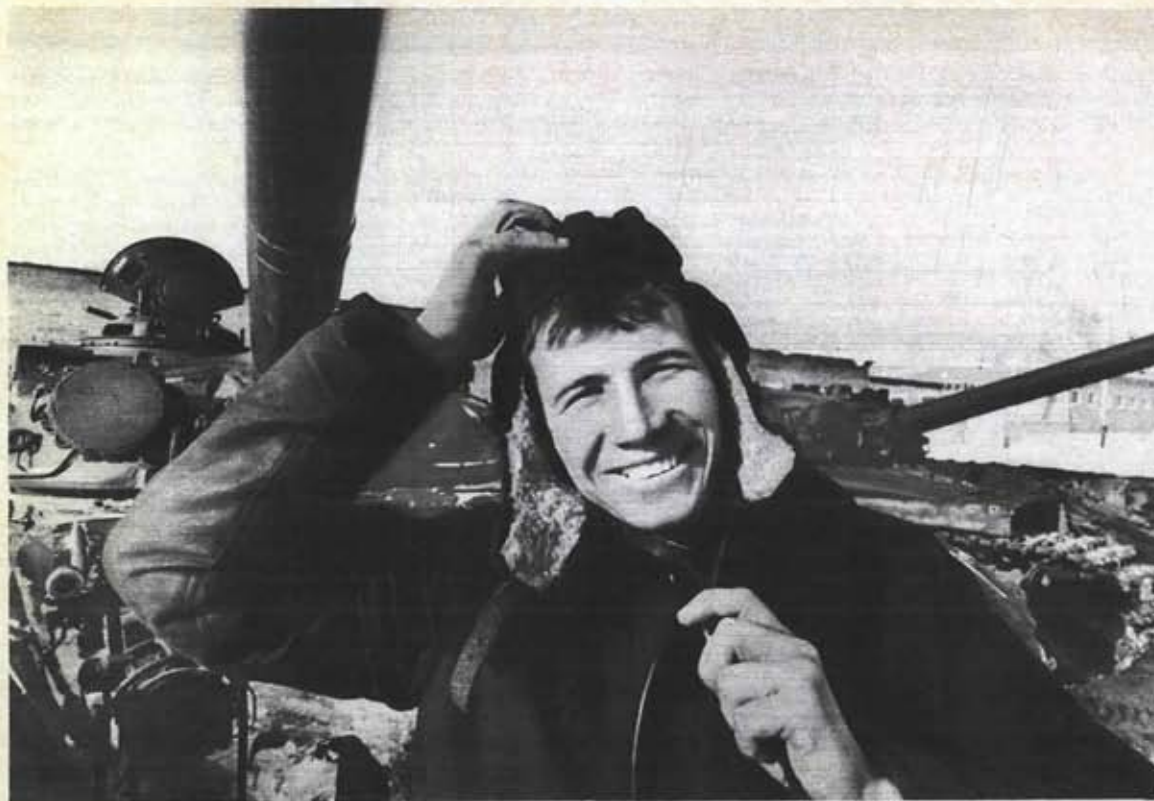
Между тем певунья вдруг заведет неизбытно печальное: «А все-таки что-то, а все-таки что-то в моей жизни не так...»

Математика для многих наука сухая и голодная. Будущий педагог видит себя

воспитателем нового поколения, врача «облагораживает» сама помощь больному человеку. К математике приходят от понимания ее крайней необходимости. Вряд ли кто сейчас станет спорить, что без математики можно обойтись в какой-либо сфере деятельности человека. Математика нужна всем! Осознание этого всегда приносит хорошие плоды. Мне приходилось преподавать математику на рабфаках. Многим она, прямо скажем, давалась трудно. Но стоило «показать», как необходима она для практики, отношение к ней в корне менялось.

Тезис Ленина «Теория без практики мертва» и усвоила с первых же шагов своей научной деятельности. И всегда переживала, если мои теоретические исследования, формулы не находили практического применения.

Если бы каждый человек утром спрашивал себя: «Что я должен сделать?» — а вечером отвечал на вопрос: «Что я сделал?», — то результаты его труда всегда бы приносили пользу людям. Именно так, мне кажется, жил и работал Ленин...

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены»

БОИ

СЕРЖАНТА

Надежды на то, что к концу недели морозы спадут, не оправдались. На военном полигоне было холодно и в тот день. Холодно, туманно и еще ветер. Впрочем, там всегда ветер, и нет ему преграды — кругом необозримые поля, неровные, изрезанные оврагами, с вкраплениями низкого кустарника или небольших осинников. И болота. Много болот. Кое-какие из них когда-то были озерами, глубокими, рыбными, потом заилились, заросли травой, мхом, накрывшим бездонное ненасытное чрево. По редким здесь дорогам страсть как не любят ездить водители. Чуть зазевался — повело машину с колеи, шофер, конечно, выскочит, а техника уйдет в трясины прямо на глазах. И находят ее порой лишь на тридцатиметровой глубине. После первых снегов болота еще заметны по сухой осоке, а к середине зимы и ее поломают ветры, занесут снегом. Без вешек не обойтись.

Наступать батальону гвардии капитана Владимира Федосенко предстояло как раз через одно из таких болот. По привычке именовали его озером, помеченным на командирских картах как «оз. Старое». Чтобы снять все вопросы, которые могут возникнуть в связи с выбором столь рискованного маршрута, поясню. В тот день на полигоне должны были отрабатываться вопросы боевого взаимодействия танков и артиллерии. Все было так, как могло быть в настоящем бою. План учения предусматривал танковую атаку при поддержке артиллерии. Озеро было на пути танков, идти в обход его значило подставить «противнику» борта.

Но даже в боевой обстановке никто из командиров не отдал бы приказ идти по льду вслепую. Накануне атаки разведка изучила грунт, замерила лед, выставила вешки, обозначающие проходы через озеро. Проходов было три — три относительно безопасных тропы, шириной меньше четырех метров каждая.

...Из-за холода долго прогревали двигатели. Машины дрожали, как легавые, почувствовавшие след, и с них постепенно облетала серебряная пыль инея, окрасившего танки за ночь в седину зимы. Но до брони все равно дотронуться голой рукой было невозможно — обжигала.

Было еще темно, только узкая белесая полоса прорезала горизонт на востоке, когда командир танковой роты гвардии капитан Александр Зверобоев построил командиров машин. Построил и отвел их в сторону, чтобы рев моторов не заглушал его голоса. Провелся перед строем, проваливаясь в глубокий снег по колено, снял перчатки (даже на меху, они не спасали от холода), подышал в ладони. Начал говорить, как обычно, мягко, негромко. О том, что сегодня всем будет нелегко, что надо быть предельно внимательным и осторожным (предстоит стрельба боевыми), ни в коем случае не выходить из боя (за любую неисправность несет ответственность прежде всего командир танка), строго держать дистанцию (особенно на льду озера), что бы ни случилось — не паниковать, помнить: рядом товарищи, они помогут... В заключение Зверобоев сказал, что надеется на ком-

мунистов и комсомольский актив роты. Необходимо победить в учебном бою, ведь мы — таманцы.

Ничего особенного Зверобоев не произнес, он вообще говорить не большой мастер, но даже самые обычные слова в тот предрассветный час на заснеженном, синеватом от сумрака поле воспринимались людьми как важнейшая в их жизни заповедь. Именно заповедь, так потом я и записал в блокнот это слово, произнесенное гвардии сержантом Павловым.

Сначала двинулась одной колонной. Если смотреть сверху, она напоминала огромную полосатую гусеницу, которая, изгибаясь, ползла через холмы и овраги. В голове колонны шел командирский танк Зверобоева с двумя красными флажками на антенне, в хвосте — танк с бортовым номером 536, которым командовал Александр Павлов. Рота выходила на рубеж прорыва обороны, когда в нескольких метрах впереди нее в небо взметнулась снежная пыль вперемешку с землей, поднятая разрывами артиллерийских снарядов.

Стальная гусеница распалась на три части и пересекла поле уже во взводных колоннах.

Развернувшись в боевую линию, танки с ходу из всех стволов ударили по мишеням, замаячившим вдруг на краю поля. Раз, другой, третий. Экипажу Павлова, чей танк шел крайним справа, досталась «группа пехоты» и «БМП», они повалили их сразу с двух выстрелов, цели были не очень далеко и, закамуфлированные под снег, резко выделялись на фоне черневшего за ними кустарника. Первая линия обороны была прорвана. Танки опять собрались в три взводные колонны. Еще немного — и должны были появиться ориентиры озера.

Командир роты приказал сбросить скорость. Павлов по внутренней связи передал приказ Кудинову и добавил от себя, чтобы механик-водитель строго держал дистанцию и ориентировался по впереди идущей машине. В сознании его в те минуты телеграфно отщелкивали слова приказа: «Не растягиваться, идти плотно, нос к корме, если видимость ухудшится, немного увеличить дистанцию». Немного — это метра три-четыре. Так и шли. Впереди, особенно на склонах, занесенных снегом, протраться взглядом сквозь белую пелену действительно было трудно. Вдобавок ко всему ветром на них сносило снежную пыль, поднимаемую соседней колонной, которая шла слева.

Но в Кудинове Александр был уверен. Лучший водитель взвода, осторожный, расчетливый, прекрасно знающий машину и ее возможности, Евгений не раз отличался на сложных маршрутах, проводя свой танк через множество препятствий точно по маршру-

ту. Как одному из опытнейших водителей, ему было доверено вести свою машину 7 ноября по Красной площади в парадных колоннах Гвардейской мотострелковой Таманской Краснознаменной, ордена Суворова дивизии имени М. И. Калинина. Это был 107-й военный парад в Москве, а для Кудинова он был первым. Он вел свою могучую стальную машину по брусчатке площади, ощущая свою причастность к величайшим историческим свершениям, бравшим начало отсюда, от этих кремлевских стен, от Мавзолея Ильича. На этой площади звучал голос вождя пролетарской революции, обращавшегося к первым красноармейским отрядам, уходившим защищать завоевания Октября, голос человека, сумевшего сквозь толщу времени увидеть эту стальную мощь, надежно оберегающую созидательный труд миллионов мирных людей. И Кудинов гордился своей машиной, гордился доверием, которое оказано ему, простому рабочему парню.

Вторым подчиненным Павлова был гвардии рядовой Сергей Шидловский, наводчик танка. В противоположность молчуну Кудинову Сергей — человек необычайно эмоциональный. Принимает одинаково к сердцу и события в Сальвадоре и результаты очередной проверки боеготовности взвода. Общественные поручения — быть взводным агитатором и редактировать «Боевой листок» — ему явно по душе. По «боевой» у Сергея Шидловского всегда «отлично», в теории он чуть слабее, но стреляет на редкость точно.

Третий в экипаже — сам командир Александр Павлов. После восьмилетки пошел в ПТУ, там вступил в комсомол, окончил училище, полгода проработал токарем. Чем только не занимался — мотоспортом, борьбой самбо, музыкой (играл на трубе в школьном и училищном ансамблях), даже исполнял соло.

Одно время верховодил в своем дворе, но улица быстро надоела, да и не хотелось доставлять огорчения матери. Она боялась, что Саша собьется с пути. А он не сбился. И рабочий из него вышел неплохой и человек надежный.

В армии, как ни маскируй, а недостаток человеку не спрятать, все друг у друга на виду. Я расспрашивал о Павлове его товарищей, командиров. В их ответах было много сходного: честен, прям, раньше иногда бывал слишком резок, свое мнение высказывал, как отрубал, без всякой дипломатии, но справедлив, требователен к себе, за товарища в огонь пойдет. Нравилась в нем людям и верность своему слову.

Это, конечно, беглые характеристики, но совсем без них не обойтись: иначе не понять логику поведения этих людей в дальнейшем, в экстремальных обстоятельствах.

Три головных танка выкатились на озеро. Хрустел, лопался под гусеницами лед, перемешанный с торфом и земляными комьями. Машины шли на минимальной скорости, глубоко увязая гусеницами в болоте, раскачиваясь из стороны в сторону. Из прорезанного льда на колеи хлынули мутные потоки воды, но ее тут же впитывал сухой снег. На озеро сползли вторые машины и потянулись следом за головными так же осторожно, избегая рысков.

Перед тем, как сойти на лед, Павлов чуть повернул командирскую башню влево и случайно поймал в триплекс последний танк колонны, которую вел Зверобоев. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. Танк с бортовым номером 532 сошел с колеи и, пережевывая гусеницами лед, тыкался влево, стараясь попасть в проход. Всю переднюю часть накрывал снежный сугроб. Под снегом оказались триплексы водителя и командира. «Они ослепли,— промелькнуло в сознании Павлова,— они не видят дороги». Забыв о том, что эфир слушает весь батальон, Павлов крикнул: «Стой, Володя!» Но было уже поздно, корма танка уходила в болото все глубже, машина медленно заваливалась на правый бок, уже доставая задним правым фальшбортом до искромсанного льда.

Павлов не имел права выйти из колонны без разрешения, но и безучастно смотреть, как в пятидесяти метрах от него тонет машина, в которой находятся его товарищи, он тоже не мог. В то же время сержант понимал, что если остановить сейчас всю роту, наступление будет сорвано. Стараясь говорить как можно спокойнее, он вызвал командира роты:

— «30-й», я—«36-й», «32-й», ослепнув, сошел с прохода. Разрешите оказать ему помощь.

кину, Кудинову и Боравлеву удалось разогнуть трос и накинуть второй его конец на передний крюк стоявшей в колее машины. Кудинов вопросительно посмотрел на своего командира. Павлов кивнул: «Давай». Боравлев нырнул в свою машину.

Взревели моторы, струной зазвенел стальной трос. Танк в болоте качнулся и... замер, недвижимый. И тут все они поняли, что спасти машину можно только одним способом—зацепив тросом правый нижний крюк, находившийся в воде, под нагромождением льда и торфа.

— Лопаты и ломы,— произнес Павлов,— быстро. И всем переобуться в сапоги...

Получилось само собой, что он стал здесь за старшего, хотя Илюшкин был с ним равен в воинском звании. Ребята это сразу почувствовали, и все его приказы с этой минуты выполнялись быстро и четко. Так бывает в жизни—равный становится вожаком, потому что в трудной ситуации больше других сохранил присутствие духа и сумел принять на себя всю полноту ответственности за происходящее.

Связавшись с командиром роты, Павлов доложил, что они работают и им нужен тягач. Зверобоев ответил, что рота уже на рубеже и тягач будет. Трое начали долбить ломами желтоватый лед, который успел образоваться вокруг танка из выступившей на поверхность воды, трое отбрасывали снег и глыбы окаменевшего на морозе торфа. Когда над утопленной в болоте кормой была пробита полынья и из нее выловили лед, Кудинов попытался накинуть петлю троса на крюк всплывшую. Он долго водил тросом под водой, потом в отчаянии бросил трос на снег. Илюшкин молча сбросил с себя куртку.

ПАВЛОВА

— Разрешите доложить,— вступил в разговор командир «32-го» гвардии сержант Илюшкин.— На повороте при спуске на лед зацепили носом сугроб, снегом залепило триплексы. Обдур не помог, сошли с колеи. Попробуем выбраться сами.

Павлов видел, как увязая машина рванулась вперед, разбрасывая вокруг грязные комья и осколки льда. Какое-то мгновение казалось, что танку удастся вырваться из трясины, он завис почти на гребне колеи, судорожно цепляясь траками за ее края. Но потом, выдохшись, машина вновь сползла вниз и осела еще глубже. Любое ее движение сейчас только ухудшало положение.

Тем временем головные танки всех трех колонн уже выползли на противоположный берег озера. На машине командира роты откинулась крышка люка, Зверобоев высунулся и посмотрел назад. Ему была видна только передняя часть вставшей в болото машины. В любой другой ситуации он остановил бы роту и сделал все, чтобы вытащить отставший танк. В любой другой, но не в этой: сейчас надо идти вперед, идти к рубежу, чтобы на нем встретить контратаку «противника». Иначе сорвется план учения, пропадут месяцы упорных тренировок, неудача роты будет неудачей батальона, полка.

— «36-й», помогите товарищам. Рота будет ждать вас и «32-й» на рубеже. Докладывать обстановку каждые 5 минут.— Зверобоев понизил голос: — Если не справитесь сами,— мы рядом, поможем.

Павлов крикнул ни о чем не подозревавшему Кудинову, чтобы тот сдал назад.

— Что случилось, товарищ гвардии сержант?— недоуменно спросил Кудинов.— Рота ведь уходит...

— Крути обратно, Женя. Идем ребят выручать.

Пока Кудинов разворачивался, Павлов не спускал глаз с 532-го. Он видел, как из-под него уже выступила вода, окрашивая снег вокруг в желтоватый цвет. Он видел, как один за другим вылезали из башни ребята Илюшкина, прыгали вниз в мешанину из снега и воды, превращавшейся в лед почти мгновенно.

Они остановились метрах в трех с половиной от осевшей в болоте машины, так, чтобы можно было дотянуться до нее тросом. Вылезли на колею. Илюшкин и его механик-водитель Анатолий Боравлев разгибали стальной трос, зацепив один конец его за верхний левый крюк кормы танка. Павлов, чувствуя под ногами хлюпающую воду, обошел танк. Накренившись на правую сторону, машина ушла в болото больше чем наполовину, лед доставал до трансмиссии. Из трещины под ногами Павлова вдруг хлынула вода, ударив вверх с силой гейзера. Наконец Илюш-

— Дай я, моя машина, мне и спасать.

Он закатал рукав до плеча, надел на голую руку рукавицу, взял конец троса и лег над полыньей, сунув руку с тросом в воду. Было видно, как лицо его перекошилось от боли. Илюшкин охнул, но руку не выдернул, продолжая попытки нащупать крюк. Ему мешал стальной клык, на который обычно вешают бочки с горючим. Вдруг из полыньи огромным пузырем выплеснулась вода, послышался хруст ломаемого льда.

— Володька!— крикнул Павлов, хватая лежащего товарища за плечи.

Но тот и сам понял, что происходит неладное, выдернул руку, отпрянул от танка, оседавшего на глазах все глубже в мутную прогалину воды. Оцепенев, все на мгновение замерли. Еще несколько минут— и все будет кончено, не поможет даже тягач. Первым опомнился Павлов.

— Сергей, тащи ОЗК (общевойсковой защитный комплект). Женя, разотри ему руку.— Павлов кивнул на Илюшкина, сидевшего на снегу с посиневшим от холода лицом.

А сам сбросил куртку, комбинезон, остался в одной гимнастерке.

— Ты что, командир?!— Шидловский оторопело смотрел на Александра.— Ты под танк, да?

Павлов не ответил, подхватил на лету комплект ОЗК, вытряхнул его из чехла.

— Помоги лучше застегнуться, Сережа.

Одеревеневшие на морозе пальцы не слушались, прорезиненная ткань слиплась в складках, стала ломкой. Они втроем едва сумели справиться со множеством застежек.

— А может, все-таки я, командир?— проговорил Шидловский.— Я ведь аквалангист.

— В другой раз,— улыбнулся Павлов.

Он натянул на голову капюшон и шагнул к полынье.

На пути вырос Илюшкин.

— Сашка, это ведь моя машина. Дай я.

— Не надо, Володя. Это наша машина.

У края полыньи он обернулся:

— И страхуйте, черти.

Потом я спрашивал у Павлова, о чем он думал в те минуты.

— Танк надо было спасать. Ведь жалко, отличная машина, надежная, да и стоит она немало. А деньги-то наши, народные. Может, где-то как раз средств не хватает, потому что мы танки должны строить. А раз строим— надо беречь. Изо всех сил беречь. Вот об этом и думал. Ну и о том, что нас ждут там, на рубеже, и что раз я сам вызвался помочь товарищам, нельзя переваливать на других самое трудное, надо браться

за это самому. Об опасности не думал, некогда было. Была цель: спасти машину.

Вода доходила ему до плеч. Он нырнул, цепляясь левой рукой за изогнутый клык. Обожгло лицо, в ноги как будто впились тысячи игл. Правой рукой он нащупал крюк. Тот был заперт защелкой. Ухватившись за петлю троса, подвел ее к крюку. Попробовал отогнуть защелку. Она была залеплена грязью и не поддавалась. Дыхания не хватало.

Не отпуская троса, вынырнул на поверхность, с трудом разлепил окаменевшие от холода губы. Прохрипел:

— Монтировку, защелку закли...

Пока Кудинов бежал за инструментом, лицо Павлова покрыла ледяная корка.

— Сашка, пусти меня туда,— умоляюще проговорил Илюшкин.

— Не-ет.

Он взял монтировку и опять нырнул, набрав побольше воздуха в легкие. Уже под водой попытался сделать шаг вперед. Не получилось, ноги свело судорогой, и они перестали слушаться. В голове мелькнуло: «Лишь бы работали руки». Схватившись за край гусеницы, подтянул тело под танк. Опять нащупал крюк, пробил его отверстие и попробовал отогнуть, взявшись за монтировку двумя руками. Защелка поддалась, ему даже показалось, что он слышит, как лязгнула пружина, возвращая защелку на место. Он нагнулся, шаря вокруг рукой, чтобы найти конец троса. Нашел. Но тут опять кончился воздух, и нужно было идти вверх.

Ему протянули руки, чтобы помочь выбраться из воды. Но Павлов только заматол головой и, сделав глоток воздуха, показавшегося ему теплым, опять ушел под воду. Он уже перестал ощущать свое тело, пальцы не сгибались, они как будто пристыли к скользкому, обледеневшему тросу, он даже не чувствовал боли в ключице, которой ударился об острый край льдины. Болезненное ощущение осталось только в груди, казалось, что ее все ту же стягивает железный обруч. Это была судорога.

Павлов нащупал крюк, подвел к нему петлю троса и надавил ею на защелку. Она пропустила петлю под собой и встала на место. У него еще хватило сил потянуть трос на себя, проверяя, не промахнулся ли он. Крюк держал. Александр разогнул тело, высунул из воды голову, разлепил тяжелые, воспаленные веки и прошептал:

— Поднимите меня. Не могу сам.

Его подхватили сразу восемь рук, рывком выдернули из воды и посадили на расстеленные куртки. С него сдирали заледеневшую одежду и одевали в сухие, подогретье на двигателях брюки, тельники, комбинезоны. Он молчал, не в силах разомкнуть сведенные мускулы лица. Но все слышал: как кричал Кудинов, чтобы Шидловский принес портянки и валенки, как Илюшкин приказывал ставить на место пулемет, как урчал за спиной подоспевший тягач. Слышал, как лопался лед и чавкала трясина, отпуская из своих объятий многотонную добычу, и как потом смеялся Илюшкин, танцующий на своем танке, уже стоявшем на колее.

До машины он дошел уже сам, с трудом переставляя плохо сгибавшиеся ноги, как человек, заново учащийся ходить. Тепло постепенно возвращало в одеревеневшее тело. Сев на свое командирское место, он почувствовал, что невольно засыпает, обессиленный, согретый работавшим двигателем. И он заснул. Только на одно мгновение. Потому что через секунду или две его разбудил голос командира роты, раздавшийся в шлемофоне:

— «36-й», Павлов! Я—«30-й». Как ты там? Я все знаю. Спасибо. Ждем тебя.

— Есть...

Это был, наверное, самый короткий сон в его жизни. Он повторил:

— Есть. Я—«36-й». Все в норме. Идем к вам.

Он понимал, что вправе считать свой личный бой сегодня выигранным, но был еще бой его роты, батальона, полка. Бой, который продолжался и в котором у Павлова было свое место.

Его танк успел встать на рубеж и принять участие в отражении контратаки «противника». И на счету его экипажа будут еще три сбитых мишени. А потом они пойдут дальше, в прорыв. И все будет так, как должно быть, когда атакуют сильные, бесстрашные, верные своей военной клятве люди.

После учения на Ленинской поверке, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, общественно-политическая аттестация давалась гвардии сержанту Павлову. В ленинской комнате на аттестации присутствовали члены бюро ВЛКСМ роты, командиры подразделения и взводов. После отчета Павлова секретарь бюро попросил собравшихся задавать сержанту вопросы. Вопросов к комсомольцу Павлову не было.

АРСЕНИЙ ИЗ ТРУДБАТА

20-е ГОДЫ: НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Когда теперь вспоминаешь вслух это слово — «трудбатель», или еще проще — «трудбат», требуется обязательно разъяснить его живое содержание.

В начале двадцатых годов нашего века это сокращенное слово «трудбат» было понятно даже каждому школьнику младших классов. Но почему ремонтные рабочие на железных дорогах в начале 20-х годов назывались по-военному — трудбательными? Прежде всего потому, что железные дороги тех лет ремонтировали также и солдаты Красной Армии: железнодорожное хозяйство, разрушенное интервентами и белогвардейцами, требовало срочного и капитального ремонта. В начале 1920 года, после расстрела так называемого «верховного правителя» адмирала Колчака, разгромленные белогвардейцы и интервенты стали откатываться на восток к Тихому океану, преследуемые нашей молодой Красной Армией. И ее же солдаты продвигались по следам разрушений, оставленных врагами, восстанавливали железнодорожные пути, вагонное хозяйство, постройки, складские помещения. На железнодорожных путях города Барнаула, где я тогда жила, тоже работал трудбательный, который появлялся иногда и на городских улицах.

«Трудбат идет, трудбат идет!» — кричали ребята и бежали рядом, подражая военному шагу.

Однажды летом 1921 года, когда я работала в Алтайской губсовпартшколе, меня направили в железнодорожный район по просьбе нескольких товарищей из трудбата.

Где-то на запасных путях меня встретил высокий худой красноармеец с выражением строгости и упорства на загорелом лице.

На нем была выцветшая, но старательно проглаженная гимнастерка и такие же старые, но начищенные до блеска сапоги.

Он кратко объяснил, что именно он, «Арсений из трудбата», обратился в губполитпросвет, и, сверху вниз оглядев меня, сдержанным баском спросил, неужели никого не нашлось постарше, чтобы отозваться на большую и важную просьбу целой группы бойцов трудбата?

Как и бывало в таких случаях, я спокойно поправила его: у меня уже двое детей, и именно мне губполитпросвет поручил данное дело.

«Понятно», — произнес он спокойным басовитым голосом и стал излагать «общую просьбу». Вот им, «пятерым из трудбата, необходимо повысить уровень их грамотности. Ведь совершенно ясно, что без этого «их молодая жизнь не сможет развиваться в полную силу!». Чем дальше слушала я «Арсения из трудбата», тем больше недоумевала. Речь его звучала как размышление вслух не только грамотного, но и вполне интеллигентного человека, о чем я тут же ему и сказала.

— Так в том-то и дело, что речь я слухом да памятью усвоил, а вот грамоты, умения правильно писать у меня нет. И вот у этих ребят, моих товарищей, такая же история, что и у меня.

И Арсений тут же рассказал свою биографию. Он родился в многодетной семье сибирского лесника, в самой хвойной чаще, где зимними ночами волки «под окнами завывали». Отец и мать, неграмотные люди, душой бы рады обучить своих ребят грамоте, но учиться было негде: ближайшая школа находилась от них в... 25 верстах в волостном селе!

— По неграмотности вместо имени кривой крест ставили... Да ведь и вся жизнь народная тем же крестом перечеркнута была, — с возмущением вспоминал Арсений, хмуря густые нависшие брови.

Только Красная Армия «открыла свет» Арсению. Читать он, пулеметчик, учился по газетам да по военным сводкам, а вот «правила правописания» пока что остались «на прежнем убогом уровне».

— Но ведь этого нельзя долгие терпеть! — гневно заключил Арсений. — Вот мы все хотим стать строителями заводских корпусов, жилых домов, школ... Правильно я говорю, товарищи? — обратился он к стоящим поодаль ребятам.

— Точно! — грянуло в ответ.

— Вот видишь! — торжественно произнес Арсений. — Для всех нас это как боевое задание. — Лицо его приняло требовательное и гордое выражение, которое тут же сменилось выражением заботы и раздумья.

— Но ведь ты преподаешь в совпартшколе, и

у тебя ребяташки, семья... а ты, как я понимаю, подошла бы для этого дела... Как же быть нам всем? Как двинуть дело правописания на полный ход?

— Ну что же, — подумав, ответила я, — скоро, после каникул, соберется второй курс нашей совпартшколы. А ведь это не одна сотня комсомольцев и молодых коммунистов, среди которых есть много недавних пулеметчиков, конников, бойцов пехоты, а также и работников разных специальностей. Конечно, среди них найдутся способные и добросовестные помощники в такой, несколько вольно говоря, скоростной учебе, какую они намерены пройти. А я, само собой разумеется, буду тоже помогать этой работе.

— А потом устройте нам экзамен! — требовательно закончил Арсений, оглядев свою пятерку из трудбата, и добавил: — Да, да, назначьте нам строгий экзамен!

Много лет спустя уже невозможно вспомнить, кто именно из курсантов нашей Алтайской губсовпартшколы (или сокращенно СПШ) всерьез согласился помогать Арсению в «освоении правописания», но, как показал опыт, все это оказались «верные товарищи», как он сам потом оценил их. Возможно, он даже не предполагал, как серьезно эти «консультанты из СПШ» отнеслись к своему общественно-педагогическому обещанию. Им самим были отпущены скупые сроки для усвоения большой и разносторонней учебной программы, но обещание помочь «боевому товарищу», как они называли Арсения, — было делом их чести. Мы все вместе составляли «по степеням трудности» письменные задания для Арсения и проверяли все вместе — это уже по прямой просьбе консультантов, — назначали ему новое, более трудное задание. Обо всем этом Арсений из трудбата ничего не знал и, казалось, ни о чем подобном и не задумывался. Не знал он и о том, что для полной ясности и спокойствия души, как мы решили вместе с консультантами, в наши планы мы посвятили кое-кого из знакомых словесников и политпросветчиков старшего поколения. Для чего, для какой цели? А все для того, чтобы наш подшефный осознал, что товарищеская помощь ему была поставлена не только коллективно, а также и методически — научно. Арсений из трудбата не мог также знать и того, что все им усвоенное должно будет в недалеком будущем получить не только нашу оценку, но еще тех городских словесников старшего поколения, к которым мы обращались за советом.

Арсения из трудбата никто из них не видел, но всем было понятно его страстное стремление к самообразованию. Он точно, в назначенный день и час, приходил к нам в СПШ — и всегда с добросовестно выполненным заданием. Казалось, все данное ему природой, но будто придавленное жестоким однообразием старой деревенской жизни вот только теперь ему, красноармейцу, открылось — как широкая дорога познания жизни и развития своих незаурядных способностей.

В этом сухощавом, всегда подтянутом комсомольце в буденовке со звездой, будто сурово радуясь, играла молодая неисчерпаемая энергия, жажда знания и уверенность в будущем. «А какая самодисциплина!» — добавляли ко всем этим наблюдениям наши старшие товарищи, которым была известна биография Арсения. Но мало кто догадывался о постоянной тревоге нашего «общего ученика», тем более, что не в его характере было это показывать: он не мог знать, когда закончится работа его трудбата на Алтайской железной дороге. Постоянные просьбы членов его бригады «задавать нам больше» исходили именно из этой тревоги: ведь никто не мог знать заранее, когда по военному приказу срочно перебросят эту старательную бригаду в другой город. Только в конце двадцать первого года наш Арсений и его товарищи уже вслух забеспокоились: их собирались послать куда-то ближе к югу. И нам, учителям, надо было подготовиться, чтобы по достоинству оценить наших друзей-учеников из железнодорожного трудбата. Стремясь «шагать дальше в жизнь», как он стал теперь говорить, Арсений и его товарищи, конечно, нуждались в каком-то документе. Всем нам было ясно, что этот документ, конечно, никакого «официального вида» иметь не может. Арсений,

как и его товарищи, ни в какой школе не учились и ни в каких официальных списках не числились, а все новые знания родного языка получили «по дружбе и своей доброй воле», что вполне достоверно было доказано. С одной стороны, была добрая воля и горячее желание выбиться из «тьмы безграмотности старого режима», как говорил об этом Арсений и его товарищи, а с другой стороны, наш общий план всеми мерами помочь молодым красноармейцам из трудбата, овладеть тем «необходимым» знанием, которое дает знание родного русского языка.

И вот все мы, учителя, решили вместо официального документа написать коллективное письмо. В том коллективном письме приводилось и немало примеров того, как сознательность и увлеченность филологическими занятиями самого Арсения благотворно влияли на товарищей его по бригаде. В письме было также рассказано и о том, как все учителя-добровольцы, впервые участвуя в таком коллективном педагогическом начинании, сами тоже обогатились разносторонне полезным опытом новой, социалистической педагогики. Все эти сообщения и размышления, изложенные в том большом коллективном письме, естественно, никакого адреса не знали, как не знали и того учреждения — военного или гражданского, — куда наше воодушевленное письмо будет представлено. Оно не однажды было прочитано, всеми дружно одобрено и всеми участниками подписано, датировано и торжественно вручено Арсению и его товарищам. Но после того, как мы всех их сердечно проводили, обнаружилось, что коллективный наш документ существовал... только в единственном всеми нами подписанном экземпляре, который и увезли с собой Арсений из трудбата и его товарищи!.. Мы столько раз обдумывали и перерабатывали то коллективное письмо, что даже успели привыкнуть к уверенности, что оно осталось у нас в копиях. А оно, очевидно, в спешке перед отъездом наших питомцев было просто перепечатано начисто, но в одном экземпляре!.. Пригодилось ли для пользы дела наше длинное романтическое послание или ни у кого не хватило терпения его прочесть и оно оказалось бесполезным, — никто не мог ответить на этот вопрос, кроме самого Арсения. Что ж, подождем, решили все, хотя и дружно, однако с сожалением и с досадой. Однажды кто-то из наших старших товарищей-педагогов рассказал в редакции губернской газеты о наших подопечных из трудбата, и что цель и дружная настроенность нашего коллективного письма — напутствия представляют столь очевидный общественный интерес, что такое письмо можно напечатать в газете. Но где было искать Арсения и его товарищей, уехавших неизвестно куда? Оставалось ждать, когда Арсений из трудбата сам напишет нам о переменах в своей судьбе. Через несколько месяцев мы получили от Арсения и его товарищей тоже коллективное письмо. Выполнив на новом месте ряд заданий по восстановлению железнодорожного хозяйства, все они решили избрать себе специальность инженеров-путейцев. Все они уже поступили в железнодорожное училище, учатся успешно и, конечно, в будущем с работой справятся. Это коллективное письмо было всеми прочитано, и велико было наше удовлетворение тем, что в письме Арсения и его товарищей не встретилось ни одной ошибки!.. А длинное наше коллективное письмо, при всей его неофициальности, на испытаниях всеми было принято «абсолютно серьезно». Наша полнейшая уверенность в знаниях и нерушимо сознательной воле наших учеников из трудбата придавала их точным ответам «дополнительную ценность», как передавал в своем подробном письме Арсений. Наше коллективное письмо, сообщал Арсений, которое нам, его авторам, казалось каким-то неофициальным дополнением для приемных испытаний, в действительности привлекло к себе самое пристальное внимание экзаменаторов, как «страницы самой живой истории». Истории — чего? Истории того, как несколько молодых воинов Красной Армии, как подчеркивал Арсений, вышли «на новую светлую дорогу знания» нашего великого родного языка. Радостным чувством той «новой дороги», а значит, и всей жизни было проникнуто письмо Арсения, которое всех нас глубоко обрадовало. Это было письмо, где думы и чувства молодого советского воина той поры как бы говорили голосом самой истории. Само собой разумеется, Арсению мы ответили, опять же коллективно, дружеским пожеланием новых успехов в знаниях и труде.

Больше писем от Арсения не было. Но когда бы ни вспоминал мне потом этот сильный и стойкий в своем стремлении к свету знания воин Красной Армии двадцатых годов, уверенность моя в его силе воли и мечты осталась навсегда неизменной.

Публикация
Валерии КАРАВАЕВОЙ.

од вечер, в шестом часу уже, в райком приехала Валя Опарина и сказала первому секретарю Кустову, что хочет уехать в Барнаул, к родственникам. Я в это время был на собрании в пошивочном цехе быткомбината — на ярмарке невест, по выражению Кустова, мечтавшего женить меня «в текущей пятилетке». Он был на год всего старше меня, но в свои двадцать четыре года уже имел полный семейный комплект — жену и двоих детей: мальчика и девочку. На любые мероприятия в «женские» коллективы он посылал исключительно только меня, а на мои протесты отвечал посмеиваясь: «Иди-иди! Может, тебя там кто-нибудь да заарканил».

Утром он с порога зазвал меня к себе и сообщил эту новость про Валю Опарину. Выходило так, что я должен был ехать в Лесной совхоз и освобождать ее там на месте. Моим мнением он не поинтересовался, но я все-таки решил его выразить.

— Может, не торопиться... поговорить с нею как следует?!

— Какой умник! — сказал Кустов, недовольно хмыкнув и качнув головой. — По-твоему, я с ней в кино вчера ходил, так, что ли? Сошла девонька с рельсов — я это чувствую... Уеду, мол, и все — и не уговаривайте! А мы и не будем уговаривать — пусть едет!

— А кого будем выдвигать на ее место?

— Галлю Курбатову. Она уже больше года в замах ходит, и у нее получится — я это чувствую.

— Ты, может, и правильно чувствуешь, — сказал я не без ехидства, — а вот отпустят ли ее в рабкоопе?!

— Отпустят! — убежденно заявил Кустов.

— Что же все-таки с Опариной? — сказал я, больше размышляя, чем спрашивая. — Лучший совхозный секретарь... в школе еще была первой активисткой...

— Что теперь рассуждать, — отрезал Кустов и посмотрел на меня сочувственно. — Я понимаю, тебе неохота ехать, но у нас ведь нет заворга... К тому же тебе надо знакомиться на местах с совхозными организациями. Так что иди собирайся быстренько, пока трамваи ходят!

Трамваи в нашем районе не ходили, пассажирское сообщение осуществлялось в основном автобусами. Но замечание Кустова было тем не менее ценно, потому что на дворе весна, дороги испорчены, и автобусы, в нормальную пору делавшие по нескольку рейсов в день, едва успевали по приморозку хотя бы раз обернуться. Так что я, не мешкая, помчался домой — и скоро был на пристанционной площади, благо, жил недалеко. Мой автобус, набитый до отказа, уже собирался трогаться, и я, обжевав его спереди, попросил водителя, молодого патлатого парня, открыть мне дверь.

— Некуда! — сказал парень, кивая назад. — Этих-то не знаю, как довежу!

— Я из райкома комсомола... по делу.

Парень внимательно поглядел на меня — и открыл передние двери. Я втиснулся, двери за мною сдвинулись, и мы поехали, грузно и мягко раскачиваясь. Миновав последние райцентровские дома, автобус прибавил ходу, и его стало бросать из стороны в сторону на скользком, разъезженном «грейдере».

Не очень-то веселые раздумья одолели меня в дороге. Когда Кустов предложил мне перейти из редакции «районки» вторым секретарем райкома комсомола, я и не рассчитывал, конечно, на легкую работу. Так что теперь только давай — успевай, поворачивайся, оправдывай доверие... А результат?! Хлопот было и в редакции достаточно, но там все-таки реальный объем и результат — свежий номер! А здесь объем немеренный, а результат — пойдешь его оцени так скоро...

С такими примерно мыслями ехал я до самой центральной усадьбы Лесного совхоза.

Рисунок Рузгма АХМЕТШИНА

Деревня в эту пору не порадует иной глаз — вывороченная тракторными гусеницами грязь, желтые бугры подтаявшего снега и серые, какие-то поникшие, точно уставшие за зиму дома. Зато как хорошо здесь будет, когда земля подсохнет, хозяева выметут дворы и подправят ограды, когда оживут деревня и травы, а белый часток кол возле клуба станет нарядной березовой роцей.

Комитет размещался в агитпункте, это я знал, но Вали там не оказалось. В парткоме тоже никого. Значит, надо к директору. Евгений Леонтьевич... И фамилия памятная — Борончук.

Секретарское место в приемной зияло непривычной пустотой, но я дернул на всякий случай директорскую дверь — и увидел Борончука за столом и рядом мужчину в фуфайке. Борончук тоже меня увидел, кивнул, приглашая войти и сесть.

— Та-ак, — улыбнулся мне директор, когда мужчина в фуфайке вышел. — Что вас к нам привело?

Я объяснился.

— Да-а... Просто не знаю, кем заменим Валю, — произнес директор раздумчиво. — Или у вас уже кто-то есть на примете?

— Курбатова.

— Что ж, может, оно и неплохо, — как-то нерешительно ответил директор.

— У вас есть кто-то другой?

— Нет-нет, — торопливо ответил директор, — я уже думал, перебирал про себя некоторых... А Курбатова, что ж... Тем более, вы рекомендуете... И как же это все будет? В какой форме?

— В форме собрания, я думаю, лучше всего.

— А на комитете нельзя разве? Это по уставу: Курбатова — член комитета, даже заместитель секретаря...

— Но у вас давно не было общего собрания. А надо поговорить с ребятами о положении дел в организации, обсудить и утвердить план мероприятий к юбилею Октября — все уже это сделали, кроме вас.

— Трудновато будет людей собрать... Вы же видите, какая распутица — молоко на тракторах возим. А если комитет провести — и на нем все можем решить, а решение разослать по отделениям, обсудить и утвердить. Можно же так?

— Сейчас распутица, а чуть подсохнет — сев начнется, а там покос, уборочная... — Меня и убеждала и почему-то злила спокойная логика директора.

— Да-а... Директор снова потер пальцами подбородок. — Как-то у нас с вами не получается... Я руководитель производства, коммунист и понимаю вас, понимаю, что должен вам помочь всеми средствами... но и вы меня поймите! — Тут он изменил своему спокойствию, не сдержался. — Вам надо галочку пожирнее поставить, а мне новая неразрешимая задача. А у меня еще партгор болеет уже который месяц, и все собрания, мероприятия — все на мне!

Меня даже зазбило немного от противного ощущения, что вот в первые же минуты рушится моя миссия здесь; и хотя обстоятельства действительно серьезные, Кустов может подумать все же, что я просто не справился с поставленной задачей, пошел по легчайшему пути...

— В общем, Евгений Леонтьевич, я должен подумать, посоветоваться с первым секретарем. Вы куда не уедете сегодня? Я еще зайду к вам.

— Ну хорошо... заходите.

Я пошел звонить Кустову. Мне повезло: линия оказалась свободной и Кустов на месте. Я изложил ему обстановку.

— Ну, ты правильно, в общем, ведешь себя, — утешил меня Кустов. — Не торопись. Советуйся с людьми, смотри, думай, а там — по обстановке, но с полной ответственностью!.. А насчет собрания — подумай... Я его понимаю — директора: из-за того, что мы же прохлопали, не проследили вовремя за собранием, он теперь должен на уши становиться...

Я вернулся в агитпункт, разделся, сел у стола. Ничего интересного почитать я с собой не захватил и теперь с тоской думал, как коротать время в ожидании Вали. А если она и не на центральной усадьбе вовсе? Но тут коротко охнула обитая дерматином дверь — вошла Валя Опарина и с нею маленькая смуглая девушка с раскосыми немного глазами. «Курбатова», — догадался я.

— Ну, что, будете меня отпускать? — едва поздоровавшись, спросила Валя. И тут же спохватилась: — Да, познакомьтесь — мой заместитель Галля Курбатова. Обстановка получалась какая-то натянутая, неприятная.

— Вы что же, так и будете стоять у порога? — спросил я как можно беспечно. — Проходите, раздевайтесь, будьте как дома!

Виктор СУГЛОБОВ

РАССКАЗ

ВАСЕННЯЯ КОМАНДИРОВКА

Девушки оценили мое стремление: переглянулись, улыбнулись и пошли в угол к вешалке. «Да-а,— думал я, глядя на Валу Опарину,— такого видного секретаря поискать...» И вспомнил, как первый раз увидел ее в райкоме — тонкую в талии, статную, в черной, тесной в бедрах и расклешенной к коленям юбке и в коричневом свитерке, мягко облегающем плечи и грудь... Кустов тогда посмеялся надо мной и предупредил: «Не бери в голову — отсекай сразу!» — и пояснил слегка перефразированными классическими строчками: — «Она другому предана и будет век ему верна»... Но теперь что-то в ней изменилось.

Надо было что-то говорить, а я не знал, с чего начать.
— План мероприятий к юбилею Октября разработали?
Валю поджала губы.
— Да так, набросали кое-что.
— Давайте посмотрим.

Втроем усаелись вокруг стола и начали обсуждать план по пунктам.
— «Аллея Октября» — в Лесном совхозе... Ну пусть, хотя у вас и так все в зелени. А памятник первому председателю — это прекрасно! Так, глянем дальше... А где же строительство спортивного комплекса? Они сейчас во всех планах совхозных организаций.

— А средства где, материалы?
— Совхоз даст, рабочком. В рабочкоме должны быть деньги на спортивно-массовую работу.

— У Ивана Григорьевича зимой снега не выпросишь.
«Вот уже и есть большущий вопросик для собрания, а директор комитетом обойтись хотел», — подумал я.

— Ну, вы будете меня отпускать?! — без всякого перехода вдруг нетерпеливо спросила Валя. — Мы же договорились с Кустовым... И вот Галя — она согласна.
— А комитет?

— Хотя сегодня можем собрать: большинство здесь — на центральной усадьбе. Я глянул на Курбатову: хорошо бы понять, как она ко всему этому относится... И почему сразу согласилась? Может, на работе нелады... Антипов — мужик крутой: у него волевой стиль.

— Галя! Ну, а ты как думаешь?
Галя потупилась, покраснела, повела неопределенно плечами.

— Я не знаю... Вы сами решайте.
— Ну так что — собирать комитет?! — приступала Валя.

И вот тут прихлынула откуда-то злость.
— Ну, вот что, милая! — сказал я, не скрывая этой своей неожиданной злости. — Тебе все бросить, уехать поскорее, а другим тут оставаться работать!

Валя смелась, поблуднела, вскопчила и выбежала из комнаты.
— Часто у нее такое?
— Нет, — ответила Галя, неодобрительно глянув на меня. — Я пойду... найду ее.

— Ладно... А я пока в рабочком схожу.

Председатель рабочкома был на месте.
— Можно? — спросил я.

— Почему же нельзя. Проходите, садитесь. Что у вас ко мне?
— Как у вас, Иван Григорьевич, с деньгами на спорткомплекс?
— Во-от о чем... Нет у нас денег!

— Но по смете должно быть запланировано.
— Запланировано! — с каким-то даже злорадством подтвердил Иван Григорьевич.

Открыл ящик в столе и вынул лист бумаги с колонками цифр. — Вот она, смета! Весь бюджет спланирован — и на спорткультурабату в том числе... Да только нет этих денег! Доходов нет! На одних взносах далеко не уедешь, а от кино доходов — шшик! А киномеханику все равно зарплату плати, завклубом — плати... А деньги я не кую!

Такого резкого поворота я не ожидал.
— А что же делать?
Иван Григорьевич пожал плечами.

— Антенны телевизионные посрубать надо! В каждом доме телевизор. Молодежь да ребятишки еще ходят в кино — и то когда очень хорошее. А так при пустом зале в основном крутим. — Он горестно махнул рукой, вздохнул: — Раньше, бывало, привезут кино — народу набьется, не продохнуть! А сейчас — ни в кино, ни в самодельность. А какая у нас в Лесном была самодельность — гремела! Спросите у Зинаиды Ильиничны — библиотекаря нашего: она тогда всем этим заправляла...

Я ушел от Ивана Григорьевича в худшем гораздо расположении духа, чем приходил к нему, и у дверей библиотеки чуть не наткнулся на выходящую оттуда женщину. Мы извинились друг перед другом, и женщина тотчас спросила:

— Вы ко мне, в библиотеку? — Я замаялся, а женщина радушно открыла передо мной дверь. — А я слышала, что вы приехали: думаю, должен, поди, и ко мне зайти.

— Конечно, — соврал я. — Святая обязанность.
— А вы из-за Вали Опаринной приехали? — сразу спросила Зинаида Ильинична.

— Да, в основном.
— Хорошо у нее шло — просто радостно было смотреть! Новогодний праздник устроили в клубе — я такого не помню. Приходила ко мне, советовалась: я ведь когда-то много лет в клубе проработала. Ой, разве у нас такой клуб был — завалюха! На скамейки встанем, чтоб ноги не мерзли, и поем. А потом плясать начнем — так и совсем жарко. Да... А Валу, конечно, жалко, но как ее осуждать: неизвестно, как бы я на ее месте такое пережила.

Она умолкла, считая, видимо, все настолько понятным для нас обоих, что и забирается дальше во все это ни к чему.

— А что у нее случилось, Зинаида Ильинична?
Она поначалу нахмурилась, но затем энергично тряхнула головой и чуть-чуть насмешливо проговорила:

— Какая тут, господи, тайна, если ее у нас любая глухая бабка знает... В общем, дружила она тут с одним парнем — Ваней Будашкиным: с детства еще, с седьмого класса. То есть он-то постарше — уже в девятом учился, когда у них эта любовь началась. Поэтому школу он кончил раньше ее на два года, — ну и, мол, попробую в институт. И поступил в политехнический... Письма они писали друг другу, приезжал он на каждые праздники, на каникулы, само собой... А через два года Валя поехала следом за ним — в медицинский хотела поступить. Но у нее не получилось: одного балла недоборала. Расстроилась, конечно, очень, но духом не пала: решила, что через год все равно поступит. Предложили ей пока поработать секретарем освобожденным, поскольку в школе у нее это хорошо получалось. Взялась она за это, ожила вся, а тут вдруг новость: Ваня женился на дочери нашего директора Тамаре. Она в город сразу уехала: прописалась там у родственников...

Дальше я слушал вполуха и, воспользовавшись значительной паузой, пообещал Зинаиде Ильиничне зайти еще раз — попозже или завтра — и заторопился в агитпункт. Валя была там, сидела за столом вполборота к окну, устремив взгляд куда-то далеко-далеко, а Галя осторожно, точно боясь ее потревожить, неслышно перебирала бумаги.

— Валя, извини, — сказал я с порога. — Я обидел тебя. Извини, пожалуйста!
Валя удивленно посмотрела на меня, смутилась.

— Я не обиделась... я понимаю...
— Ну ладно... — сказал я, нарушая воцарившееся было молчание. — А теперь, девочки, мне нужен ваш совет: когда собрание проводить?

— Если с транспортом решить вопрос, то можно хоть завтра, — ответила Валя. — Но машины не ходят, а на тракторах... на это директор не пойдет.

— Но возят же молоко на тракторах!
— С двух отделений, а на других нет молочных ферм.

— Я к директору, — сказал я девушкам. — Подождите меня здесь.
Евгений Леонтьевич говорил по телефону. В кабинете был еще один человек — рослый, подтянутый мужчина с большими руками и крупным, красивым лицом; во всей фигуре чувствовалась какая-то спокойная уверенность.

— ...Ну что я тебе пошло?! — кричал в трубку Евгений Леонтьевич. — Ну, нет у меня транспорта! Не могу же я гнать трактор за сорок километров... Хорошо, посмотрим, может, и трактор придется послать... Ладно, подумаем. — Евгений Леонтьевич положил трубку, подумал и сказал рослому мужчине: — Придется все-таки трактор направлять в район.

— Может быть, ЗИЛ трехосный? Этот везде пройдет.
— Он же поломан?!
— К завтрашнему дню будет на ходу.

— Подумаем... ладно... — сказал Евгений Леонтьевич, давая понять мужчине, что их разговор еще не кончен, и обратился ко мне: — Ну? Как у вас дела? Какая еще нужна помощь от меня?

— Собрание надо, — ответил я заранее приготовленной фразой.
Директор раздосадованно хмыкнул:

— Ведь мы же договорились... почти.
— Вообще-то он прав — насчет собрания, — вмешался вдруг рослый мужчина. — Парень старается — ему помочь надо.

— Как? Что ты предлагаешь?
— ЗИЛ подать — он соберет народ по отделениям.

— Ну и когда вы думаете проводить это собрание? — спросил Евгений Леонтьевич.

— Хоть завтра. Главное — транспорт!
Евгений Леонтьевич еще некоторое время подумал, потер пальцами подбородок.

— Ладно... И заодно управляющих соберем, а то не скоро будет возможность. А Ивана Григорьевича попроси небольшой доклад сделать о подготовке к посевной.

— А вы... не будете на собрании?
— Буду! Но к такому выступлению готовиться надо, а у меня времени сейчас нет. Если вопросы какие возникнут — я отвечу. Ну, и во сколько?

— В шесть, — предложил я, — обычное время.

Весь оставшийся день ушел на подготовку собрания. А с Валей решили так: она собрание откроет, как положено, и предложит Галю Курбатову в президиум — председателем. А после собрания комитет останется и переизберет секретаря.

Расхотелись, когда за окнами уже было темно.

— Ой, вы же в столовую опоздали! — ужаснулась Галя Курбатова. И, смущаясь, предложила: — Может быть, к нам... или к Вале... Валя, как ты?

— Нет-нет! — ответил я торопливо. — Спасибо за приглашение. У меня портфель распух — столько мать в дорогу наготовила... — Я врал чересчур горячо и поэтому, наверное, не очень убедительно. Но идти к кому-то из девушек обедать было неловко...

В гостиничной комнате, которая была при конторе, я безуспешно пытался заснуть. Полистал журналы, лежавшие пухлой пачкой на столе, но читать не хотелось. И я решил заглянуть в клуб — может быть, там кино... И попал на какой-то старый индийский фильм, название которого никак не мог вспомнить.

Когда фильм кончился и зажегся свет, я с удивлением и, честно признаться, с радостью обнаружил недалеко от себя Валу Опарину. Она, искоса взглянув на меня, принялась вместе с другими девушками растаскивать стулья к стенам, освобождая место для танцев. Я помог им, а потом с подчеркнутым интересом принялся изучать плакаты и таблички, во множестве развешенные по стенам. Таблички в основном возвещали о всякого рода запретах: «У нас не курят!», «Не сорить!», «Во время сеанса хождение по зрительному залу запрещено!». Тема плакатов тоже была выдержана в одном тоне — так, словно здесь намечался или только что прошел слет киномехаников: «Больше внимания кинообслуживанию на селе!», «Включайтесь в смотр работы сельских киноустановок!...» И так далее.

Я подошел к Вале, показал на стены.

— Агитируете киномеханика?
Валя не поняла сначала, но посмотрела на один плакат, на другой — и рассмеялась сконфуженно.

— Это он сам себя агитирует. Нет хорошего заведующего — он и хозяйничает, лепит, что хочет.

В динамике, еще не остывшем от горячих индийских кинострастей, что-то пощелкало, пошуршало — и загремела музыка. Две молоденькие девушки, вероятно, школьницы, несмело отделились от группы своих сверстниц и начали неумело раскачиваться в такт музыке. Поймав на себе мой взгляд, они засмутились, у них вообще перестало ладиться, и они, красные, отошли к подругам. Теперь уже мне стало неловко: надо было или идти танцевать — не изображать из себя большого начальника, — или уходить.

— Может, нам потанцевать, Валя?
Валя категорически замотала головой.

— Тогда я пойду, — сказал я, придерживаясь логики своего рассуждения.
— Пойдемте вместе! — сказала Валя и решительно двинулась к выходу.

На дворе было удивительно светло. Снег, валом валивший с вечера, перестал сыпать, небо наполновило распустилось, на нем в радужном ореоле сияла огромная и чистая луна. Млечный Путь, густо выстланный звездами, уходил за черную полосу горизонта, и туда же вела белая широкая улица без единого человеческого следа.

Все это было очень похоже на сказку: сонные дома под белыми крышами — и тишина, нарушаемая лишь хрустом снега под нашими ногами.

— Ну вот, — вздохнула Валя, — опять зима.
Я понимал, что ей, видимо, тяжело сейчас быть одной и в то же время глубоко безразлично, я иду рядом или не я...

Собрание началось не в шесть, как намечали, а с опозданием почти на час. Но зато вышло очень представительным — приехали все до одного комсомольцы из отделений. Директор и предработочка не пошли вперед, на привычные свои места, а скромно сели недалеко от дверей за проходом; чуть подалее за ними расселись управляющие. Зинаида Ильинична попросила разрешения побыть на собрании и подседа к девушкам-учительницам, занявшим половину второго ряда.

Валя открыла собрание и предложила в состав президиума трех человек — меня, Гаю Курбатову и учительницу со второго отделения Нину Ткачук, оказавшуюся очень юной девушкой с тугими рыжеватыми косами до пояса.

Иван Григорьевич в докладе изложил все очень просто и ясно. Хотя утром и ворчал довольно сердито, когда я застал его в рабочем согбенном над ученической тетрадкой, в которую он что-то выписывал из бумаг, разложенных по всему столу: «Вот с докладом вожусь по вашей милости! Не умею я их ни готовить, ни читать!»

Приступили к обсуждению юбилейных мероприятий. Галя их зачитала и пригласила высказаться. Возникла обычная в таких случаях пауза, и Галя нетерпеливо встала с явным намерением вытащить кого-нибудь силком. Ее удручил торопливый девичий голос с задних рядов:

— Пускай члены комитета сначала!

— Комитет выработал эти мероприятия, — ответила Галя, — а теперь мы обсуждаем их с вами: для этого и собрались...

— Тогда комсорги пусть, — не сдавался все тот же голос.

— Во! — поддакнул оттуда же здоровый, развязный парень и, небрежно откинувшись назад, пробасил насмешливо: — Пускай начальство говорит, а мы люди маленькие...

— Маленький! Малютка прямо! — резко набросилась на него Нина. И, как бы извиняясь за свою несдержанность, проворчала недовольно: — Сидят, молчат, а только собрание кончится, так и начнется по углам.

Наконец поднялся комсорг первого отделения Миша Новиков, смуглый, немного застенчивый парень, отчитался в своей работе, а в самом конце добавил, что мероприятия вполне выполнимые, и первое отделение не подведет.

Потом встала маленькая светловолосая девушка с кукольно красивым лицом. Сначала неуверенно и заминаясь, рассказала о том, что они у себя ничего не делают, потому что никто ничего не хочет. «Так же и с мероприятиями будет», — несмело добавила она. Потом освоилась и заговорила запальчиво:

— Да что сделаешь? Что? У нас даже клуба нет, что молодежи собраться! Вернее, он есть, но без пола. Скольких просили управляющего — нет, говорит, материалов. А дом себе строить у него материалы есть, и лимиты нашлись...

Дальше уже никого не надо было вытаскивать: сами выскакивали, просили слова или кричали с места:

— Да какой там комплекс! Кто нам его построит?!

— Самы построим!

— Из чего?

— Совхоз же обещает стройматериалы.

— Много нам чего обещают! Прошлый раз на собрании курсы шоферов обещали создать — где они?

Когда высказали все наболевшее руководству, перешли на себя.

— Какой у нас может быть культурный отдых? Договорились в театр поехать: машину совхоз давал, а как стали деньги на билеты собирать, так «я лучше повеселюсь на них».

— Правильно! — подтвердил вальяжный парень с «камчатки». — На кой он — тот театр, когда по телеку лучше покажут!

— Ты добьешься, Слюсарев: тебя чуть не исключили однажды...

— Напужали, — усмехнулся парень. — Ну и давайте, исключайте — больно мне весело тут с вами!

И тут наступила тишина. И, кажется, все даже дыхание затаили, глядя на меня и давая тем самым понять, чье тут сейчас главное дело — ответить на этот выпад.

Я встал, нашел защищенное ухмылкой лицо и сказал:

— Давай! Давай сюда билет!

Парень завозился обеспокоенно и загудел:

— Да ладно вам... шуток не понимают... Не скажи им ничо!

И не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не вмешался Евгений Леонтьевич. Он поднялся и привычным жестом потребовал внимания.

— Товарищи! Товарищи! Давайте не будем горячиться и уводить собрание в сторону от повестки дня! Выходка возмутительная — что и говорить. Но все равно я бы не стал так вот сплеча решать подобные вопросы. И, кстати, он не такой уж отъявленный нигилист, наш Петя Слюсарев, каким хочет выглядеть. Работает — дай бог всякому. А если хотите, на следующем собрании разберете его по косточкам, чтобы не актерствовал и напраслину на себя не возводил. — Он выдержал необходимую паузу, чтобы поглубже вобрал в себя суть его трезвой позиции, и продолжал: — А теперь, если прения в основном закончены, я бы хотел высказаться по некоторым затронутым здесь вопросам. Можно?

Галя торопливо кивнула: «Да, конечно...» — и села. Пришлось и мне сделать то же самое. А Евгений Леонтьевич вышел вперед и по пунктам, обстоятельно прокомментировал все упреки в адрес руководства совхоза, большинство из них признал совершенно справедливыми и пообещал много поправить: отремонтировать в ближайшее время клуб в отделении, с осени организовать все-таки вечерние курсы шоферов, помочь со стройматериалами для спортивного комплекса...

— Хотя, товарищи комсомольцы, — заметил он, — напомню вам, как ответил Ленин на третьем съезде комсомола, когда один из делегатов пожаловался, что школа в его деревне совсем обветшала. Ответил он в том смысле, что нечего жаловаться, нужно к ней свои руки приложить. Вот и вам, радателям клуба да спорткомплекса, думаю, такой совет нелишний.

Я слушал директора внимательно и не заметил, как очутилась передо мной Валя Опарина с запиской — положила ее и торопливо вернулась на свое место.

Записка была короткой: «Я передумала. Хочу остаться, если можно». «Еще не легче! — ужаснулся я и, подняв голову, встретился с ее прямым настороженным взглядом. — Надумала! На тебе! Ни раньше, ни позже! Когда все везде решено... Как же с Курбатовой-то? — И тут же решил: — А вот мы посмотрим, как». И положил перед нею записку. Галя взглянула на нее и сначала откровенно оторопела, но тут же радостно улыбнулась и прошептала мне на ухо:

— Это же очень хорошо! И не надо ничего: как будто ничего и не было!

— Нет! — сказал я. — Комитет надо оставить, пусть на нем объяснятся! Да и не выйдет — будто бы ничего и не было», все же об этом знают.

— Да не может она объясниться! — настойчиво шептала мне Галя. — Именно потому, что все, все знают... кроме вас, может быть, но я вам потом объясню.

— Ладно, если Иван Григорьевич не будет говорить, дай мне слово на три минуты и закрывай собрание.

Галя обрадованно кивнула, а я торопливо и лихорадочно попытался выстроить хоть какое-нибудь заключительное слово. Но ничего у меня не получилось, и, чтобы не запутаться и не забыть, я сказал какие-то общепринятые слова, пожелал выполнить все намеченные мероприятия — да на этом и закружился.

Собрание закончилось, все задвигалось: девушки стали готовиться к танцам, а парни хлынули в буфет.

Я тоже потянулся за парнями и встал в очередь, чтобы хоть перекусить да воды испить. Подошел Евгений Леонтьевич — уже в пальто и с шапкой:

— Что, передумала Опарина?

Я кивнул:

— Да, попросила оставить...

Он неодобрительно покачал головой:

— Ну, смотрите... — надел шапку и ушел.

Выпив бутылку воды, я решил возвратиться в зал. Там уже танцевали востро, а Валя стояла в дальнем углу, отгороженная Галей Курбатовой и другими девушками: девушки что-то говорили попеременно, а Валя задумчиво и немного растерянно слушала. Потом увидела меня, сразу подошла.

— О чем вы говорили с директором? Обо мне, наверное?

— Да. Я сказал, что ты передумала.

— Ну, и что он?

— Он очень обрадовался.

Валя нахмурилась.

— Да-а, он обрадуется... — И вздохнула. — Сама не знаю, что я так вдруг... накатилось что-то, жалко стало всего...

— Хватит об этом, Валя!

Валя посмотрела на меня очень пристально и, решительно взяв за руку, потянула к танцующим.

— Ладно! Идемте танцевать?!

Танцевала она хорошо: очень послушно и в то же время легко и непринужденно скрадывала мои ошибки.

Часа через полтора вернулись в клуб управляющие и начали подгонять ребят: на дворе, мол, темно, а дорога трудная и долгая. Ребята нехотя засобирались, потянулись наружу, к стоявшему у самого крыльца и урчавшему на малых оборотах ЗИЛу, полезли в кузов.

Я вышел проводить их, и меня позвали несколько голосов:

— Поедте с нами!

— Не могу, ребята! Счастливого вам пути!

— Вам тоже! Приезжайте еще... и к нам в отделение.

— Постараюсь... Обязательно...

ЗИЛ тронулся.

Утром я проснулся в панике, что проспал автобус. Но оказалось, что автобуса вообще не будет, потому и не было никого на остановке, кроме заросшего щетиной до глаз мужика лет пятидесяти. Он дымил махрой и упорно ждал и надеялся на что-то, с беспокойством поглядывая на лежащие под навесом мешки. Мое появление на остановке его окрылило: он понял приблизительно, что я за птица и что меня, наверное, будут как-то отправлять отсюда, и не ошибся. Евгений Леонтьевич, подумав немного, дал свою машину, чтобы отвезти меня и большую женщину с подозрением на аппендицит.

Шофер, вчерашний «нигилист» Слюсарев, хмуро поздоровался со мной, когда я сел в машину, и, выдавая раздражение, рявкнул на возившегося уже сзади мужика с мешками: «Кончай смолить!» — и кивнул на сидевшую впереди женщину с измученным лицом. Мужик торопливо выдернул изо рта и выбросил наружу самокрутку, принял смиренный вид: «Все, Петро! Не буду больше за всю дорогу!» А мне пояснил, как бы слегка заискивая: «Братовьям везу, да сыну, да дочке...»

За селом догнали седого, но крепкого еще, видно, старика со шваброй-закималкой, которую он нес, как винтовку, в положении «на плечо». Он, когда влезал в машину, кряхтел сочно, басом, и чувствовалось в нем еще и сила и не по годам бодрый дух.

— Все бегаешь, дед?! Сидел бы уж дома! — крикнул ему заросший мужик.

— А что не бегать, — радостно ответил дед, умахиваясь рядом со мной. — Я в гостях был у внуков — только и поездить сейчас по гостям. Жизнь-то во пошла — живи не помирай: и поесть, и одеть, и обувь есть что... А я в двадцать втором из армии шел в лаптях, а на станциях народ лежит, пухнет от голода... Да, пережил народ все, а теперь, смотря, заедаться начал: то ему не то и то не это...

— А ты, дед, как думал? — ощерился мужик в насмешливой улыбке. — Человечек — это такая прорва, что ему хоть сколько — все мало будет.

Старик от этих слов весь как будто напружинился.

— Сам ты «прорва»!.. По себе и меряешь всех!

Мужик нахмурился, зыркнул на меня, а потом уперся злыми зрачками в старика.

— Твое счастье, дед, что здесь посторонний товарищ, а то б я тебе, сивому мерину, прикрутил язык-то!

— Да ты... да я... — забормотал старик сбивчиво и растерянно. — Да ты знаешь, кто ты...

Это было невыносимо. Надо было что-то делать!

Машина вдруг резко затормозила и встала как вкопанная.

Я не понял сразу, зачем это «нигилист» вышел и стал отстегивать брезентовый полог от заднего борта. И когда уже борт открылся и слетел на землю первый мешок — тут только дошло до меня и до мужика одновременно, потому что он сразу впелся в другой мешок и заорал: «Ты что, Петро?!» А Петро поднял ко мне лицо и раздраженно бросил: «Помоги!»

Мужик спрыгнул на землю и остервенело кинулся на Петра, но тот легко оттолкнул его и со злой решимостью проговорил: «Ну давай, тронь меня!» И, не обращая уже больше внимания на мужика, закрыл борт, пристегнул полог на все до единого ушки, сел на свое место, и мы поехали, быстро удаляясь от летевшей нам вслед брани.

Но от нее только радостно было на душе.

Когда мы въехали в город, уже начало смеркаться. За переездом машина повернула направо к больнице, и я попросил Петра остановиться, потому что отсюда мне было ближе до райкома. «Я доведу потом», — сказал Петр. «Ничего», — ответил я, — здесь рядом». Выбрался из машины и протянул руку Петру: «Спасибо!» Он кивнул, чуть улыбку.

Я двинулся краем разъезженной улицы, стараясь не оступиться в снежную кашу, и в уме уже отчитывался перед Кустовым. Он, я знал, найдет немало ошибок и промахов в моей двухдневной деятельности «на местах» и не преминет указать на них с обычной своей прямоотой и насмешливостью.

Я и сам знал, что действовал недостаточно умело. Но все же я не сделал ничего такого, за что мне теперь было бы стыдно.

Я шел, зурлил от яркого весеннего солнца и думал: «Вот бы всю жизнь так!»

«ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС В ШАХМАТАХ — БОРЬБА»

И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человеческой
диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

В. В. МАЯКОВСКИЙ
(из поэмы
«Владимир Ильич Ленин»)

Советские шахматисты гордятся тем, что Владимир Ильич Ленин любил древнюю и мудрую игру, называя ее «гимнастикой ума». О шахматных увлечениях нашего великого вождя рассказывается в письмах и воспоминаниях его родных, друзей и соратников.

«Играть Владимир Ильич начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, который был его учителем, со старшим братом Александром Ильичем, затем впоследствии с нами меньшими — сестрой Олей и со мной. Для меня он был учителем... — сообщает младший брат Ленина Дмитрий Ильич. — У Владимира Ильича было прекрасное правило, которого он сам всегда придерживался и строго требовал от своего партнера: обратно ходов ни в коем случае не брать — взялся за фигуру, ею и ходи...»

У него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые. Бывало, когда сделаешь в игре глупость и этим даешь ему легкий выигрыш, он говорил, смеясь: «Ну, это не я выиграл, а ты проиграл». Он обыкновенно играл серьезно и не любил так называемых «легких» партий. Играл со слабейшими игроками, чтобы уравновесить силы, давал вперед ту или другую фигуру. Когда же партнер из самолюбия отказывался, Владимир Ильич обычно заявлял: «Какой же интерес для меня играть на равных силах, когда нет надобности думать, бороться, выкручиваться».

«Шахматы любил наш отец, — вспоминала Анна Ильинична, — и любовь эта передавалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал их к себе в кабинет. Мы все выучились в них играть...» «Сначала отец нас обыгрывал, — рассказывал впоследствии Владимир Ильич, — потом мы с братом достали руководство к шахматной игре и стали отца обыгрывать».

«Нередко играл в шахматы В. И. Ленин, живя в Казани, — продолжает свое повествование Дмитрий Ильич. — Там его постоянным партнером был двоюродный брат А. А. Ардашев, с которым он посещал местный шахматный клуб. Однажды в то время Владимир Ильич попробовал свои силы, не глядя на доску. Он позвал меня к себе в комнату и сказал, что, не давая ничего вперед, будет играть со мной, не глядя на шахматы. Никогда не видевший такой игры и полагая, что это чрезвычайно трудная штука, я уверенно уселся за шахматы и решил сбивать его необычными ходами и разными

НА СНИМКЕ: В. И. ЛЕНИН ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ С А. А. БОГДАНОВЫМ В ГОСТЯХ У А. М. ГОРЬКОГО НА ОСТРОВЕ КАПРИ В 1908 ГОДУ.

«шпильками», авось, не заметит. Он уселся на кровать и стал диктовать свои ходы. Несмотря на все свои выкрутасы, я был разбит очень скоро в пух и в прах.

С интересом он начал партию по переписке с одним из лучших шахматных мастеров тогдашней России, Андреем Николаевичем Хардиным, юристом по профессии, с которым он в дальнейшем, когда сдал экзамены по юридическому факультету, работал в Самаре в качестве помощника присяжного поверенного. Ходы передавались по почте, обыкновенно открытками. После одного своего хода Владимир Ильич, ожидая ответного письма, несколько раз расставлял шахматы и говорил: «Интересно, что же он теперь делает, как выпутается из этого положения, я, по крайней мере, не нахожу удовлетворительного ответа...» Пришел наконец ответ, которого долго ждали. Немедленно были расставлены шахматы. Мне, уже заинтересованному их игрой, ход Хардина показался нелепым. Владимир Ильич вначале тоже недоумевал, но потом очень скоро продумал положение и сказал: «Н-да, это игрок, чертовская сила!»

«Зимой 1889—1890 гг. мы жили всей семьей в Самаре на Заводской улице в доме Каткова, у самой Волги, — писал далее Д. И. Ульянов, — в это время Владимир Ильич больше чем когда-нибудь увлекался шахматами... Был организован турнир с участием 8—10 человек... Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей... Владимир Ильич категорически отказался их взять, и, по его предложению, они были пожертвованы на что-то».

В селе Шушенском 8 марта 1898 года В. И. Ленин пишет из ссылки

ли минусинцы, которые теперь сильно увлеклись шахматами, так что мы сражались с превеликим усердием. Разобрали и Вашу партию. Судя по ней, Вы стали играть гораздо лучше. Вероятно, довольно долго обдумывали каждый ход и (может быть?) пользовались консультацией соседей? А то ведь теперь страшно, пожалуй, и сражаться было бы с человеком, который победил Ласкера!»

В книге «На рубеже двух веков» П. Н. Лепешинский пишет: «Ярче всего натура Ильича как природного спортсмена сказывалась в шахматной игре. Она более всего соответствовала его психологии неугомонного борца, который должен во что бы то ни стало одерживать верх над тем или иным противником. Как известно, и Маркс и Энгельс очень любили шахматы, причем проигрывали партии для Маркса был источником сильного нервного возбуждения и раздражения. Владимир Ильич никогда не раздражался и не ругался по поводу своих шахматных неудач, но любил эту игру не меньше Маркса...»

Последний раз я играл с Владимиром Ильичем в 1903 году в Женеве. Дома у него не оказалось даже шахмат, мы нашли какую-то кофейню, где и уселись за игру. Владимир Ильич спросил меня, что я буду пить, я высказался за мюнхенское пиво. Он подозвал кельнершу и заказал кружку пива и стакан черного кофе. «Пива что-то не хочется», — сказал он с хитрым огоньком в глазах... Играл четыре с лишним часа одну партию, притом так сосредоточенно, что окружающие начали под конец посмеиваться над нами».

Известно, что В. И. Ленину нравилось решать шахматные композиции, ибо он высоко ценил эстетику шахмат. Природная интуиция позволяла ему быстро решать задачи и этюды. В письме брату 17 февраля 1910 года Владимир Ильич писал: «Дорогой Митя! Получив твою задачку, я чуть-чуть «раззагорился» на шахматы, а то было совсем, совсем все переизбыл. Задачку твою я решил легко Лд8—d6. А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился... Красивая штука!»

«В начале 1922 года, перед болезнью, когда Владимир Ильич отдыхал в Горках, — свидетельствует Д. И. Ульянов, — я, чтобы немного развлечь его, давал ему некоторые задачки. Он решал их поразительно быстро».

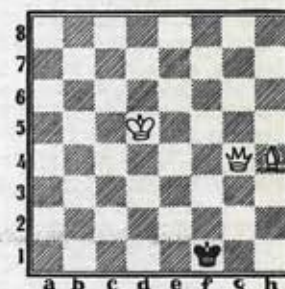
В Центральном музее В. И. Ленина в Москве находится немало экспонатов, подтверждающих достойное место, которое занимали шахматы в жизни великого вождя. Внимание посетителей музея привлекает шахматный столик семьи Ульяновых с потайным выдвижным ящиком для хранения нелегальных материалов и писем. В зале, посвященном жизни и деятельности Владимира Ильича в 1920—1922 годах, демонстрируется другой шахматный столик, на котором фигуры символизируют борьбу труда с капиталом. Это подарок Ленину сотрудников аппарата ЦК партии к 5-й годовщине Октябрьской революции. На столике стоят шахматные часы, преподнесенные Владимиру Ильичу московскими шахматистами. Здесь же лежат письмо В. И. Ленину, в котором его извещают о его

избрании почетным председателем Московского шахматного общества, и членский билет № 1, оформленный на его имя.

Предлагаем вниманию читателей «Смены» шахматные композиции, которые решал Ленин.

Эту трехходовую задачу П. Н. Лепешинского Владимир Ильич решил за пять минут, не передвигая фигур!

Здесь перед вами миниатюра на мат в три хода американского проблемиста Отто Вюрцбурга, которая понравилась Владимиру Ильичу.

Автор этой остроумной двухходовки, опубликованной в литературном приложении к журналу «Нива» № 3 за 1909 год, — Дмитрий Ильич Ульянов.

Перед вами этюд (белые начинают и выигрывают) выдающихся русских шахматных композиторов братьев Василия и Михаила Платовых, удостоенный первого приза на конкурсе газеты «Ригер таглат» 1909 года и высоко оцененный Лениным.

...

Краткие ответы на эти композиции будут приведены в одном из ближайших номеров журнала.

Начало

Музыка Георгия МОВСЕСЯНА.
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Как будто в океан могучие ветра нас вынесли.
И детство за спиной, и помним мы о нем единственном.
И оказалось вдруг, мы выросли уже, мы выросли,
Доказывать пора, доказывать, на что годимся мы.

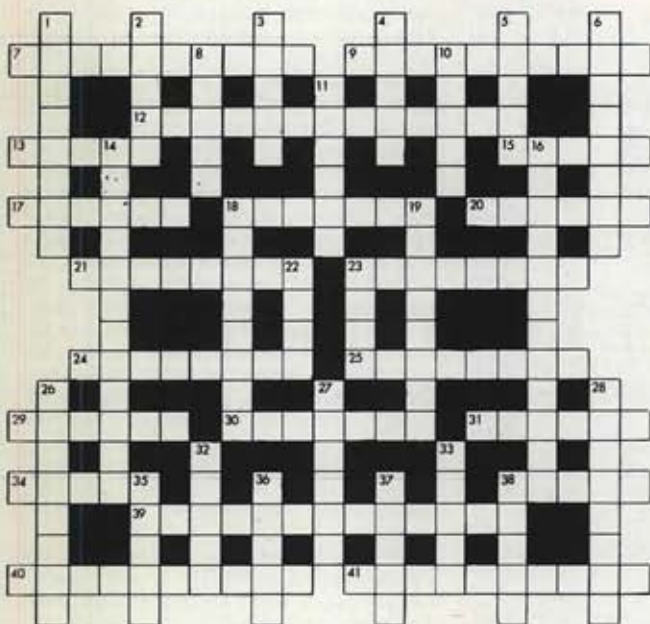
Припев:
И пусть учащается наш пульс,
Начинается наш путь,
Начинается песня!
Нам жить,
Этот воздух степной пить,
И по звездным морям плыть,
И бессмертными быть!

Пройдем мы по земле с огромными ее закатами.
Научимся любить, и плакать, и молчать у знамени.
И утро настает и в лица нам глядит загадочно,
Чего-то ждет от нас, но этого пока не знаем мы.

Припев:
И пусть учащается наш пульс,
Начинается наш путь,
Начинается песня!
Нам жить,
Этот воздух степной пить,
И по звездным морям плыть,
И бессмертными быть!

КРОССВОРД

Составил Ф. ЧЕРЕНКОВ,
Москва

По горизонтали:

7. Автор поэмы «Владимир Ильич Ленин». 9. Композитор, автор «Песни о Родине». 12. Ученый-энергетик, академик, возглавлявший комиссию ГОЭЛРО. 13. Озеро в Италии у подножия Альп. 15. Гидротехническое сооружение, искусственное русло. 17. Наименование серии искусственных спутников Земли. 18. Состязание на гоночных автомобилях малых размеров. 20. Синтетическое волокно. 21. Магнитное отклонение в местах залегания железных руд. 23. Порт на Кременчугском водохранилище. 24. Первая народная артистка республики. 25. Киргизский писатель, лауреат Ленинской премии. 29. Хирургический нож. 30. Скульптор, автор «Ленинианы». 31. Выдающийся советский летчик, Герой Советского Союза. 34. Приток реки Лены. 38. Болгарский поэт, лауреат Димитровской премии. 39. Отрасль медицины. 40. Прибор для исследования процессов в оптике, радио. 41. Аппарат для показа неподвижных снимков.

По вертикали:

1. Народный поэт Дагестана, Герой Социалистического Труда. 2. Конусообразная гора на Дальнем Востоке, в Сибири. 3. Государство в Океании. 4. Письменный знак. 5. Герой сатирического произведения Я. Гашека. 6. Действующее лицо романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». 8. Содержание, развитие действия в литературном произведении. 10. Деталь часового механизма. 11. Советский журнал для молодежи. 14. Массовое торжественное шествие. 16. Соната Л. Бетховена. 18. Действующее лицо пьесы А. и П. Тур «Чрезвычайный посол». 19. Автор романа о комсомольцах первой пятилетки «Мое поколение».

22. Курорт в Крыму. 23. Река в районе строительства БАМа. 26. Колхозница, новатор сельского хозяйства, дважды Герой Социалистического Труда. 27. Союзная советская республика. 28. Народный художник СССР, возглавлявший авторский коллектив, создавший картину «Выступление В. И. Ленина на третьем съезде комсомола». 32. Кличка собаки, совершившей полет в космос. 33. Размер типографского шрифта. 35. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 36. Центр автономной области. 37. Народный артист СССР, создатель на сцене образа В. И. Ленина. 38. Советский космонавт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

9. Тамаринд. 10. Антрекот. 11. Орша. 12. Сажа. 13. Валторнист. 15. Огрже. 16. «Егерь». 17. «Армида». 19. Елисейев. 20. Канцона. 21. Алмаз. 23. Тюльпан. 25. Аренга. 28. Амарио. 29. Вагиф. 30. «Владемирка». 33. Урал. 35. Штат. 36. Ксилофон. 37. Цирконий.

По вертикали:

1. Мадригал. 2. Сага. 3. Пикша. 4. Адаптер. 5. Маринад. 6. Станс. 7. Пенс. 8. Лонжерон. 13. Венецианов. 14. Тернослива. 17. Авеста. 18. Акоста. 22. Изморось. 24. Ализарин. 26. Радиант. 27. Гливице. 31. Люффа. 32. Кайра. 34. Лель. 35. Шкот.

СУРОВАЯ И НЕЖНАЯ ГАРМОНИЯ

В честь славной традиции коммунистических субботников была организована выставка Московского отделения Союза художников, представляющая живописцев, графиков, скульпторов. На выставке были показаны работы последних лет, и в них отразился сегодняшний день трудовой России. Горячие цеха ЗИЛа и Московский судостроительный и судоремонтный завод, темные туннели метрополитена и улицы подмосковных городков, благоустраиваемые во время субботника, — везде побывали художники, находя пластическую красоту и одухотворенность в сильных ритмах и гигантских масштабах современного индустриального производства. За эти годы родилась новая эстетика: мы видим подлинную красоту в фабричных силуэтах, в ажурной стали телевышек и панораме рудных карьеров. Именно нравственное и творческое начало труда вдохновляло живописцев и скульпторов,

именно оно стало камертоном, задавшим верный тон устроителям выставки в Центральном Доме литераторов.

«Никакого украшения», казалось, было девизом А. Бурыкина, когда он писал портрет комплектовщицы Г. Воробьевой: коричневатая-серая гамма, лаконичная композиция картины, где только напряженно выпрямившаяся на табурете девушка в спецодежде. Но стоит взглянуть — и в этой сдержанности манеры распознается созвучие жизненной позиции самой молодой работницы: она полна заботами о своем деле и каждую минуту готова вскочить и вернуться к работе, — так велика поглощенность трудом и ответственностью за него. Отсюда та душевная цельность, крепость, которые не нуждаются в ярких внешних проявлениях, но покоряют и автора картины и нас, зрителей.

Различно видение мира, отличаются друг от друга творческие манеры

А. ВИНОГРАДОВ. СУББОТНИК В ПУШКИНЕ.

В. ЖУК. ЗАВОДСКИЕ СИЛУЭТЫ.

А. БУРЫКИН.
ПОРТРЕТ Г. ВОРОБЬЕВОЙ.
КОМПЛЕКТОВЩИЦЫ.

П. МАРЧЕНКО. В ГОРЯЧЕМ ЦЕХЕ.

Д. ВОРОНЦОВ. КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ СТРОЙКА.

художников, представивших свои последние работы, но все они объединены стремлением создать полноценный художественный образ героев коммунистического труда.

Вот картина А. Лазыкина «Вечер на стройке», решенная автором экспрессивно, она воздействует на зрителя своим концентрированным впечатлением: громада завода, монолитная в своих тускло сияющих гранях, кажется, противостоит человеку стихийной и непокоренной мощью, хотя и сотворена она человеческими руками. Полотно Д. Воронцова выдержано в реалистическом духе. Сквозные, подчиненные законам инженерной красоты конструкции «Комсомольской ударной стройки» и люди рядом с ними являются собой дружественные, соразмерные силы: здесь свободно дышится и легко работает. Предельно обобщены «Заводские силуэты» В. Жука. Гармоничная ясность ритма и цвета, алые знамена-облака придают замыслу картины весомость символа: кажется, в ней воплощено то преклонение перед создателем-человеком и его помощницей-индустрией, та окрыляющая радость труда, которые от их зарождения в горниле революции исповедуют советские люди.

Горят в печах огни (П. Марченко «В кузнечном цехе ЗИЛа»), и этот неугаемый огонь тоже видится символом той эстафеты революционного труда, которую передают друг другу все новые поколения тружеников нашей страны.

Елена ВАСИЛЬЕВА